

Тереза Тур

Тенор

не моей мечты

Я не могу его видеть. Я не могу слышать его заволаживающий голос. Я хотела бы забыть о нем и жить своей жизнью, но... Наша дочь выбросила скрипку, покрасилась в зеленый цвет и собирается делать революцию в музыке. И пусть чертова звезда попры не думает, что ему удастся остаться в стороне! В конце концов, дочка-то вся в него!

В тексте есть: вернуть любовь, от ненависти до любви, смех и юмор

- [Тенор \(не\) моей мечты](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцать](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Эпилог](#)
-
-

Тенор (не) моей мечты

Тереза Тур

Глава первая

Каждый портит свою жизнь так, как считает нужным.

И чего мешать?

— Ты почему зеленая?

Я увидела дочь, пришедшую со школы — и просто остолбенела.

— Я не зеленая, — оскорбленной паровой сереной взвыла Катя. — Я — мятная!

Я посмотрела повнимательнее на эту... мятную зелень. И чуть не взвыла сама. Где моя девочка? Неясно. А тринадцать ее лет — вот они. Как по часам. Откуда взялось это чудовище с упрямо поджатыми губами, зло сверкающими темными глазами в обрамлении длиннющих ресниц? Где...

— Волосы, — простила я. — Где? Коса... Мы же с тобой... Отращивали. С самого детства. А сейчас?

Господи, это что за лохмотья на голове...

Я понимаю, умом, наверное, понимаю, что раз все живы, почти здоровы, то ничего не произошло. Наверное. Ну, зеленая, как жаба. Ну, коса, с детства рощенная.

А теперь. Не удержавшись, я всхлипнула.

— Это все глупости, мама.

Катя посмотрела на меня хмуро. Отвернулась. Хотела было проскочить мимо меня в комнату. Но тут... Сверкнуло на крыле выразительного папиного носа что-то...

— Это. Что?

— Пирсинг, — с негодованием глянула на меня юная... — И, мама, я в эту отстойную школу больше не пойду.

Ба-а-ам.

Что-то лопнуло во мне. Разлетелось осколками. Нервы? Терпение? Я сама?

— Отстойная?! Школа?! — Теперь заголосила и я. Стены, ощутив постановку моего голоса, дрогнули, но устояли. — Вот так просто — не пойду? В школу при консерватории?

— Да кому все это надо, — не осталась в долгу дочь, а дом протяжно и жалобно вздохнул. — Весь этот бред с вашими скрипочками? С тирлим-тирлимами. Все эти Бахи и Брамсы ваши бесконечные. Да вы устарели еще лет сто назад. Вам с вашей классикой только детей пытаться.

— И это ты у нас запятанная? Бедная? — схватилась я за голову.

— Что тебя это все дало? Твоя школа при консерватории и классическое музыкальное образование? Сильву заглавной партией раз в год в твоей оперетте? И каждый раз трястись — может, кого другого поставят! А отцу? Его песенки дурацкие в квартете дебильном и рояль, на котором он почти не играет, потому что у них Лева есть?

— Катя. Что ты несешь?

Честно говоря, я понятия не имела, что сказать. Такого просто быть не могло. Не со мной. Не в нашей семье. Не с моей девочкой-скрипачкой.

— Правду, — ничуть не смутившись, ответила дочь. — Я все сказала в школе. Можете, кстати, забрать документы. Теперь все сказала тебе. И обязательно выскажу отцу.

Бам-бам-бам! Барабаны в моей голове зашлись в ритме изумительно тяжелого рока.

— Ах, отцу, — протянула я и вдохнула поглубже, пытаюсь успокоиться. Но руки

подплясывали, когда я схватила телефон, выбрала номер: — Отцу. Конечно. А что. Давай прямо сейчас.

— А давай, — ребенок закусил удила.

Меня трясло, пусть уж и бывший муж насладиться. А то все время — папа хороший, а я так. Мегера. Уроки заставляю делать и на дополнительные занятия по музыке загоняю. Устарела и запытала. И Баха люблю.

Трубку ожидаемо никто не брал. Ну, кто у нас самый занятой человек на планете Земля и в ее окрестностях? Кто б сомневался.

— Как обычно, — нахмурилась Катя.

Мне б помолчать, но я уже не могла:

— Ну, на его последние выступления ты сама не захотела. Хотя он ждал и обижался. А ты почему-то сделала крайней меня.

— Что я там не видела? Его новых вешалок?

— Катя.

— Что Катя? У него вешалки — одна другой противнее. Губищи — во! Ноги — атас просто. Тупые-е-е.

— Катя. Нас это не касается.

— Нас теперь благодаря тебе вообще ничего не касается, — тихо ответила дочь, резко утерев внезапно появившиеся слезы. — И девочка теперь рядом есть. Одной из них. Некая Ма-ша. Пусть с ней и общается. Пусть она к нему на концерты и ходит. Весь этот отстой про оленей слушать.

— Довольно, — прервала я поток обличений. — Я не желаю все это проходить в одиночку.

— Что это — все?!

— Законы твои подростковые. Хочешь высказаться, пойдем, выскажешься. Собираемся.

— Куда? — насупилась юная бунтовщица. И, кажется, слегка струхнула.

— К отцу.

— Зачем?

— Масленицу справлять будем. Вся Москва гуляет, чем мы хуже.

Я с трудом, но взяла себя в руки. Распахнула дверцу шкафа и стала одеваться. Очень кстати буквально час назад по ТВ и в сети объявили о «сюрпризе дорогим москвичам и гостям столицы», внезапном концерте квартета «Крещендо» на свежем воздухе.

— Мама, он же что-то там поет.

А, надо же. Дочь тоже в курсе.

— Он всегда поет, — отрезала я. — А сегодня отвлечется.

Бр-р. Кроме того, что люди всюю праздновали Масленицу и поэтому по всей Москве витал запах блинов, ничего не говорило о том, что зима куда-то собиралась уходить. Морозец бодрил, небо сияло ледяной синевой, а снег привычно хрустел под ногами, словно посмеивался над глупыми людишками, что пытались прогнать зиму и отчего-то надеялись на тепло.

— Холодно!

Катя ежилась и всем своим немалым артистическим дарованием демонстрировала мне, что поругались — и хватит, идти никуда не надо. И вообще — блины вон. А морозить юные таланты — нехорошо это. Но я сегодня была как-то странно непреклонна. Честно говоря, сама себе поражалась. Обычно несчастного Катиного взгляда хватало, чтобы я перестала

гневаться и начала улыбаться. И все. Конфликт был бы исчерпан. Но... не сегодня. Почему-то.

А кругом были люди. Люди. Сколько их! Улыбаются, радуются. Казалось, весь мегаполис собрался здесь, чтобы улыбнуться друг другу.

Мы добрались до Манежной быстро — именно тут работал сегодня Артур в составе нелюбимого мною квартета. И не потому нелюбимого, потому что кто-то из них по отдельности и все они вместе пели плохо. Нет. Просто...

Ладно, проехали. Прошлое уже давно пора отпустить. И готовность мужа бежать за «своими» хоть на край света, даже если в доме болеет ребенок, и я не спала двое суток. И постоянное присутствие в доме Левы. Нет, физически он почти никогда у нас не появлялся, но присутствовал постоянно. И просто сумасшедшее состояние Артура, когда в квартете начинались проблемы. А в тот год, когда мы расстались, эти проблемы были постоянно. И разговаривать с мужем было невозможно. Он не то чтобы не слышал. Он просто был не с нами.

Так. Что со мной. Забыла же. Отпустила. Прошлое надо мной не властно! И Артур — это только лишь прошлое? Анна. Все. Хватит. Ты здесь зачем? Привлечь на помощь отца твоей дочери. Чтобы как-то утихомирить внезапно разбушевавшийся ураган по имени Катерина.

«Зря, ой зря!» — вдруг проснулся внутренний голос. Но было уже поздно. Мы пробирались сквозь веселящуюся толпу, запахи вкусов и звуки оркестра. И вдруг я замерла, словно налетела на стену.

Я слышала голос. Его голос. И воздуха стало не хватать.

— «В юном месяце апреле в старом парке тает снег...»

Это было завораживающе, как будто он умел колдовать. Он выпевал фразы детской песни так чарующе, что площадь замерла — и погрузилась в сказку. Каждый человек в свою. Я вспомнила нашу весну. Первую, сумасшедшую. Которая осталась где-то, где счастье с привкусом кофе на губах, заплутавшее в запахе сирени. Мы все время старались коснуться друг друга. Нам было мало ночи. Мало дня. И...

Стоп. Он всегда был обольстительной сладкозвучной сиреной. Колдовским созданием. А были ли мужчины-сирены, способные несколькими звуками своего волшебного голоса увлечь в Бездну?.. Черт с ней, с Бездной, можно и туда. За такой вихрь чувств — не жалко. За один его взгляд из-под ресниц не жалко.

Но вот в какой-то момент я поняла, что нахожусь так далеко от себя самой, чтобы просто потерялась. И меня не стало. Снова.

Итак, он был сиреной. А я... была его женой.

Была. Хорошее слово. Замечательное, изумительное и прекрасное.

И очарование вдруг исчезло. Как и желание бежать вперед, к нему навстречу, раскинув руки, с сердцем, заходящимся от восторга. Я излечилась от этого. Какое счастье.

Он поет. Чудесно. И изумительно отрепетировано. Вот и пусть поет.

— Bravo! — выдохнули все разом, через долгое мгновение, когда смолкли последние звуки песни, так щедро обещающей и весну, и надежду.

— Мы любим вас! — пронесся голос Льва над Манежной.

— Ма-ма! — зарычала на меня Катя, даром что в слове «мама» ни одной буквы «Р». Судя по насупленному лицу, ни моих восторгов, ни восторгов толпы она не разделяла. — Вот скажи! Из десятилетия в десятилетие? Не надоела тягомотина эта? Китчи сплошняком!

Они б еще «Ой, мороз, мороз» затынули. Позорище!

— Не надоело, — улыбнулась я. — Тем более, послушай, какой роскошный звук!

Ровно в этот момент Артур начал «Степь да степь кругом». Звучало великолепно. И крайне актуально. Особенно про «замерзал».

— Ага! Я же говорила! — торжествующе подняла палец Катя. — Дремучий отстой! Я сама тут околею, как ямщик в степях. Бр-р-р. Хочешь организовать мне выволочку — пошли уже.

И дочь решительно направилась к забору из стальных прутьев, сооруженной вокруг временной сцены, и бойцами ОМОНа, что с необычайно суровыми и красными от мороза и ветра лицами символизировали разгар народных гуляний.

Мы подошли туда, где обычно был проход в ВИП-зону. Я достала телефон и написала смску: «На месте». А что? Можно подумать, у меня нет знакомых, которые способны провести куда угодно. Ну, по крайней мере, культурные мероприятия обеих столиц — не особая проблема.

Я увидела знакомую — администратора оркестра, с которым сегодня и трудился квартет. Она замахала рукой, пошла к нам, но тут ее бесцеремонно перехватили. Какой-то мужик с непростым лицом, злобным и сосредоточенным, что-то спросил. Девушка махнула рукой в нашу сторону. Мужик отрицательно покачал головой.

— Ну что? — радостно спросила Катя, внимательно наблюдавшая за пантомимой. — Идем домой? Или подождем, пока отец напоеется, чтобы перехватить его после бабки-шоу? Только давай сделаем это в кафе, оставим папеньке смс-ку, как полагается цивилизованным людям. А там, дня через три, и до нас дойдет очередь. Ну, если они месяца на полтора по гастролям не свалят.

Что-то уже даже мне зеленые волосы дочери показались не такой уж веской причиной, чтобы слушать выступление бывшего и рвать себе сердце. Как-то об этом я не подумала. А зря. С самого развода не общались особо, тем более, я не слушала концертов. И, получается, правильно делала.

Я уже собиралась кивнуть, соглашаясь с дочерью, но тут заметила, как к паре споривших присоединилось еще одно действующее лицо. Девочка. Возраста Кати, в короткой дубленке, огромном полосатом шарфе и шапке с помпоном. Увидев ее, Катерина помрачнела и прошипела сквозь зубы что-то неприличное. У меня уже не были сил ругаться, весь пар ушел на то, чтобы не погибнуть по такой холодрыге. Поэтому я только вопросительно посмотрела на дочь.

— Это. Ма-ша, — с ненавистью проговорила та.

— Кто такая Маша?

— О! Это самое родное существо для папочки. Дочь некой Олеси. И по совместительству пиар-менеджер «Крещендо».

— Олеся — пиар-менеджер теперь? — я зло улыбнулась, вспомнив Дану. — А ту рьяную красотку куда дели?

— Олеся — их руководитель. А вот эта девчонка, ее дочь, их новый пиар-менеджер.

— Они спятили?

Я с удивлением разглядывала девочку, замотанную в шарф так, что лица не было видно. В руках «пиар-менеджер» держал камеру на палке. Девчонка что-то строго сказала охраннику. Я ожидала, что тот как рявкнет на пигалицу, что она просто отлетит, но грозный амбал потупился. Кивнул. И отступил. Девчонка протянула руку. Моя знакомая вложила два

бейджа на яркой ленте. И испарилась. А девчонка пошла к нам. Просочилась в неприметный проход.

— Добрый день, — сказала она и, не обращая внимания на бойцов ОМОНа, напрягшихся при ее появлении, протянула нам бейджи. — Простите за задержку. У нас тут просто апокалипсис. Томбасов, его гости-иностранцы. Проходите, пожалуйста.

— Спасибо.

Мы с дочерью пошли за ней. М-да, сколько охраны, хотя, если здесь Томбасов — немудрено. Понятно, почему квартет по такому морозу петь вынесло. Бросилось в глаза, что охранник, который не хотел нас пропускать, что-то говорил дорого одетому господину. Явно жаловался. Я узнала начальника службы безопасности Томбасова. Мы раскланялись. И он жестом отправил подчиненного восвояси. Но как-то многообещающе посмотрел на Машу.

— У вас не будет проблем? — спросила я девочку, покосившись на Катю. Дочь, судя по выражению лица и яростно горящим глазам, особой благодарностью к «некой Маше» не воспылала.

— У меня? — рассмеялась девчонка. — Нет. Вот у администраторов за безобразную организацию — обязательно. Мама позаботится.

Здесь, за ограждением, народ так не толпился. И было значительно теплее. Перед сценой стояли накрытые столы: традиционные блины с икрой, шампанское и прочая осетрина. Слышалась английская речь.

— У нас тут прием. Великосветский практически, — говорила Маша. — Сплошь лорды, леди и «выдающиеся культурные деятели». А наши, — кивок на сцену, — обеспечивают культурную программу а-ля рюс. По такому холоду.

Я кивнула.

И тут один из гостей, смуглый, со всклокоченной черной шевелюрой и одетый в бобровую шубу, громко сказал сидящей рядом с ним за столом леди в горностаях:

— Тебе это нравится, Мадонна? — Он говорил по-английски с заметным итальянским акцентом. — О нет! Мама миа, это же не музыка, это же какие-то стенания!

Дама укоризненно покачала головой и негромко возразила, но мужчину было уже не остановить:

— Это просто ужасно! Все русские поют одно и то же! Китч! Тоска смертная! А костюмы? Петь этот ваш фольклор на морозе в смокингах, невероятный идиотизм! Немудрено, что тенор не интонирует... вот, вот! Разве можно петь с таким лицом?!

Я моргнула. Мне нестерпимо захотелось взять все, что стояло на столе перед этим снобом, и просто уронить ему на голову. Ах ты ж ценитель!

Судя по сердитому сопению, особенно громкому на словах о тоске и китчах, Кате тоже хотелось убить сноба особо жестоким способом. Никто не смеет ругать папу! Тем более ее же словами.

Но. Никто ничего не успел. Потому что Маша стартанула вперед как ракета, которой надо было преодолеть земное притяжение.

— Да как вы смеете! — на хорошем английском проговорил ребенок.

Я отметила правильную, академическую постановку голоса. Песня как раз закончилась. И девочку было слышно более чем хорошо. Как все замерло, не сказать, что на всей Манежной площади, но в резервации для vip-персон — точно.

К Маше удивленно обернулись и дама в горностаях, и итальянский «культурный деятель» — на лорда он уж никак не походил.

— Они как раз музыканты. И люди, — продолжала обличать Маша.

Итальянец раскрыл было рот, собираясь ответить, но спутница властно перехватила его за руку и велела:

— Бонни, заткнись и ревнуй молча, — на хорошем, но не родном итальянском.

Увлечшаяся Маша этого не заметила. Ее несло, как советский бронепоезд на немецкие танки.

— Потому что для того, чтобы встретить гостей... — О! Сколько богического яда в этом слове слилось! А какой пламенный взгляд она метнула на олимпийски спокойную леди! — ...у музыкантов отобрали тепловые пушки. Осталась только одна. И ее отдали оркестру, чтобы девчонки-музыкантши пальцы не убили на таком морозе. И если вы не слышите, как они поют, то... вы весьма далеки от музыки и...

Маша осеклась, лишь заметив подошедшую к ней даму в весьма неслабых соболях. Я, на самом деле, приготовилась защищать девочку, если вдруг мало ли чего. По-моему, Катя, до этого жаждавшая крови Маши, собиралась поступить так же точно.

Но дама только улыбнулась, своеобразно взмахнула рукой, парни на сцене запели дружно, словно отмашку от руководителя хора получили. Люди вокруг заговорили негромко. И словно ничего не произошло. Занимательно как!

— Маша, — заговорила подошедшая. — Если ты пытаешься доказать свою точку зрения, то помни две вещи.

— Да, мама.

О! Так это еще и та самая Олеся, при имени которой Катька готова рвать и метать. Как интересно!

— Во-первых, ты никогда никому ничего не докажешь.

— Но тебе же удастся.

— Должны быть рычаги воздействия.

Девочка кивнула. Катя тоже наострила уши. А гостя в горностаях иронично усмехнулась и что-то сказала на ухо итальянцу.

— А во-вторых? — Маша по-прежнему с негодованием смотрела на итальянца, который явно изо всех сил пытался понять, что же говорит Олеся, но делал при этом снобски каменную морду.

— Во-вторых, когда ведешь дискуссию или дерзишь, надо не повышать голос — кто кричит, тот априори выглядит слабым и неправым. Надо улыбаться и говорить чуть тише, чем обычно. Это всех бесит.

— Что она сказала, Мадонна? — спросил итальянец, сделав вид, что больше не замечает Машу.

Леди в горностаях усмехнулась, подмигнула Олесе... мне не показалось, нет?.. И принялась что-то шептать ему на ухо.

А Олеся перевела взгляд на нас. И отчего-то радостно улыбнулась:

— Добрый день. Простите за это представление. Я — Олеся...

Честно говоря, мне захотелось ей поаплодировать. Но тут я поняла, что, пока мы увлеклись маленьким международным скандалом, пошло до боли знакомое вступление в песне. А Артур... Шел прямо ко мне, ослепительно улыбаясь — что-то слишком чересчур ослепительно даже для него. К тому же он о чем-то вещал в микрофон. Я не сразу поняла, что именно он говорит.

— Мы рады, что наши друзья присоединились к нам в этот замечательный день!

Приветствуем Анну...

Он протянул мне руку, произнося в микрофон мою фамилию.

Я обернулась к телекамере — только сейчас ее заметила! Вот что значит переключиться в рабочий режим! — и улыбнулась, профессионально скрывая недоумение. И помахала в камеру под ликующие аплодисменты и крики браво из толпы на площади.

— С ума сошел? — спросила я беззвучно не прекращая улыбаться, пока Артур хватал меня за руку, не дождавшись, чтобы я вложила свою в его.

Артур не ответил. Просто потащил меня на сцену уже под Левино бархатное:

— Осенью в дождливый серый день...

Я хотела сбросить пальцы бывшего мужа со своих, но вдруг поняла, что они настолько ледяные, что прожигают сквозь мою перчатку. Подняла взгляд на Артура. Лоб в испарине, а дыхание... Бог мой, он как еще не рухнул? Не говоря о том, чтобы петь. Я говорила, что он сирен? Нет. Он идиот, каких земля еще не видывала! Я запустила руку в карман, вытащила пузырек с любимыми гомеопатическими драже, от которых у меня всегда прорезался голос, в любой ситуации, выхватила микрофон и...

— Вернись лесной олень по моему хотению...

Черт с ним, что мы еще на ступеньках, которые ведут на сцену, черт с тем, как микрофон отстроен. Я вступила сольной партией, потому что поняла, что по-другому не могу. Уж пусть подстраиваются остальные как хотят. Они подумали — и дали мне допеть вообще сольником, со второго куплета втроем уйдя на бэк-вокал. Вот хороши, стервецы! За спиной я чувствовала тяжелое, прерывистое, с неплохой такой одышкой дыхание Артура. Петь... да он дышит со свистом!

— Bravo! — взорвалась уже разогретая площадь.

Я поклонилась, ловя взглядом довольную мордашку Кати. Маша сосредоточенно снимала. Олеся показала мне большой палец. И тут же что-то сказала подошедшему к ней представительному мужчине. Хотя она улыбалась, мне вдруг показалось, что слова ее были не очень приятными.

— Приветствуйте нашего дорогого друга, солистку Московского Театра Оперетты Анну Половцеву, — раздался рядом голос Левы.

Вблизи он выглядел симпатичным замороженным зомбиком. Да и остальные были... Ох и хороши! Лица под гримом белые, губы приятной синевы. Сергей и Иван улыбнулись мне. Они просто ненормальные, все четверо!

— Ехали на тройке с бубенцами, — одними губами сообщила я Леве, стараясь не думать, в какой тональности сработает оркестр.

Не знаю, было ли у него телепатическое сообщение с дирижером, но в ту же секунду заиграли именно эту мелодию.

По-е-ха-ли. Люблю я этот романс.

Я запела, ловя горлом ледяной воздух и давя панические мысли о том, как же я завтра буду работать в родном театре.

Овации, поклоны, лощеный блондин из VIP-зоны протягивает мне букет цветов, благодарит по-английски. Позади него мелькает знакомое лицо: мэр Москвы собственной персоной. Мистика просто. И откуда взяли? Цветы, не мэра.

Потом недолгие поклоны, что дарят драгоценное время для певцов, чтобы те могли отдышаться. Микрофон оказывается у мэра, он вещает что-то празднично-оптимистичное, почему-то глядя на того самого англичанина-блондина.

А я уйду. Осталось спуститься по ледяным ступенькам, не наворачившись. Условия — да-а-а! Просто сказочные!

Не глядя вниз, опираюсь на чью-то предложенную руку. Обнаруживаю начальника службы безопасности, которому жаловался охранник.

— Вы прекрасны, Анна, — целует он мне руку. — И очень вовремя.

— Убейте организаторов, — говорю я, обращаясь даже не к нему, скорее, к Вселенной.

— О, это всенепременно, — кривится мужчина. — Даже страшно предположить, что Олеся Владимировна затребует за это выступление, за ларингит одного из ее любимых квартетовцев. Хорошо бы Маша никого из гостей иностранных не убила. Тут сплошь лорды.

— Сочувствую, — злорадно говорю я.

*Любая женщина на свете,
Какой бы милой ни была,
умеет делать куклу вуду
И знает, где стоит метла...
(С) Баян, но какой же классный)))*

Олеся

Нет, на площади решительно требовались беснующиеся цыгане. Чтобы в глазах рябило от разноцветия юбок и платков, чтобы яростно звенели монисто. Молодые цыганки в такт подергивали плечиками, а гитары стонали. Кругом носились тройки, запряженные ревущими медведями. И какой-нибудь заваливающий, но выразительный полк гусар, в идеале уже в состоянии белой горячки после недельного запоя. Всенепременно шампанским.

Вот тогда было бы весело, лихо и с русским размахом, который сегодня и возжелал изобразить Томбасов. А то что получается? Выпер на Манежную синюю, но трезвую четверку в смокингах. И цельный оркестр. На мороз. Барин...

И что? Кого он этим хотел удивить? Лорда Как-его-там? Можно подумать, его интересует хоть что-нибудь, кроме русской водки и черной икры. Ну, еще и предложений Томбасова по бизнесу.

Олеся посматривала на мужа, попутно улыбалась всем, очень надеясь, что получается не слишком похоже на злобный оскал, потому что больше всего ей хотелось выйти на сцену и волевым решением прекратить все это безобразие. Замотать певцов в теплое, выдать им чая по-адмиральски — чтоб коньяка много, а кипятка, заварки и сахара на самом доньшке. Отлаять с этой же сцены всех и сразу... Томбасова и организаторов — это понятно, им еще прилетит волшебник. Но чуть позже.

Олеся даже мечтательно прищурилась. А вот остальные... Она оглядела вип-тусовку, над которой возвышались Томбасов и светловолосый лорд с каким-то простыми именем, которое она не запомнила. У этих двух воротил бизнеса были совершенно одинаковые морды лиц, выразительностью и человечностью созвучные с банкоматами. Хотя нет. В банкоматах ее больше. Особенно когда они зарплату выдают.

А эти...

Тьфу!

Артура уже увезли. Как хорошо, что Анна — это что ж получается, его бывшая жена? — отвлекла внимание своим появлением. И мэру, перехватившему микрофон, отдельная благодарность. В этой сумятице они слевой успели повернуть сложнейшую операцию, главное в которой было вытащить упирающегося тенора со сцены. Тут подоспел бас с его могучим рывком. Не сказать — пинком.

Артур хрипел, держался на ногах только на волевых. Но! Уходить не собирался. Потому как надо работать! Петь. Дуб дубский!

Олеся и остальных бы отправила по домам. Но Лева выразительно глянул на нее — почему-то стало стыдно, взглядом показал на людей, причем на тех, что столпились не в вип-зоне, а запрудили Манежную. И пошел петь дальше. На сцене тем временем было непонятное и незапланированное действие — англичане притащили длинные до пят шубы. И закутали певцов. Под бешеные аплодисменты и вопли толпы.

— Ничего не понимаю, — проворчала Олеся. И как раз поймала за рукав пробегающего мимо с удивительно деловым видом представителя мэрии, что и организовывал все это незапланированное безобразие.

— Где обогрев сцены? — спросила она почти нежно.

Парень воззрился так, словно она потребовала тут же, сию же минуту засадить Марс яблонями. Олеся же, не отводя взгляда, терпеливо ждала ответа.

— Как вы себе это представляете? — все-таки снизошел до ответа молодой человек. И зачем-то поправил сложно завязанный галстук, который было видно из-под полурасстегнутого пальто.

— Какая разница, как я это себе представляю? Главное, чтобы вы представляли, как это сделать.

— Никак. Вы не смонтируете это. Люди же смотрят!

— Но поют тоже люди. И им холодно.

— Ничего, — махнул головой молодой человек. — Мэр доволен. Гости довольны.

Олеся просто затрясло.

— Простите, — раздался рядом приятный женский голос. — Видимо, все происходящее — это моя вина.

Представитель организаторов, воспользовавшись этим, вырвался — и сбежал.

— Вы распорядились доставить меньше тепловых пушек, чем я заказывала? — резко ответила Олеся и только потом развернулась, чтобы посмотреть, кто это просочился в волшебный мир закулисья праздника, где все было совсем не так, как выглядело со сцены.

Увидела сначала горностаевую шубу ценой в полсамолета и по ней опознала супругу английского лорда. Миледи как там ее... О! Говард. Вспомнила. Говорила леди почему-то по-русски. А сопровождал ее, придерживая под локоток, тот самый итальянский сноб, что выбесил Машку.

— Дело в том, что я захотела погулять по Москве, — продолжила леди совершенно без акцента. — Соскучилась. А тут праздник.

— Эм-м...

Вот к этому Олеся как-то готова не была.

— Но я как-то не сообразила, что все это будет обставлено, — продолжила леди и обвела выразительным взглядом показушное безобразие, — вот так.

Олеся облегченно рассмеялась. Оказывается, вот оно что. Вот с чего лордов и иже с ними к народу потянуло. Вместо того чтобы наслаждаться великосветским приемом, тихими разговорами об очень больших деньгах и изысканной музыкой — парни классику а капелла готовили, чтобы петь в «Метрополе». Моцарта и Рахманинова, кстати. А получилось как всегда. Замысловато, в один час, без подготовки. И через... в общем, не по уму.

— А что случилось с тенором? — продолжала беспокоиться леди, пока ее смуглый и взъерошенный спутник вслушивался в русскую речь, которую явно знал не слишком хорошо. Что его, похоже, раздражало еще больше, чем мороз: он усиленно кутался в бобровую шубу и хмурился.

Олеся только вздохнула:

— Артур заболел.

— Но вы же — жена Томбасова?

Олеся кивнула.

— И как так получилось, что вы — здесь, а не в тусняке?

— Но и вы, леди Говард, тоже здесь, — рассмеялась Олеся.

— Тут намного интереснее. И привычнее, — призналась дама. — Ненавижу пафосные тусняки.

Тут ее спутник не выдержал и обратился к ней. Олеся впервые остро пожалела, что не знает иностранных языков. Даже английского, на котором спокойно болтает Машка.

— Бонни переживает, что такие голоса, такая энергия, — привычно перевела леди Говард, — и все напрасно.

— Почему напрасно?

Конечно, все это Олеся, как руководитель «Крещендо», слышала не раз. И после регулярных возмущений мамы Левы, которая впрямую говорила, что парни закапывают свой талант в землю, ее мало что могло тронуть. Но мнение этого итальянского сноба отчего-то задело.

Тот понял вопрос. И просто пожал плечами, похоже, не желая объяснять какие-то сами собой разумеющиеся вещи.

— Пойдемте, — приказала ему Олеся.

Иностранец и понял, и послушался.

Леди Говард отправилась с ними. Они прошли за кулисы. Возвышение то есть, но их со сцены видно не было. Отчего-то здесь мороз кусался еще злее.

— Смотрите, — Олеся показала на заполненную людьми площадь.

Парни пели как раз «Ой, мороз, мороз». И в тему. И без оркестра. И без тенора. Но... вся площадь пела вместе с ними.

Тягуче. Протяжно. Безнадежно.

Мощно. Победно.

— Странно, — проговорил итальянец, когда смолкли последние звуки. — Фольклор?..

Олеся почему-то поняла, что он сказал. Но не поняла, на каком языке.

— Слушайте, — жизнерадостно предложила леди Говард. — Может быть, оставим больших мальчиков меряться... Гм... Проводить переговоры? И перебазироваться туда, где можно посидеть в тепле и поесть? А потом просто погуляем по городу.

Олеся рассмеялась. Представила себе лицо начальника охраны. Переглянулась с леди Говард. Заметила ехидные веселые огоньки в глазах.

— Мадонна? — тревожно спросил ее спутник. Что-то застрекотал, кажется, по-английски.

— Нам нужна минутка, — обратилась по-русски к Олесе леди Говард.

Та кивнула, отправилась искать Машу. Ну и радовать начальника охраны сменой диспозиции.

Минут десять спустя они вышли из VIP-зоны. Олеся и леди с итальянцем и долговязым арабом в черном (охрана леди?), причем леди явно пыталась уговорить его остаться с лордом, но безуспешно. Итальянец уперся и ни в какую не соглашался... видимо, отпустить леди одну, всего лишь с арабом-охранником...

Оглядевшись, Олеся заметила еще двух людей в черном, держащихся чуть в стороне, но

не спускающих глаз с леди. Да уж, отпускать леди Говард до ближайшего ресторана всего лишь с тремя человеками охраны — вопиющая неосторожность. Без лохматого итальянца — никак. Слава богу, Томбасов в вопросах безопасности Олеси куда более вменяем. Ее сопровождает всего один человек, и тот в сторонке.

Или? Олеся осмотрелась повнимательнее. И вздохнула. Начальник охраны, как обычно, просто не стал с ней спорить. И... просто заслал народ болтаться в отдалении. Вон лицо знакомое. И вон... Да вообще — просто зрители на этом представлении есть?

Итальянец продолжал что-то стрекотать мелодично-возмущенное. И... Олесе вдруг показалось, что на редкость нецензурное. О! Вот и русский блатной подключился. Правда, с такие сумасшедшим акцентом, что не сразу различишь родное «япона мать». Ну, нормально. Как русские-народные песни — так китч и гадость. А как русские-народные ругательства — так хорошо. Странные они люди, эти иностранцы!

— Ладно, ладно! — вздохнула леди и закончила по-русски: — Можешь держать меня за руку, чтоб не украли.

— *Va bene* (хорошо), — тут же просветлел итальянец и в самом деле взял леди за руку и поцеловал. Руку.

Да уж. Высокие отношения у лордов, подумала Олеся, и тут леди обернулась к ней.

— Когда я говорила, что хочу погулять по Москве, я имела в виду совершенно не это, — кивнул леди на ОМОН, охрану и толпу.

И тут их прервали.

— Олеся! Это ты, какая удача!

Охрана напряглась, долговязый араб что-то прошептал в ларингофон, а Олеся улыбнулась и шагнула навстречу женщине, держащей за руку мальчишку и решительно пробирающейся через толпу.

— Ира! — улыбнулась она.

— Что у них случилось? — в синем взгляде Иры плескалась тревога. Ее сын исподлобья смотрел на всех зелеными Левиными глазами.

— Все хорошо, — мягко проговорила Олеся, беря уже-почти-подругу под руку. — Артур вышел петь больным. Его уже выгнали со сцены и лечат.

— А мы идем в тепло, — улыбнулась леди Говард. — У нас девичник. Присоединяйтесь, Ира.

— Ира, познакомьтесь. Это...

— Бонни и Роза, — улыбнулась леди.

— Бонни и Роза, — приняла правила игры Олеся. — Позвольте представить вам жену...

— Позвольте, я угадаю? — рассмеялась Роза. — Хотя, если бы вы были без сына, случилась бы интрига, а так...

Она махнула рукой в сторону сцены, где как раз солировал Лева.

— Мы пришли послушать папу, — недовольно проговорил мальчик.

— Саша, может быть, я поговорю с Машей. И ты останешься ей помогать? — предложила Олеся, вопросительно посмотрев на Ирину. Та через мгновение согласно кивнула.

— Можно?! — взгляд мальчика из хмурого стал ликующим. — А можно вместо Артура спеть? Раз уж...

Женщины переглянулись и рассмеялись. Конкуренция певцов — она такая. А что делать?

— А как твой голос поведет себя на морозе? — спросила Олеся.

Роза посмотрела на нее удивленно, но Олеся была совершенно серьезна.

— Ну да, — еще серьезнее согласился мальчик.

— Надо сначала отрепетировать, — предложила Ирина. — Ты же этих песен не учил.

— Не учил, — с сожалением кивнул мальчишка, но тут же воспрянул: — К следующему концерту выучу!

Но к ним уже спешила широко улыбающаяся Маша:

— Привет, Саша, пошли помогать. У нас полный Армагеддон. И все бестолковые кругом.

Саша кивнул. И отправился с пиар-менеджером группы.

— Так куда пойдём? — живо спросила леди Говард.

Ирина и Олеся переглянулись с растерянностью.

— Будь это Петербург, — вздохнула Ирина.

— А то Москва... — согласилась с ней Олеся.

— Ладно, — рассмеялась Роза, подхватывая обеих под руки, — не будем изобретать проблемы хорошим людям. А вы мне как-нибудь Питер покажете.

— Договорились.

Греться и есть они пошли в самое близкое — и к тому же заранее обговоренное с организаторами мероприятия — место. Олеся оценила, как ненавязчиво Роза шепнула своему арабу-охраннику: «Лоуренс, мы идем в Метрополь».

Их там ждали. Встретили с поклонами, приняли шубы, причем леди Говард раздевал лично итальянец, словно никому не доверял сокровище — и тут только Олеся поняла, что ей казалось странным в леди. Подозрительная округлость фигуры.

— Шестой месяц, — чуть смутившись, пояснила Роза. — Вот и тянет на всякое... на Родину, например. А вы когда? — перевела она взгляд на Иру.

— Август. — Улыбнулась жена музыканта. — А у вас первый?

— Первый, — кивнула Роза, — так что немного трушу. Но я не яйцо, чтобы так со мной носиться, Бонни!

Итальянец солнечно улыбнулся и сделал вид, что ровным счетом ничего не понимает. И снова повел леди Говард под руку. Такая забота о жене лучшего друга показалась Олесе невероятно трогательной. Она вдруг почувствовала зависть и к Розе, и к Ирине. Чувство ей, в общем, не свойственное. Представила и себя нервной, круглой. И остро желающей соленых огурцов с молочным шоколадом. В три часа ночи. И рыдающей отчего-то... Может быть...

За разговорами о детях поднялись в ресторан на третьем этаже гостиницы «Метрополь». Попутно полюбовались витражами в стиле модерн, а у самого ресторана их перехватил представительный седой господин. Как оказалось, директор отеля.

— О, леди Говард! Мистер Джеральд! — дальше он говорил по-английски, кажется, что-то о фотографиях, и почему-то промелькнуло имя Тай Роу.

— Потом, все потом! — отмахнулся от директора мистер Джеральд. — Леди Говард устала. Мы идем в ресторан.

Удивительное дело, Олеся отлично его поняла, несмотря на незнание английского.

— Обязательно сделаем фото, но уже вместе с лордом Говардом, думаю, он придет в скором времени, — смягчила его резкость Роза. И повернулась к Ирине: — Простите. Я так замерзла, что совсем забыла толком представить вам...

Ира с удивлением глянула на итальянца, Олеся последовала ее примеру. Она, хоть убей,

не могла его идентифицировать, хоть от фамилии Джеральд что-то брезжило в памяти, но уж очень не вязалось с тем, что она видела перед собой. То есть — ничего выдающегося. Усталый, замерзший и не слишком вежливый мужчина лет под сорок, и все.

— ...Бонни Джеральда, режиссера, хореографа, певца и нашего лучшего друга.

Ну точно, все наконец сложилось! Бонни Джеральд — звезда мирового уровня, лучший и любимейший проект лорда Говарда. Заклятого партнера, которого господин Томбасов окучивает давно и плотно на предмет более тесного сотрудничества в области то ли заводов, то ли пароходов, Олеся никогда в это не вникала. С неделю тому Олег бурно радовался, что нашел, на какой кривой козе подъехать к Говарду, и на чем свет ругал «этих придурков, которые мышей не ловят», то бишь квартет. А, и еще форсировал перевод Ириноного романа на английский язык и издание его в подарочном варианте. Потому что Ира ничуть не хуже этой его, Говардовской, писательницы Тай Роу. Вот ничуть не хуже! А может и лучше! И вообще, Тай Роу — русская, Олесенька, ты уж очаруй ее, любимая.

О Боже...

Олеся на миг похолодела, представив, что могло бы получиться из скандала, устроенного Машей, если бы... О Боже! Нет! Она же напрочь забыла о просьбе Олега, вообще ее всерьез не приняла. Ну никогда он не просил ее вмешиваться в его дела никаким боком. А тут... И смех и грех!

— Очень приятно, — сказал Ира по-английски (кажется), похоже, не очень связывая голос из каждого утюга с вот этим, совершенно не звездным итальянцем.

А Роза засмеялась и с нежностью поглядела на мистера Джеральда, кумира миллионов дам от двадцати до восьмидесяти и лауреата каких-то там премий в немыслимых количествах. Не совсем только понятно, за что он их получил, ничего ж особенного в нем нет.

— Не похож, да? — усмехнулась Роза, словно прочитав ее мысли. — Бонни сегодня инкогнито. Но если хотите, споет для нас, раз уж не удалось подпеть про мороз.

— Я не петъ на мороз, — изобразив выразительным, когда-то сломанным носом презрение, заявил мистер Бонни Джеральд. На ломаном, с ужасным акцентом, русском. — Это нет... respect... Мадонна?

— Неуважение, — перевела Роза, хотя все и так все поняли. — Поэтому ты споешь для нас в тепле, правда же, Бонни?

— Конечно, Мадонна, — усмехнулся Бонни и поклонился Олесе и Ире. — Не быть мешать *belle donne* говорить секрет.

Улыбка внезапно преобразила до того некрасивое лицо, но Олеся не успела об этом подумать. Их уже встречали у дверей ресторана, чтобы проводить за столик. Дам — за столик, а мистера Джеральда куда-то к маленькой сцене, где играл легкий джаз немолодой пианист.

Дамам едва успели подать глинтвейн, явно заказанный заранее кем-то из охраны, как зазвучала знакомая, если не сказать в зубах навязшая музыка. Та самая, что из каждого утюга, только в фортепианном варианте. Олеся морально приготвилась вежливо улыбаться и вежливо восхищаться...

В конце концов, петъ вживую так, чтобы это звучало хотя бы прилично, немногим дано. Тем более после банкета на морозе.

Но.

Зал замер. Стих гул голосов, звон приборов. Даже официанты застыли, не донеся

подносов по назначению. Стоило только вступить хрипловатому, какому-то невероятному, волшебному баритону.

Олеся невольно обернулась к сцене. Так же, как вся пресыщенная публика.

Бонни Джеральд, сумасшедше красивый в своем мятом пиджаке и очаровательно взъерошенный, пел «Аве Мария» из «Нотр Дам». Сидя у рояля на барном табурете. Небрежно держа микрофон. Задумчиво глядя поверх голов публики. И... и все. Этого было достаточно, чтобы случилось чудо. Не такое, как полчаса назад на Манежной, когда вся площадь запела, но — определенно чудо.

Мельком подумалось, что не принять такой вызов Олег не мог. И она тоже не может. Все же «Крещендо» — это теперь ее мальчишки, и она собирается ими гордиться, а не краснеть. Даже если их сравнивают с мировыми звездами. И вообще. Они ничуть не хуже Бонни Джеральда. Даже лучше. И с ее, Олеси, помощью это наглядно докажут.

Так что да. Она прекрасно понимает Олега. Не мог он сегодня не выпендриться по полной, со всем русским масленичным размахом.

— Ну вот как-то так, — с гордостью кивнула Роза, когда мистер Джеральд допел, а гости ресторана очнулись и принялись стучать вилками по столам, ведь аплодировать нормально, держа в руке смартфон, невозможно. А снимали импровизированный концерт все. Даже охранники и официанты.

— А ты тоже музыкант? Или?.. — спросила у нее Ира.

— Закончила Гнесинку, но музыканта из меня не вышло, — пожалала плечами та. — Зато я неплохой помреж.

— Помреж... Ты — Тай Роу! Точно, я вспомнила! — у Иры загорелись глаза, а Олеся чуть не хлопнула себя по лбу: что-то она тормозит. Сразу надо было понять, что Роза и есть Тай Роу. — Я же читала «Бенито»! Еще на английском, сразу! Тебе не страшно было писать о таком личном? Ведь все правда, да?

— Ага, — кивнула Роза, улыбнувшись, — правда. И страшно. Я ужасная трусиха, но бывают такие книги, которые нельзя не написать.

— Ага, — кивнула Ира, — знаю. Я... ну... я тоже написала роман. О «Крещендо».

— И как отнесся к этому Лев?

— Сначала он хотел меня убить, а потом... сама же видишь.

— История для новогоднего фильма, — кивнула Олеся. — Представь, сию я, значит, на репетиции «Крещендо», и тут...

Сплетни о своем, о девичьем, отлично пошли под голос Бонни Джеральда. И под осетрину на гриле. И глинтвейн. И все прочее, что ресторан имел честь предложить драгоценным гостям за счет заведения. Ибо такая честь, такая честь!

Роза как-то походя разрешила образовавшемуся у их столика владельцу заведения использовать записи сегодняшнего концерта Бонни для рекламы. И так же походя послала его за всем прочим к продюсеру.

Обсуждать свое, девичье, было куда интереснее, чем думать о мужских делах. То ли дело — обсудить, кто и где учился, посмеяться над тем, что филологи — Ира с Олесей, а знаменитый писатель — Роза, которая и вовсе хористка. А следом перемыть косточки американскому и русскому шоу-бизнесу. И квартету «Крещендо» в частности.

Где-то под «О соли мио» дошло до Артура и его жены, гвоздей концерта на Манежной.

— Он до сих пор в шоке от развода, — говорила Олеся. — И, главное, никто не понимает, что произошло. Томбасов был в прострации, Лева в ярости, сам Артур в ауте.

— Развод Артура, — вздохнула Ирина, — в свое время наделал много шума в фанатских кругах. Винили во всем Дану.

Олеся скривилась. Поймала вопросительный взгляд Розы.

— Пиар-менеджер, — ответила она и осторожно покосилась на Ирину.

— Спала она со всеми, — пояснила Ирина, с ожесточением втыкая нож и вилку в рыбу. Посмотрела на смутившуюся Олеся. Усмехнулась: — Я когда книгу «не про них» писала, еще и не то у фанатов накопала. Ребята... бурные весьма.

Олеся только вздохнула, Роза рассмеялась. И с нежностью посмотрела на Бонни, который так увлекся импровизированным концертом, что не обращал уже никакого внимания ни на дам, ни на посетителей ресторана. Те же, занявшие уже все столики и несколько дополнительно вынесенных, забыв о еде, снимали его на телефоны.

— Вот я не думаю, что измена Артура была поводом, — вдруг проговорила Ирина. — Почему-то мне кажется, что было что-то еще.

— Анна выставила его без объяснений, когда тот прилетел с гастролей, — добавила Олеся. — И по сей день отказывается с ним общаться.

— А дочь? — живо спросила Роза.

— Все сложно. Под Новый Год Артур ее очень ждал. Она не приехала. Ты ее видела, Роза. Такая... зелененькая, с пирсингом в носу.

— Лет тринадцати, да? Видела. Почти Джульетта.

— Не очень представляю зеленую Джульетту, — хмыкнула Ира. — Какое счастье, что у меня мальчик. Мальчики вроде не красятся в зеленый цвет.

— Смотря какие мальчики, — пожала плечами Роза. — Твой — артист на всю голову, так что будь готова. Помнится, когда я заканчивала Гнесинку, на нашем курсе был один такой. Фиолетовый.

— О боже, — вздохнула Ира.

— Но вообще я имела в виду младшую сестренку Бонни. Джульетта у нас восходящая звезда Ю-Туба, четвертый месяц бьет все рекорды со своим клипом. Она сине-фиолетовая на всю голову и в таком пирсинге и татушках, что даже Бонни был в охренении.

— погоди, это не Грин Крим ли? — спросила Олеся, припомнив нечто флуоресцентное, издающее весьма странные звуки, не замеченное ею в Машинном телефоне.

— Грин Крим? — повторила Ира, нахмурившись и явно что-то такое припоминая.

— Она самая, — кивнула Роза.

— Роза, пожалуйста, скажи мне, что у Грин Крим нормальное музыкальное образование! — взмолилась Олеся.

— Разумеется, — пожала плечами Роза. — Джульетта поставила себе целью догнать и перегнать любимого брата Бонни, поэтому гитара, ф-но и танцы с четырех лет. Бонни же и нашел ей учителей.

— Слава богу, — выдохнула Олеся. — Маша, конечно же, понимает всю важность образования, но в ее возрасте...

— Когда гормоны вместо мозгов... — в тон ей продолжила Роза.

— Лучше предотвратить, чем расхлебывать!

— О да... — протянули синхронно Роза и Ирина, переглянулись и засмеялись.

— Сдается мне, вот это зеленое с пирсингом потому и зеленое, чтоб папе с мамой было что расхлебывать, — вздохнула Олеся.

— Расхлебают, — уверенно заявила Роза. — Если не хотят, чтобы в следующий раз

девочка привела домой татуированного негра с мешком анаши и сказала, что это ее друг-трансвестит и она беременна от него тройней.

Олеся с Ирой сглотнули, представив эту картину маслом, и переглянулись.

— Никто не заслуживает такого! — сказала Ира. — И вообще, Артур и Анна просто созданы друг для друга. Вы видели, как он на нее смотрел?

— А то! — кивнула Роза и подхватила идею, носящуюся в воздухе: — Наш святой долг — вернуть их на путь истинный. А то что это за безобразие, мы все тут такие красивые, а она — нет?! — и погладила себя по круглому животу.

— Итак, заговор, девочки, заговор! — просияла Ира. — Нам нужен план. Блиц-криг. Барбаросса.

— План... — задумчиво улыбнулась Роза. — А знаете ли вы, дорогие коллеги, что ничто так не объединяет, как совместный труд?

— Совместный труд... Вроде был какой-то грандиозный проект у «Крещендовцев», — начала вспоминать Олеся. — То ли гала-концерт, то ли рок-опера... Но все развалилось, потому что вмешалась Дана.

Олеся бросила выразительный взгляд на Иру и получила в ответ такой же. Выразительный.

— Им нужен общий враг, — сказала Роза. — Ничто так не объединяет, как совместный труд против общего противника. И чем противнее, тем лучше, — и почему-то кинула взгляд на сцену, где божественно прекрасно пел Бонни Джеральд.

Кстати, надо бы Маше его послушать и узнать, что Грин Крим — его младшая сестренка. Хоть какая-то гарантия, что радикально настроенный ребенок не подбросит «далекому от музыки» мистеру Джеральду таракана в суп. Она может. Она такая. Революции делать таким детям.

— Дана не прокатит, — покачала головой Ира. — Мелковато и затасканно.

— Не прокатит, — решительно кивнула Роза. — Так все же, что там был за проект? Чей?

— Они пытались ставить мюзикл, — улыбнулась Ирина. Историю квартета она знала даже лучше Олеси. И любила до сих пор почитать, что твориться в обсуждениях у фанатов — очень полезный источник информации, надо признать.

— Мюзикл. — У Розы блеснули глаза. — Какая хорошая идея.

Она довольно потерла руки и посмотрела на Бонни, который, поймав ее взгляд, широко улыбнулся и ей подмигнул с видом опытного заговорщика-рецидивиста.

Есть муж — есть проблемы.

Нет мужа — есть проблемы.

Проблемам вообще пофиг и на происходящее, и на твою личную жизнь

(с) Интернет

Понятно, что никакого разговора с Артуром не получилось. Я только узнала, что скорая ждет героя дня, что все у Олеси под контролем, а организаторов линчуют.

На этом мы с Катей и ушли в заснеженный Александровский Сад, тем более что Артура, слава Богу, со сцены удалили. Надеюсь, никто не заметил как. Он со всеми еще и переругаться успел. Беззвучно, но очень экспрессивно.

— А ты, мам, тоже ничего поешь, — вдруг сказала дочь.

— Спасибо, — только и усмехнулась я. Что тут ответишь.

— Не хуже папы. Хотя такое же старье.

— Катя-я-я-я, — вздохнула я, натянула шапку на глаза своей вредине, а пока та ворчала и поправляла, сделала снежок. И кинула. Попала.

Волосы, конечно, жалко. И зла я за пирсинг. И в школу ее надо возвращать. Но... Это же не конец света. Так, репетиция. Даже не генеральная.

— А ты сделаешь дома блинчиков? — вдруг посмотрела на меня дочь, став сразу как в старые добрые гордостью мамы, папы и школы при консерватории.

— Сделаю, — улыбнулась я против воли.

— А за весом следим с завтрашнего дня.

— Тем более что это понедельник.

И мы рассмеялись. Что делать. Как ни ругайся, как ни кричи, а все равно договариваться придется. И принимать все изменения тоже. Но коса-а-а-а-а. Я вспомнила зеленые клочья на любимой голове и только вздохнула.

— Что? — тут же вскинулась Катя.

— Вот что б тебе всю длину в как там его?

— Мятный, — упрямо пробухтел ребенок.

— Хорошо. В мятный было не покрасить, а?

— Ты не представляешь, мам, как это дорого, — совсем по-взрослому вздохнула Катя. — Волосы же были — во.

И она показала длину по пояс.

— Что ж не представляю, — прищурилась я. — И волосы представляю. Твои. И цену.

— Ну, не все могут управляться с такой гривой, как у тебя, — проворчала дочь. — И подкрашивать ее каждый месяц.

— Катя-а!

Домой. А там...

Руки сами отмеряли муку, молоко. Масло, шипя, растапливалось в микроволновке. Где там мой любимый венчик, сто лет им не пользовалась. Вес, он такой. Следим и следим. Хотя

вот такие вот кухонные преступления — они тоже нужны. Потому как к тому времени как первый блин вылился на сковородку, я уже успокоилась. Да и Катя, уютно устроившись напротив меня, была тиха.

— Мам, вот скажи, — вдруг попросила она.

— Что, котенок?

— Ты же на меня злишься.

— Ой, злюсь. Более чем.

Я поставила перед дочерью первый блин. Румяный, золотистый, с дырочками. И не комом!

— Тогда почему? — она кивнула на тарелку с румяным солнышком.

— Дурочка ты, Катя, — улыбнулась я и потрепала ее по мятной и бестолковой голове.

Я как раз допекла блины, когда зазвонил телефон.

— Да, — ответила я бывшему.

— Что у вас случилось? — просипел он.

— У Кати потом спросишь. Как ты себя чувствуешь?

— Жить буду.

— Хорошо. Лечись.

— Аня!..

— Потом созвонимся.

Он вздохнул, явно набирая воздух, чтобы высказаться. Но... Захрипел только.

— У тебя голосовой покой, — негромко сказала я. И оборвала звонок.

— Папа? — заглянула в мою спальню дочь.

Я только кивнула.

— Вот зачем вы с ним развелись? — покачала головой Катя. — Нормально же жили.

Она сверкнула на меня любимыми темными глазами, взмахнула длиннющими ресницами. Ах ты ж моя папина дочь. И ушла.

Хлопнула дверь. Но не в ее комнату. Она удалилась к инструменту. Сочинять.

Вопрос о том, как ее завтра отправить в школу и доедет ли она, оставался открытым. Я убирала кухню, мыла посуду и раздумывала — как поступить. Не придумала ничего толкового. Накапала пустырничка. И... тут в дверь позвонили.

Что еще?

Катя не слышала звонка. У нас в комнате, где музыкальные инструменты, можно гранаты взрывать — оттуда не донесется ни звука. В свое время мы, как семья юной скрипачки и двух вокалистов (кабинетный рояль, гитары и еще много чего прилагается) сделали звукоизоляцию на совесть. Я пошла посмотреть, кого принесло.

— Артур?

На пороге, покачиваясь как та тонкая рябина, стоял бывший муж. Изумительного оттенка, под цвет волос дочери, только понежнее. Поакварельнее. Зрачков почти не видно. И не то, что испарина — волосы мокрые.

— Артур, ты — дурак! — с чувством проговорила я, пропуская его в квартиру. И практически чувствуя себя сестрой милосердия, потому как его покачнуло. Неслабо так. А я подставила плечо.

— Что у вас... случилось?

Он распрямился, отказываясь от моей помощи — ну, это ж не концерт спасать, давая передышку! Я разозлилась.

— Пошли!

Открыла перед ним дверь в гостиную, быстро разложила угловой диван — красивый, пафосный, но потрясающе не предназначенный для сна. Да и вообще для жизни.

— Ложись. Немедленно.

Он со вздохом человека, который сделал все, что запланировал, опустился на диван. И с абсолютно довольным вздохом прикрыл глаза.

— Ты что, из больницы сбежал?

Счастливо кивнул. И даже попытался улыбнуться. Получилось жутковато.

— Сейчас принесу подушку и плед, — сообщила я, с трудом проглотив ругань. Потому как бессмысленно это.

— А у тебя есть малиновое варенье твоей мамы? — внезапно просипел он, когда я, вернувшись, подсунула ему под голову подушку и накрыла пледом.

— Есть, — и с изумлением посмотрела на него: — Ты же его всегда терпеть не мог. Равно как и укутывать горло шарфом.

— Сам не знаю. Целый день о нем мечтал, — и как-то странно улыбнулся, не открывая глаз.

Я только вздохнула.

Вот за что? Зачем?..

На кухне я прижалась лбом к холодильнику. Ледяной. Хорошо. И снова накапала себе пустырника. Хотелось кричать. Вопить. Побиться головой об стену.

«Любовь минувших дней,

Несбывшееся чудо». (С) Вадим Шефнер

Вот тебе и постучалось. Не хочу!

Я опустила на пол без сил. Тут же вскочила, в сумасшедшей ярости на саму себя. Ты еще завой. Да так, чтобы тебя слышали не только в гостиной, но и сквозь звуконепроницаемую стену. Давай. Ты же можешь!

— Это просто такой день. Его просто надо пережить. Я смогу, — очень тихо, но очень убедительно сказала себе я.

Когда-то я решила. Все поменяла в своей жизни. Стала счастливее. Вот и надо придерживаться принятых решений. На этом все.

Быстро поднялась, намешала малинового варенья с горячей водой в большой стакан, подумала, добавила к этому великолепию блинчик. И отправилась спасать больного. Которого, впрочем, на месте уже не оказалось. Только вздохнула: сил на большее уже не оставалось. Заглянула в музыкальную комнату. Так и есть. Сидят как на жердочке рядышком два соловья. Одного, правда, сильно штормит. Зато у Кати лицо совершенно счастливое. Играет, поет.

Я вошла — музыка прервалась. Оба посмотрели на меня с подозрением. «Щас будет нам», — прочла я в этих абсолютно одинаковых взглядах. А вот и перебьетесь. Хватит из меня чудовище делать! Просто поставила перед ними на столик стакан и тарелку. И вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

И ничего-то, кроме штампа в паспорте, не меняется. И кстати, судя по всему, новый облик дочери Артур даже и не заметил. Ни зелени волос. Ни отрезанной косы, ни пирсинга. Внимание нам имя! Вот любопытно, а про то, что она в школу не пойдет больше и что скрипка — отстой, она ему скажет? Или промолчит, потому что папа для любви. А нервы можно потрепать и мне.

«Олеся-а-а! Олеся! Олеся-а-а!» — запел знакомым четырехголосьем брошенный в гостиную телефон.

— Останься как чудо, как песня, — вздохнула я и понесла телефон Артуру.

Тут девушка его волнуется, а он, судя по всему, сбежал. И всех нервирует. Хотя к этому у него по жизни особый талант был. И похоже, никуда не делся.

— Здесь возьми тональность на тон выше. Голос не звучит.

Мой Бог. Они уже песню Кати обсуждают. Видимо ту, ради которой она скрипку решила бросить. Артур говорил беззвучно, но весьма выразительно. Талант. Длинные пальцы перебирали клавиши:

— Вот, так лучше. И акцент на доминанту.

И этот сумасшедший запел. Тихонько, еле слышно, но все же! Просто образец для подражания. По работе мозговой деятельности. Но как красиво... Сирен. Как есть сирен.

Я дождалась паузы — он ожидаемо стал задыхаться. И тут я сунула ему в руки телефон, а под нос — пропитанное водой мокрое полотенце. Что делать, сказывается большой опыт. Катя меня ларингитами в детстве изводила... Надо найти, кстати, увлажнитель воздуха.

Артур не нашел ничего лучшего, как нажать на зеленую трубку и передать телефон мне. «Ответь», — попросил он одними губами, пытаясь продышаться. Нет, ну каков!

— Говори, где ты. Я сама тебя задушю, — донесся злобный женский голос, чеканящий каждое слово.

— Добрый вечер, — отозвалась я, подчиняясь умоляющему взгляду бывшего. — Артур приехал к дочери. Они музицируют.

Тенор когда-то моей мечты выразительно покрутил пальцем у виска. Я только подняла бровь. А что? Говорить правду хорошо и приятно.

— Добрый...

Металл из голоса исчез, появилась растерянность. Мне просто извиниться захотелось за беспокойство, хотя я была совершенно не при чем.

— Простите еще раз, — проговорила женщина. — А вы не будете против, если подъедет доктор и медсестра со всем необходимым? И раз уж Артур сбежал из больницы...

— Нашелся? — донесся в трубке голос, в котором, к своему удивлению, я узнала голос Томбасова. Сильно нетрезвого.

— Подожди минутку, — ответила ему Олеся. И тут же мне: — Пожалуйста, присмотрите за Артуром.

— Но...

— Мама! — возмутилась дочь.

— Тогда никаких посиделок за роялем! — нахмурилась я. — В постель!

Глаза у Артура довольно блеснули. Как-то неправильно, похоже, он воспринял мои слова про постель. А я нахмурилась только: ведь не хотела командовать. И вообще категорически не желала вмешиваться в происходящее. Но вот что прикажете с этим всем делать? Только зарычать и на дочь:

— Катя! Тогда ты и следи, чтобы отец лечился.

— Да, мон генераль! — воскликнули оба.

— Присылайте ваших докторов, — ответила я в трубку Олесе, стараясь не допустить в голос слезы воспоминаний о счастье. — Ждем.

«Ура» и звук поцелуя на том конце провода мне наверняка послышались.

*Ощущаю себя разбитой.
Наверно, на счастье
(С) ВК*

Запах. Никогда не думала, что сводить с ума будет запах мужчины, которого я когда-то самозабвенно любила. А потом, в одночасье, выставила вон из своей жизни. Вскоре после той роковой ночи, когда Артура, приехавшего с гастролей, ждали в прихожей чемоданы, я вынуждена была выкинуть все постельное белье. Матрац. Потому что аромат любимого... Манящий. Вкусный. Свой.

Хотелось проснуться. Уткнуться носом в впадинку между шеей и плечом. Чуть прикусить кожу. И... с облегчением почувствовать, что ненависть, что не дает дышать, куда-то исчезает. Растворяется. И все становится по-прежнему. Хорошо.

А потом беззвучно выть в подушку, потому что по-прежнему как раз и невозможно. Прежде всего потому, что я сама на этот не согласна.

И теперь мне остается лишь ворочаться по кровати, которая вдруг стала слишком широкой, и прислушиваться к дыханию Артура в гостиной. И уговаривать себя, что это только лишь потому, что меня попросили присмотреть за болезненным. А я — слишком ответственный человек.

Да. Конечно. Именно поэтому.

— Вы же присмотрите за ним? — спросила врач, знакомая дама, пользующая многих певцов с их доходящими до истерики загонами с голосом. — Хороший такой ларингит, отек вроде бы сняли, но...

Только вздохнуть.

— Вы же понимаете, Анна. Надеяться, что Артур сам будет выполнять мои предписания, не приходится.

Умоляющий взгляд дочери.

— Я не хотел вас обременять, — сипит Артур. — Прости. Вы так быстро сбежали... Я подумал, не случилось ли чего.

— Голосовой покой! — рычит доктор. — Постельный режим. Теплое питье! И никакого пения.

— Аня? — вопросительно смотрит на меня Артур.

Просто смотрит. Не сверкает глазами, не играет лицом. А ведь перед нашим разводом его вот такого, не исполняющего роль звезды, я и не видела.

— Оставайся, — обреченно киваю я.

— Ура! — кричит Катя, обнимает меня, потом отца.

И вот теперь я не сплю. В доме снова витает манящий запах любимого. СТОП! Когда-то любимого мужчины. И... Это сводит с ума. Кто меня понес на это его выступление! Действительно, вот почему было просто не отправить смс-ку. Как делают нормальные люди.

Но я — сильная. Я не меняю своих решений. Тем более таких, что дались кровью и

куском души. Справлюсь.

Осторожные шаги ворвались в мое сознание. Подскочив, я прислушалась — так и есть. Ходит. Крадучись.

Выбежала из спальни.

— Тебе плохо?

Бледный и заросший, в джинсах и с голым торсом, Артур выглядел... сексуально. Более чем! И как этой заразе удастся, а? Еле живой, а вот все равно. До чего хорош!

— Есть хочу, — смущенно признался он.

Прислушалась. Не хрипит. Уже хорошо.

— Пошли. — Я отступила на шаг и убрала руки за спину. На всякий случай.

— Аня... Я... — Он же шагнул ко мне, и глаза при этом — внимательные, ждущие.

— Ты соблюдаешь голосовой покой, — максимально строго, и еще шаг прочь от него.

— Договорились, — сказал он одними губами.

И посмотрел, чуть улыбнувшись. Не лучезарно, фонтанируя на публику. А тепло. По-домашнему. Челка упала на лоб — отрастил ее будь здоров. И подкачался, плечи стали рельефнее, руки прибавили объема...

О-хо-хо...

Мое счастливое прошлое.

Как же заснуть в настоящем, а? Когда он такой вот, одинокий и красивый, совсем рядом.

— Суп будешь? — спросила я, сама не узнавая свой голос.

— Сама варила? — беззвучно.

Какой послушный! Только дыханием и губами. Смотреть на них — просто му́ка. Сладкая. Но как же больно...

— Я по-прежнему готовлю сама. Если ты об этом.

— Твой сырнй? — и голос такой мечтательный-мечтательный.

Это «волшебное» блюдо я варила всегда, когда он возвращался с гастролей. И тогда, когда денег было всего ничего: на съемную хрущевку и памперсы Кате, а остальное — как хочешь, так и раскидывай. Все равно не хватит. Это потом, когда все выправилось по финансам, как-то перестала. Мы оба как-то перестали приходить в восторг друг от друга, и суп уже стал не тот.

Кура. Плавленый сырок. Зелень. Когда-то мы его называли блюдом последней надежды. Целую жизнь назад.

Резко отворачиваюсь. Понимаю, что злюсь. На него. На себя. На эту дурацкую ночную ситуацию.

Слишком интимно. Слишком по-прежнему. Слишком накатывает...

Достаю маленькую кастрюльку из холодильника — готовить я стала намного меньше, надо отметить. Включаю конфорку, старательно смотрю на постепенно алеющий круг на плите. Слово оттуда мне придет озарение.

— Аня...

Он оказывается у меня за спиной. Еще не касается. Пытаюсь унять дрожь. Найти здравый смысл. И разорвать это колдовство. Сердце колотится, воздуха не хватает. Закрываю глаза. Чувствую его дыхание на своих волосах. И потрясенно осознаю, что чувствую его каждой частичкой кожи, каждым волоском. И что-то во мне ликует. Жадно. Неистово.

«Ну же! Не медли!»

С трудом я подавляю на вылете этот всхлип. Не произношу вслух, но Артур — готова поклясться — ощущает его, ловит его, слышит.

— Аня, — одним дыханием повторяет он.

И кладет ладони на мои обнаженные плечи: тонкие бретельки не в счет. Мы оба захлебываемся воздухом. В такт. Разом. Он чувствует мою дрожь. И медленно-медленно склоняется. Прикосновение губ — как нежная забытая мелодия, которая вдруг начинает звучать в тебе. Да так, что ты забываешь обо всем. И летишь. Свободная, счастливая.

Рука забирается под волосы, приподнимает их. Счастливый вздох. Артур бережно касается шеи губами. Стонет. Прижимается всем телом. Ох, насколько он возбужден! Практически как я сама.

— Девочка моя... Любимая, — горячечно шепчет он. — Как я скучал.

Он подхватывает меня на руки. И... он везде. Снова захватывает в плен, я снова готова покоряться... И весь мой бунт, все попытки стать свободной и счастливой... Все оказывается напрасным.

Ярость. Светлой полосой, как молния, вспыхивает у меня перед глазами ярость. Заставляет закипеть кровь. И прогоняется колдовство его прикосновений.

— Нет, — произношу я. И сама удивляюсь тому, что говорю. И тому, что я смогла хоть что-то сказать.

— Аня? — он еще не верит.

— Прекрати. Пожалуйста, — непослушными губами, через силу.

— Любимая... — и снова не верит, как всегда, только он, только его чувства.

— Довольно, Артур, — мой голос становится громче, ярость прорывается...

Меня наконец-то слышат.

Артур как-то неловко ставит меня на пол, сильные, нежные руки не хотят отпускать, скользят по моему обнаженному телу в последней нежности. В последней попытке что-то изменить.

— Нет, — повторяю я. Голос дрожит. Резко отворачиваюсь, поднимаю со стола ночную рубашку, невесть когда с меня слетевшую, надеваю обратно.

Суп — в тарелку. Молоко — в кружку. Разогреть в микроволновке. Сода на кончике ножа и сливочное масло. Гадость — знаю. Но... надо? Заслужил.

— Аня, — Артур пытается меня удержать рядом, когда я все это ставлю на стол.

— Приятного аппетита, — твердо говорю я и выпутываюсь из его рук, отхожу.

— Объясни, — кричит он, морщится от боли, хватается за горло.

А вот не надо забывать про голосовой покой. Доктор предупреждала.

— Я прекрасно прожила без всех этих объяснений. Ты прожил тоже.

Он издает бешеный хрип:

— Прекрасно?! Да я...

— Не кричи, — обрываю его. — Катя спит.

И ухожу с кухни.

Ушла. Тихо закрыла за собой обе двери. И на кухню. И в спальню.

Приготовившись бодрствовать до утра, я... заснула. А проснулась под тишайший разговор на кухне:

— Так почему вы пришли вчера? — шепотом, но вполне живенько спрашивал Артур.

— Ну-у-у, — отвечала Катя. Исчерпывающе.

— То есть ты что-то начудила?

— Па-ап. Тебе говорить нельзя.

— А тебе зато можно, — беззвучно смеется он.

Катя тяжело вздыхает. Я выбираюсь в коридор: вот любопытно, заметит он или нет изменения во внешности дочери? Видимо, любопытно это не только мне, потому как наша девочка вполне себе раздраженно интересуется:

— Пап. Ну посмотри на меня внимательно. И скажи, что изменилось?

— Цвет волос ужасный, конечно, — спокойно отвечает он. — И прическа, прости, малыш, не лучше. Но в целом для того стиля в музыке, что ты мне вчера показывала — пойдет. Хоть пирсинг в нормальной конторе делала?

Я. Его. Убью!

И за восторженный вопль дочери, в котором ясно прозвучало: вот он, лучший в мире папа, а не какая-то там мать истеричка. Убью и закопаю. А слезами поливать не стану. Не дождетесь.

— То есть ты ругаться не будешь? — все-таки уточняет Катя.

— Если это все, что так огорчило маму — то нет. Просто в следующий раз подойди заранее. И озвучь. Я тебя к нормальному стилисту отведу.

Не просто убью. Мучительно убью. Гад!

Хотя, вот любопытно, что ответит дочь? Про скрипочку. И пытки. Я от интереса даже злиться немного перестала.

— Ой, папочка, ладно. Я опаздываю.

Какая умненькая девочка! В школу она опаздывает, в ту самую, куда больше не пойдет, потому что отстой. Только папе об этом говорить не надо, он же не мама-истеричка.

— Катя, — что-то подозревает Артур.

— Вечером увидимся? — нежным и наивным голосочком, никак не подходящим зеленой бунтарке.

— Думаю, да, — едва преодолев долгую-долгую паузу говорит Артур.

Его подозрения забыты, Катя талантливо перехватила инициативу. И в кого такая?

— Только не говори, что вы с мамой уже поругаться успели, — переходит в наступление ребенок.

— Нет, но...

— Папа!

И столько строгости в голосе. Вот спрашивается — кто кого отчитывать должен, а?!

— Хорошо-хорошо. До вечера, котенок.

Котенок? Это — котенок? Да ты не заметил, как твоя дочь стала почти взрослой и превратилась в твою копию. Боже мой. Тот же звездный характер, чтоб без мыла в любую... щель. За что мне это все?!

*Прошу не ломать мои нервные клетки.
Там живут нервные тигры
(С) ВК*

— Ой, а вы снова с Артурчиком?

Я посмотрела на улыбающуюся барышню, что всем своим видом желала изобразить наивность и романтизм. Такая милота-милота: губки бантиком, глазки как у куколки. Ресничками хлоп-хлоп. Из новых приобретений театра. Всего полгода после учебного заведения, всего полгода в Оперетте, а свары в коллективы пошли нешуточные. Причем на ровном месте, даже не за роли. А так. За идею. Кто что про кого сказал, мелочи всякие полезли. Мелочи-то мелочи, а скандалы знатные.

Не сказать, что до этого мы все жили по принципу «один за всех — и все за одного». Нет. Не то направление деятельности. Но было на порядок спокойнее. А тут...

Совпадение? Возможно.

Тем временем я продолжала просто смотреть на девчонку. Моя ж ты овечка! Рановато мнишь себя тигрицей, зубки хоть и ядовитые, а еще молочные. Она задергалась и стала пояснять, быстро и суматошно:

— Я вчера смотрела. Концерт уличный по всем каналам. И в инсте, и на ютубе. Такая прелесть! Вы так хорошо смотрите вместе. Просто идеальная пара.

Только вздохнуть: вот прилетит мне еще за это выступление. Как-то я напрасно расслабилась.

— Как славно, когда есть, кому пиарить. Классно вы засветились с «Крецендо». И муж рядом.

Я нахмурилась, хотела добавить «бывший», но поняла, что меня и не услышат вовсе. Да и вообще — много чести с барышней этой объясняться.

— Вы же теперь уйдете к ним петь? — вдруг задала барышня несколько странный вопрос.

— С чего вы взяли? — тоном «не говорите глупостей» парировала я.

А про себя с досадой подумала: зная нашего, ревнивого, как... Отелло в период обострения, надо бы зайти и объясниться.

С чего взяли, объяснять мне не стали, а что-то прочирикали и сбежали. Стопроцентно — разносить свежие новости по примеркам.

— Добрый день, — заглянула я к нашему великому и ужасному, чувствуя себя скорее крепостной актрисой, чем высокооплачиваемым профессионалом.

Великий был мрачен и заранее зол.

— Здравствуй, Анна.

Анна, не Анечка, не Энни и даже не Нюся. Да вот нехорошо ж! Судя по сведенным бровям и глазам, что метали молнии, разведка уже доложила, интерпретировала и истолковала. Хотя, если запись уже выложили, мог и сам увидеть...

Как-то я затупила, каяться надо было начинать еще вчера. Охо-хо-хо. Не тем я занималась накануне, ох не тем.

— Как это понимать? — ко мне развернули ноутбук, на котором до этого внимательно рассматривали мои певческие экзерсисы на Манежной.

Какой выразительный стоп-кадр. Я как раз выхватываю микрофон из рук бывшего. Артур смотрит на меня. И правда, вместе мы смотримся весьма и весьма эффектно. Хороши, ничего не скажешь.

— Анна. Тебе напомнить, как ты уже хотела побунтовать? Сменить место работы? Помниться, что-то было о рамках, в которых тебе тесно? Так?

Стиснуть зубы и молчать. Не спорить. Не оправдываться. Владлен это ненавидит. Особенно, когда его понесло — вот как сейчас.

— Тебе напомнить, чем все закончилось?

Молчать. Главное, молчать.

Я прикусила щеку изнутри.

— Как ты уже обращалась к мужу, чтобы он помог тебе? И что?

Все, что он говорил — было и правдой, и неправдой. Уходить я не собиралась — не для того я выигрывала конкурсы, моталась по кастингам, напрягала всех знакомых и не очень, чтобы только получить первую сольную партию А потом — удержаться в солистках, когда конкурсы каждый год, и кастинги на каждую постановку, а репертуарных спектаклей все меньше.

Но раздвинуть рамки и правда я хотела. Возможно, зря. Возможно, я много что сделала зря.

— И как ты рыдала у меня...

Я едва удержала на лице приветливое, чуть смущенное выражение под кодовым названием «невинность номер пять». Специально разработанное для случаев умеренного бешенства великого и ужасного.

Который уже начал интерпретировать в духе собственной концепции бытия. То есть бредить.

Рыдать-то я рыдала. Только не прилюдно. И уж тем более не в театре — это факт. Если бы я позволяла себе рыдать на рабочем месте, то меня б уже подгрызли давным-давно.

— И как умоляла оставить в театре?! Готовая на все, лишь бы тебя не выгнали?

М-да. Что-то года никого не красят, Владлена в том числе. А вот в яркую манию величия разукрашивают вполне себе. Когда все грянуло, развод в том числе, я, конечно, договаривалась. И просила помочь. Но рыдать и умолять... Как-то серьезно расходитесь его толкование событий с тем, что помню я. И что это он имеет в виду под «готовая на все»? Слишком замысловато для моих вокальных мозгов, которых, как всем известно, не существует в природе.

Я слушала обличительную речь, опустив голову и время от времени вздыхая — «Магдалена, готовая каяться». Поза номер шесть, для бешенства, переходящего или в творческий порыв, или в грандиозный скандал с увольнениями. В зависимости от того, насколько адекватно ситуации будет исполнена Магдалена.

Внутри даже не кипело. Просто холодный расчет — увы. Я не могу потерять работу. Не собиралась тогда, в то лето, когда меня подставил Артур и его любимый квартет. И тем более не могу позволить себе это сейчас, когда сама обеспечиваю свою маленькую семью. Значит, все эмоции потом. Продолжаем давать Магдалену.

Я прекрасно знала, что завтра Владлен будет целовать мне руки. И говорить, что я — находка и его счастье. Что будь он помоложе... с таким прозрачным намеком: переубедите меня немедленно, что я молод душой, прекрасен телом и лучший кобель-производитель в этом рассаднике искусства. Разумеется, целовать мне руки, играть бровями и намекать неприличные намеки Владлен станет при всем честном коллективе. Чтоб видели и заходились в бешеной любви ко мне.

Но сейчас... Его истерику надо пережить. С холодной головой. Но отчего-то слезы практически вскипели у меня на глазах. Потому что переживать состояние беспомощности... Снова. Как тогда. Наверное, именно этого я Артуру и не простила. Его шашни с Даной — простила. По крайней мере, собиралась. А вот унижение... Сколько унижения я пережила по его вине!..

— Ань. Да что с тобой? — вдруг совершенно нормальным голосом спросил Владлен, кажется, оборвав свои страдания о несправедливости мира на полуслове.

— Все нормально, — выдохнула я. На мгновение закрыв лицо руками.

— Да что случилось-то?

И словно не орал минуту назад. Охо-хо. Творцы и гении. Они такие.

Только рукой махнула. Загнала слезы вглубь — сердце заныло, но еще не хватало! И устало ответила:

— Импровизация, Влад. Чистая случайность. Пришли с Катей послушать концерт, а там Артур простыл. Голос потерял. И заметил меня. Выскочил с микрофоном, как черт из табакерки.

— А получилось, словно неделю репетировали.

— Опыт, — улыбнулась я. — Хорошее образование.

— Моя школа.

— Божественная. И никак не иначе.

И мы улыбнулись друг другу, словно и не было никакого скандала, и не поймали меня на измене высокому искусству оперетты. Гений. Хорошо хоть я научилась с ним правильно обращаться. За десять-то лет.

— На будущий год возобновляем «Принцессу цирка», — как бы между прочим сообщил Владлен. — Ты, конечно, королева, но и принцессой будешь смотреться восхитительно. Ладно-ладно, заболтались мы с тобой, а репетиция через пять минут.

Я склонила голову, соглашаясь. И отправилась делать то, что действительно любила. И умела.

Петь.

Сегодня голос звучал как-то по-особенному. Наверное, как в мои двадцать. Легко, серебряным ручейком, лились звуки. И отчего-то все вокруг пахло сиренью. Даже музыка. Легко, тонко. Ненавязчиво.

И к чему бы это?

Дом встретил меня запахами. Сирени. Вкусностей. Артура.

Он, воспрянувший телом и духом, нашелся на кухне. Дочь что крутилась рядом. Хвостиком. Идиллия. Жаль, что сегодня спектакля не было. Тогда бы пришла — и упала. Сил заснуть бы не было, но и шевелиться — тоже. Как, впрочем, и переживать. А так...

— Привет, Ань, — Артур подошел, помог снять пальто, на мгновение задержал в объятиях. Коснулся волос. Потянулся, чтобы поцеловать.

Я раздраженно дернулась. Посмотрела на него: ты что, с ума сошел? Поймала его

лучезарный взгляд. Он таким поклонник одаривал, когда по-быстрому очаровать хотел.

— Прекрати! — прошипела я, решительно не желая чувствовать себя неблагодарной сволочью, обламывающей души... то есть тенора, тенора прекрасные порывы.

Он тяжело вздохнул, чуть улыбнулся мне и отошел. Я поймала огорченный взгляд Кати, на которую это представление явно и было рассчитано.

— Ты голодная? — тихо-тихо, как и рекомендовали врачи, спросил бывший.

Не уймется никак. Мало мне было концерта у Владлена, теперь еще дома. В моем доме. Где Артура быть не должно.

Надо это пережить. Дышать глубоко. «Анна Австрийская и подвески», поза номер два, она же «царственное негодование». Главное, не сорваться в скандал, нервы на пределе. А до срыва — десять... лучше бы вечностей, но так хорошо не бывает.

Дышим.

«Десять».

Я направилась к себе в комнату, чтобы закрыться там и переждать приступ актерского мастерства. Он же не дурак, должен понять, что меня лучше не трогать.

— Мы с Катей заказали еду в твоём любимом ресторанчике. — Артур перегородил мне дверь в комнату.

«Девять».

Не дурак, все понял, но учитывать не собирается. Ничего-то не изменилось. Ни-че-го.

«Пропусти!» — рекомендовала я, выразительно посмотрев на него.

Мой посыл проигнорировали. И Катя. Катя сверлила меня негодующим взглядом. Ну, конечно, любимый папа дома. Вокруг меня пляшет. А я капризничать изволю.

— Ждали только тебя, — и бывший шагнул ко мне, явно собираясь обнять.

«Восемь».

Что я не выношу прикосновений, когда злюсь — он благополучно забыл. Или не счел существенным.

Нет, я всегда знала, что Артур настырный упертый баран. Что он прет как танк, если ему что-то пришло в голову. Никогда не принимает во внимание чувств других людей. Ну, может быть, с друзьями из квартета ему и приходится считаться, но не со мной — это уж точно.

Но вот сегодня все очаровательные стороны характера он решил продемонстрировать зря.

Я обогнула его и прошла к любимому шкафчику, где хранила стремительно тающие запасы стратегически важного пустыря. Взясась за пузырек и рюмочку. Оставалась еще смутная надежда, что я успею принять настойку и как-то взять себя в руки.

— У тебя что-то случилось, милая? — и такая нежность в голосе. Ну, хоть прямо сейчас на сцену. Хотя, если подумать, можно Артура выгнать со сцены. Но сцену из Артура не вытравить никогда. И никакими силами.

«Семь, шесть, пять... Хватит. В общем, старт и пуск».

Я отшвырнула и рюмку, и пустыря. Зазвенело, разбившись, стекло. Вместе с моим терпением.

— Да почему нельзя просто не трогать меня!

— Мама!

Но мне уже было не остановиться. Унизительные воспоминания, тяжелый разговор с режиссером. Снова подстава от Артура и его квартета — пусть невольная, но все же! А

теперь и это. Идеальный муж и отец трогательно встречает с работы свою истеричную жену.

— Аня, пожалуйста...

Вот. Теперь он меня еще и успокаивать будет.

Одуряюще пахло спиртом и травами.

Я поняла, что сейчас буду рыдать. Жалко. Безысходно. В голос.

Ну. Уж. Нет!

Выскочила в прихожую, схватила пальто, сумку, рванула дверь, похоже, сломала ногти.

Прочь. Прочь. Прочь!

— Мама! — донесся в спину яростный голос Кати. — Вечно ты все портишь!

— Катя, не смей, — рявкнул Артур.

Я бежала вниз, не видя ничего. Только белое марево перед глазами.

— Аня!

Вздогнула от окрика. Покачнулась. Артур подхватил меня, не давая ни упасть, ни убежать. Развернул к себе, прижал.

— Не смей ко мне прикасаться!

В ответ он подхватил меня на руки, посадил на широкий подоконник, сгреб в объятия. Я чувствовала, как его молниями пронзает дрожь. Меня тоже трясло. Ухватила за его плечи. Поняла, что он даже без футболки. А этот ненормальный болеет. Бессильно закрыла глаза. Да за каким чертом! А?

— Аня, — очень тихо заговорил он. — Я тебя люблю. Я год не жил без тебя. Аня, мне никто не нужен, кроме тебя. Понимаешь.

Я закрыла уши руками.

— Почему ты не хочешь слушать? Не говоришь сама? Мы даже не поругались! Не выясняли отношений. Не скандалили.

— А зачем, Артур?

— Да к черту прошлое! Я не могу так. Я... Аня. — Он коснулся нежными чуткими пальцами моей щеки, и я бессильно прикрыла глаза. Зачем вот это все? — Аня, скажи мне. Ты этот год была счастливее, чем... со мной?

О. Память, память, память... Куда ж без нее. Вот он касается меня в первый раз, сам просто подрагивает от нетерпения, от желания. И я плыву, тянусь к нему. Первый поцелуй. Как же мы сошли от него с ума. Казалось, что никто и никогда не может забрать у нас это счастье, головокружение от объятий...

А вот оно как обернулось.

— Ты знаешь, — задумчиво сказал он. — Я все равно тебя верну.

— Пошел в сад, Артур! — Мой вопль, должно быть, слышали все в окрестности. — Ты самый самовлюбленный, невозможный и эгоистичный козел, который только существует на свете. И я никогда...

— Здравствуй, Маша, — спокойно, глядя через мою голову, проговорил Артур. И мягко улыбнулся.

— Добрый день, — ответила девочка.

Мое лицо просто полыхнуло пожаром. Я оттолкнула бывшего, соскочила с подоконника. Боже, какой ужас, а! Гостья, опустив глаза в пол, теребила в руках шапку с помпоном. Который, похоже, она сейчас просто оторвет.

— Проходи, — гостеприимно предложил Артур. И резво отправился в дом. Сверкая обнаженным торсом. Мачо, а!!!

— Эм-м, — промямлила я.

— Я рада, что Артуру лучше. Мы очень переживали, — девчонка подняла голову. И вдруг абсолютно счастливо улыбнулась. — Вы не представляете, как это здорово!

*Две бутылки водки.
К ним два огурца.
Ща мы будем делать
Маску для лица)
(С) Депресняшки*

«Вы там живые?»

«Скорее нет, чем да».

«ЛЕВА».

«Прости. После концерта чуть выпили, развезло — ты не представляешь как. Ирина сообщила мне утром, что в изумлении».

«И вы туда же?!»

— Видимо, день был такой, — проворчала Олеся и посмотрела на постель, где сладко спал еще один пострадавший от неумеренных возлияний господин. Хотя почему пострадал? Это она всю ночь почему-то нервничала и прислушивалась к дыханию мужа. Потому что в ее понимании то количество спиртного, что употребили русский олигарх (одна штука) и его великобританский сородич, лорд (еще одна штука), было мало соотносимо с человеческой жизнью. Но кто сказал, что эти двое были людьми. Похоже, что и нет.

Поэтому утро Олеся встретила в самом отвратном настроении. Лева еще и доложил, что тоже напился. Звезды, наверное, и для звезд вчера сошлись. А вот Артур не отвечал. Но главное — был со вчерашнего дня под присмотром жены, пусть и бывшей. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

Олеся в очередной раз посмотрела сообщения. Молчит Артур. Не дает ответов. Потом перевела взгляд на мужа. Олег уже открыл глаза. Красные. Морд лица не сильно живенький: желтовато-зеленый. Но вот — улыбается, гадость олигархическая!

— Зараза! — поприветствовала она мужа.

— И я тебя люблю, — проскрипел любимый. — Скажи, где мы.

Она воззрилась на него в совершеннейшем недоумении.

— И водички бы.

— Держи.

Предусмотрительная Олеся подала супругу бутылку минералки.

— В ваших будунах засуха, — охарактеризовала она жадные глотки, сопровождаемые сладострастным стоном. — Таблеточку растворить, чтобы синдромчики приятные снять?

— А давай, — потер Томбасов отросшую щетину. И снова огляделся. Постановил: — Гадость какая.

— Это ты о чем?

Олеся, ощущая себя сестрой милосердия, что жаждала оказаться Миледи, подала бокальчик.

— Яд? — принялся Томбасов, правильно разгадав выражение ее лица.

— Ни за что. Мучайся.

— Ты мое сокровище!

Еще несколько жадных глотков. И вопросительные взгляд на жену.

— Мы по-прежнему в «Метрополе», — доложила Олеся.

— В ресторане? — спросил Томбасов, оглядывая современные потолочные росписи номера супер-пупер-люкс, самого дорогого во всем Метрополе.

— Именно. Нами любят посетители. Для улучшения аппетита.

— Скорее, как на плакат «Пьянству — бой», — проворчал Томбасов.

— И бой, и герл, — вздохнула Олеся.

Уже через минут пять Олег смог подняться. И отправился в душ.

— Только ты не исчезай, — попросил он перед тем, как исчезнуть за дверью. — Я намерен тебя соблазнять.

— Глазами как у кролика, не иначе, — вздохнула Олеся, дождавшись, однако, когда зашумит вода.

Вот где справедливость, спрашивается? Муж напился. Да еще и так, что просто бревном рухнул, стоило им зайти в номер. Не приставал, не заявлял: «Пьяный мужчина — доступный мужчина». Вот что за... Вот она, помнится, после беседы с мамой Левы и бабушкой Ирины... Вот она — стыдно, но приятно вспомнить. И все только на благо родного коллектива. А вот этот мужчина, ее муж? Возмутительно. Но, с другой стороны, она хоть помнила наутро, где она ночевала и как туда была доставлена.

«Спуститесь в лобби? — блякнула смс-ка от Розы. — Есть идея».

Олеся с Томбасовым успели не только спуститься и сесть за столик, но и заглянуть в меню. Судя по морду лица супруга, значились там несусветные мерзости, которые есть невозможно.

— Мне блинчики и кофе, а ему — рассольник. Горячий. Есть у вас рассольник?

Официант не успел ответить, как на все лобби раздался звонкий голос повышенной ехидности:

— А подайте-ка барину рассолу, мил человек.

Томбасов аж поморщился, а Олеся тихонько хихикнула. Потому что лорд Говард, ведущий свою прекрасную половину от лифта, был такого же нежно-зеленого цвета, как и Томбасов. И совершенно не разделял солнечного настроения Розы.

Зато его вполне разделял Бонни Джеральд. В отличие от господ олигархов, мистер Джеральд вчера пил исключительно компот под названием безалкогольный глинтвейн. Из солидарности с беременной леди. Хотя Олеся подозревала, что из чувства самосохранения.

Рассолу им подали. В хрустальном штофе. И под неумолимым взглядом супруги лорд его выпил как миленький. Даже не поморщился. И Томбасов выпил. И Роза тоже, причем с таким видом, словно глотает стрихнин.

— Тебе-то зачем? — любопытствовала Олеся.

— Сэр Джеймс... — вздохнула Роза, погладив себя по животу, — очень любит папу. И раз вчера ему не дали ни виски, ни водки, ни текилы с ромом, то сегодня — хоть рассолу. Как вы себя чувствуете, Олег? Надеюсь, вы отказались от идеи прокатить нас по Москве на санях, запряженных медведями? Боюсь, Гринпис не одобрит.

Томбасов порозовел ушами. Лорд Говард одарил жену задумчивым взглядом, явно пытаясь припомнить — было такое или нет. Немудрено после того, что и как они вчера пили.

— Медведей по счастью не завезли, — ответила вместо него Олеся. — Но зато сегодня мы все приглашены к мэру. В загородный дом. В баню.

— И если ты вдруг забыл, мой лорд, — пропела Роза по-русски, и лорд ее отлично понял, — ты сам напросился. Так что отказаться не выйдет.

Ухмылка мистера Джеральда, которую тот прятал за чашкой кофе, стала совершенно неприличной.

— Ты попал, Британия, — сказал он по-русски и похлопал лорда по плечу.

— Русская баня есть интересно, — кивнул лорд.

— О, вчера вы родили множество интересных идей. Коллективное бессознательное — великая сила, — с милой улыбкой сказала Роза. — А теперь бульончику, любовь моя, и жизнь станет прекрасна. Показать вам видео?

— Видео? — синхронно насторожились оба олигарха, одинаково помешанные на безопасности и приватности.

Олеся прямо умилилась. Даром что фенотипы разные, а похожи — как близнецы. Из одного банкомата вылезли.

— Да, милый, видео, — кивнула Олеся. — Мы вчера снимали. После того как вы затеяли конкурс бальных танцев...

— ...и позвали в жюри чучело медведя, но он отказался, и вы оба очень обиделись... — продолжила за ней Роза...

— ...и напоили его водкой...

— ...и позвали играть в покер, потому что у него рожа подходящая...

— ...а потом ты спросил, не его ли избирательную кампанию ты оплачивал в позапрошлом году...

— Может, посмотрим видео, милая? — прервал поток компромата Томбасов.

— Конечно, дорогой, — как и положено примерной жене, согласилась Олеся и достала планшет.

На самом деле ничего ужасного там не было. Даже шоу с олигархами, беседующими с чучелом медведя, вышло забавным и почти пристойным. А уж как они танцевали! Правда, жен перепутали. Томбасов танцевал с Розой, периодически застывая на месте, так как забывал шаги, и пытался ее обольщать. О, Олеся прекрасно знала, что он говорит в такие моменты. И сейчас с удовольствием смотрела на все ярче розовеющие уши.

Говард же танцевал с Олесей, интимным шепотом признавался в любви и, кажется, читал стихи. По-английски, так что кроме «ай лав ю, май Роуз», она ничего не поняла. Ну и того, что танцевать лорд умеет, и автопилот у него работает на отлично. Потому что разума в его глазах на тот момент не наблюдалось от слова совсем.

Сейчас же, переглянувшись, лорд и Томбасов решили замять для ясности, кто чью жену вчера лапал за задницу. В любом же случае галантным кавалерам ничего, кроме поцелуя в щечку и «иди, милый, у вас важные переговоры» не обломилось.

— О, тут дальше как играли в покер на раздевание! Но, наверное, это мы посмотрим дома. — Роза весьма натурально покраснела и выключила планшет. — Лучше скажи мне, вы решили, где именно будут репетиции? Времени совсем немного, а мне бы не хотелось, чтобы ты потерял свой «Спайк».

Похоже, «Спайк» было волшебным словом. Лорд оживился, даже какие-то краски на лицо вернулись, и попытался осторожно выяснить, с какого-такого перепугу он потеряет свой обожаемый... о, самолет! М-да. Роза не стесняется в средствах воздействия.

— Олег, я не очень хорошо знаю московские площадки, но думаю мальчики помогут что-то подыскать, — включилась в игру Олеся.

Не только она. Бонни Джеральд что-то сердито сказал лорду по-английски, Олеся только разобрала «русский мюзикл», «плохая идея» и «я не буду этого делать». Леди тут же принялась Бонни уговаривать, лорд — пытаться возглавить безобразие, которое образовалось помимо его участия. А Олег, воспользовавшись паузой, тихо-тихо спросил у Олеси:

— А что поставил я? И на что?

— Какие-то акции, я не помню, — пожала плечами Олеся, срочно припоминая, о чем любимый муж говорил с самым-самым придыханием. — То ли Норильскую латунь, то ли Курильскую медь... Вы там что-то подписали, у тебя должно где-то быть.

— Подписали?.. — Томбасов позеленел и полез во внутренний карман пиджака, предсказуемо там ничего не нашел и снова посмотрел на Олеся дикими глазами. — Олесенька, любимая, я ничего не помню...

— Да не волнуйся, ничего же серьезного. Вы всего лишь забились, что поставите мюзикл. Я не очень поняла, как до этого дошло, вы же говорили по-английски.

— Неважно, как дошло. Олесенька!

— Мюзикл, в главных ролях «Крещендо», режиссура и хореография Бонни Джеральда, премьера десятого мая. Если мюзикл соберет какие-то там премии, это будет знак судьбы, что вам надо что-то там сливать, инвестировать и я не поняла что еще. А если нет, то лорд Говард отдаст свой любимый самолет, а ты — пакет каких-то акций в какой-то благотворительный фонд... Вот о фонде лучше спрашивать мэра, это на него мэр вчера просил денег.

Томбасов на мгновение потерял дар речи, а Олеся про себя помолилась богу Локи, покровителю наглых проходимцев. Идея Розы, без сомнения, была блестящей и совершенно безумной.

— Ты точно слышала про слияние? — почему-то задал Томбасов совсем не тот вопрос, которого ожидала Олеся.

— Что-то такое промелькнуло. Но я думаю, Олег, не стоит волноваться. Вы оба были пьяны, лорд тоже ничего не помнит, так что ваше пари — не больше чем шутка.

— О нет. Пари, любовь моя, это крайне серьезно! Это моя репутация!

А глаза-то загорелись! Ой, что будет, если господа олигархи все же вспомнят вчерашний вечер и поймут, что хоть о мюзикле и говорили, но никакого пари не было и ничего они не подписывали. Эти. Двое из банкомата. Подписали. Пьяными и без сотни юристов с обеих сторон. Да не смешите мои тапочки!

Тем временем лорду удалось убедить мистера Джеральда, что тот просто обязан поставить мюзикл с «Крещендо». Кажется, в его аргументах присутствовало слово «Сицилия» и что-то весьма личное. Возможно, пылкая любовь к «Спайку», который лорд ни за что не желал отдавать в какой-то там благотворительный фонд.

— Кей, господин Томбасов кажется хочет что-то уточнить, — тихонько позвала увлекшегося мужа Роза.

Тот — вот это рефлекс! — мгновенно оборвал собственную фразу на полуслове, нацепил на морду лица дружелюбно-официальное выражение.

— Прошу прощения, мой друг. Бонни будет ставить мюзикл. — Лорд улыбнулся, как акула при виде особо толстого туриста. — Пари это...

Что именно, Олеся не поняла дословно, но догадалась по интонациям: святое. Репутация. Любимые игрушки больших мальчиков. У которых адреналин в одном месте играет.

— Разумеется, — кивнул Томбасов, — пари...

И толкнул речугу минуты на две. Не иначе как о взаимопонимании, сотрудничестве и слиянии на выгодных условиях.

— Мальчики, расслабьтесь, — вклинилась Роза по-русски. — Пари так пари, кто мы такие, чтобы мешать высшим силам. Хотя я так понимаю, сценарий, музыку и все прочее добывать нам с Олесей.

— Да-да, — закивали «мальчики», подтверждая тезис о волшебной сближающей силе русской водки.

Надо же, какое взаимопонимание! А какое согласие! Загляденье просто.

— Ну тогда может вы обсудите высокие материи, а мы займемся нашими, приземленными? Я кажется знаю, где можно репетировать. Это будет недорого...

На этот раз волшебное слово сработало строго наоборот. Обычно, если речь заходит об экономии — Томбасов за всеми руками и ногами. Даже если это экономия на скрепках. Иначе он не был бы олигархом, а торговал бы скрепками в ларьке. Сейчас же он подтянулся, сделал важный и даже вальяжный морд лица и заявил, этак барственно:

— Роза, дорогая, ну что вы! Для мистера Джеральда — только самое лучшее. Раз уж вы мои гости, то я все оплачу.

Олеся чуть не прослезилась. Ведь от сердца же отрывает. С кровью. Но чего не сделаешь, чтобы показать этим зазнавшимся англичанам, что русская душа широка и раздольна есть.

— Нет-нет, дорогой друг! — покачал головой лорд Говард. — Это наш первый совместный проект как равноправных партнеров, поэтому все расходы пополам! Мы сделаем самый лучший мюзикл. Бонни всегда делает самый лучший мюзикл.

Олеся не совсем была уверена, что сказал именно этими словами, но смысл был ясен и без перевода. Английская душа тоже широка есть, ага.

Особенно когда из-под носа норовят увести любимый самолет.

— Олеся, встретимся через час и обсудим площадку и все прочее, хорошо?

— Буду ждать здесь, — кивнула Олеся, и они распрощались с Говардами и мистером Джеральдом.

Великим, мать его, артистом. Как он возмущался, что его заставляют ставить мюзикл с каким-то русскими, ой-ой-ой! Хотя вчера, когда Роза озвучила ему идею — ржал, фонтанировал идеями и рвался устроить кастинг немедленно. А тут — заставляют, не спросили, звезду обидели.

— И чему ты так таинственно улыбаешься, Олесенька? — мурлыкнул ей на ушко Олег, едва они зашли в лифт.

— Представляю себе морду лица Левы, — почти честно ответила она. — Как думаешь, он переживет, что не он будет тут главным?

— Переживет-переживет. А ты знаешь, что ты у меня гений, Олесенька?

— О, какие комплименты. Никак рассольчик вернул тебя к жизни.

— Олесенька, счастье мое, я не знаю, как тебе это удалось, но ты это сделала! Говард готов сотрудничать! Олеся, Олеся, это будет такое дело!..

— Ай, отпусти меня немедленно! Томбасов! Не в лифте же!..

Что подумала горничная, когда они вывалились из лифта на своем этаже — история умалчивает. А Олеся было совершенно все равно, потому что когда совершенно потрясающий мужчина, он же твой муж, целует тебя и тянет в постель — только полная дура будет думать о каких-то там горничных.

Может быть и зря, потому что в руках у горничной был смартфон...

(С) Каждый заслуживает еще один пятый шанс...

(Не все и не всегда, но вот с Артуром разговор, кажется, особый...)

Маша

Ох, как-то невовремя она пришла. Хотя... Артур и его бывшая ругались. Снова. А это что значит? Ее друг снова будет в меланхолии мрачно и неотрывно глядеть в одну точку. Снова начудит. И тут уж либо Самуилу Абрамовичу его откуда-нибудь вытаскивать, либо маме — мозги промывать. Хотя бы после общения с нежнейшей Клеопатрой Артур пить перестал. Ну, практически. Правда, реагирует на королеву сфинксов по-прежнему нервно, а кошке и нравится. Она выныривает рядом с ним. И любит на произведенный эффект.

— Добрый день, — просипел Артур. Бледный, правда. Но глаза хотя бы живые. Уже хорошо.

— Проходите, пожалуйста, — пропела ослепительно красивая брюнетка с такой копной иссиня-черных волос, что Маше стало немного завидно. Не то, чтобы она жаждала с такими возиться, но все же, все же!

— Фанаты все-таки просекли, что ты заболел, — сообщила Маша, разглядывая медные сковороды и косы красного лука, украшающие большую кухню в стиле Прованс. — Я клятвенно обещала тебе хотя бы микроскопическое видео, чтобы народ не переживал.

— Сделаем, — устало улыбнулся Артур.

— Вы действительно занимаетесь продвижением группы? — удивилась хозяйка дома. Так удивилась, что даже воду пролила мимо чайника.

— Да, — Маша так привыкла быть пиар-менеджером группы, что подобные вопросы были ей просто удивительны.

— Но вам же тринадцать. Как и Кате.

— Поэтому у меня есть проблемы с начислением зарплаты, — вздохнула Маша. — И вы просто не представляете, что было летом.

— Ну, хотя бы Олеся прекратила на эту тему температурить, — проскрипел Артур. — Стало намного проще.

— Замужество пошло маме на пользу, — кивнула Маша, стараясь не обращать внимания на совершенно изумленный взгляд жены Артура.

Вот что не так? Раз Маше тринадцать, то только о школе и одноклассниках рассуждать? Скучно же. А взрослые все-таки очень странные люди.

— Не обижайся, Мащ, но я иногда Томбасову сочувствую, — рассмеялся Артур. И все-таки закашлялся.

— Томбасову? — вырвалось у Анны.

Артур и Маша переглянулись. Голос был какой-то сверхстранный.

— Да, — с недоумением ответила Маша. — Они поженились. Летом еще.

И дружно пожали плечами, поймав ошарашенный взгляд Анны, который внятно

интерпретировать не получилось.

Артур вдохнул, чтобы что-то спросить, но закашлялся и ожидаемо захрипел.

— Ты весьма вольно понимаешь, что такое голосовой покой, — скривилась Анна. И не успела Маша моргнуть, как перед тенором оказался увлажнитель воздуха, ингалятор, а из холодильника бывшая жена достала спрей. — Держи. Спасайся.

— А Катя дома? — живо спросила Маша, у которой на этот визит были свои далеко идущие планы, связанные не только с Артуром.

— Катя? — удивилась Анна.

Артур, уже в маске для ингаляции, выглядевший ну точь-в-точь Дарт Вейдер, понимающе усмехнулся.

— Замри! — Маша подпрыгнула и выхватила телефон. — Ща я тебя запишу, секунд на пятнадцать. Наложим имперский марш — Лева сыграет на рояле. Будет зачетно. Тока подыши со свистом. В такт.

Артур закивал:

— Дирижируй.

— Вы просто ненормальные. Оба, — вздохнула бывшая тенора.

Маша посмотрела на нее внимательно, потом на Артура, светло улыбнулась.

— Может, мне самому спеть? — предложил музыкант.

— Чтобы меня прикопали? — не согласилась Маша.

— Очень надо, — хмуро возразила Анна.

— Да у меня еще мама есть, — вздохнула малолетняя акула капитализма. — И их врач меня знает. Это не говоря уже о поклонниках.

Бывшая тенора вдруг растерянно проговорила:

— То есть, чтобы быть звездой, необходимо все это?

И женщина ткнула пальцем в старательно свистящего в нужной тональности Артура. И в Машу с телефоном, что азартно записывала происходящее.

— Люди хотят прикоснуться, — нахмурилась Маша. — Чуть-чуть поучаствовать. Подглядеть, как создается волшебство. Ну, и понятное дело, переживают. Поэтому... Что во всем этом плохого?

— Ничего, — признала Анна. — Просто странно.

Маша записала кусочек видео. Вопросительно посмотрела на Анну.

— Катя в музыкальной комнате. Я провожу, — правильно поняла ее хозяйка дома.

— И чего приперлась? — приветствовала ее зеленая девчонка со злобным лицом. Дождавшись, однако, чтобы мама закрыла дверь.

— На тебя посмотреть, — в тон ответила Маша, которой тоже было, что этой козе сказать.

Зеленой всклокоченной козе в музыкальной комнате, что еще так недавно, в прошлой жизни, была для дочери Олеси совершенно непостижимой мечтой.

А тут — так просто, так естественно: Катя в «музыкальной комнате». Идеальная звукоизоляция, рояль с божественным звуком и за совершенно неприличные деньги. Пообщавшись с парнями, она начала разбираться в этой теме. И узнала стоимость всех этих удовольствий. Вон в руках у Кати — гитарка пафосная. Акустика от испанской «Ибанес». Да и скрипочка в шкафу за стеклышком — ой-мамочки-мои, по лейблу на футляре из натуральной кожи видно.

Насколько Маше известно про это зеленое жабье существо, то дочь Артура учится в ЦМШ и как раз со скрипочкой этой является победителем и призером неслабых таких музыкальных конкурсов. И как теперь ее по классике будут воспринимать в таком виде?

Маша оглядывалась и плевала на то, что Катя буравит ее ненавидящим взглядом. Если человек не ценит того, что ему дается изначально, бонусом на старте — такой человек просто дурак. Эту жабу бы в питерскую районную музыкальную школу. Чтобы заценила то, что есть. И тех, кто рядом.

— С чего вдруг тебе понадобилось на меня посмотреть? — вдруг резко взяла себя в руки девчонка.

Отложив гитару, она уселась за рояль — спина прямая, взгляд самый убийственный. Ха! Да после Левы в ударе — фиалка. Китайского производства.

Королевишна взяла несколько аккордов, прошла в сложном пассаже — квартетовцам, наверное, понравилось бы. Аристократка...

— Ну, общаешься ты с папочкой — и общайся, — ее голос был подчеркнуто холоден. — Он тебя в дочки выбрал, так и ради бога. Идите оба в ёперный театр. Песни петь. Вот только не надо ко мне сюда приходить. Поэтому. Сделала папочке приятно. И досвидос. Свободны оба.

Нет, с аристократкой Катя погорячилась — те такими словами не говорят.

— Слушай, Катя... — примирительно начала Маша.

— Не буду я тебя, овцу, слушать, — взвизгнула Катя и едва не уронила крышку рояля себе на пальцы. Подхватила. Скривилась в сторону Маши, словно та была крысой с помойки. Ар-ристократка!

Этого Маша уже не вынесла. Все мирные намерения испарились.

— Конечно, чего тебе меня слушать! — заорала Маша, уперев руку в бок и шагнув к королевишне. — Ты же стра-даешь! Сначала доведешь отца до нервного срыва — а потом страдать! Ах, как тебя обидели! Ах, бедненькая! А пока ты тут страдаешь за «Бехштейном», нам твоего отца вытаскивай!

— Ты... Да что ты...

— Это не я что, это ты — что! Ты трубку бросаешь, а он психует, между прочим. Ты вообще представляешь что Артур творит с психу? Или тебе неинтересно, обиделась — и хоть трава не расти?!

— Что? — зеленая мегерка вскочила из-за рояля. Ага! Проняло!!! — Да ты...

— Именно я, а не ты. Я с ним рядом, когда ему нужна ты. Дура зеленая.

— Не нужна я ему, — злобно сжала кулаки обиженная мегера.

— А ты спрашивала? Ты хоть поинтересовалась, каково ему, а? У меня даже видео есть. Показать? Или стыдно?

— Не надо мне твоих видео... — на тон ниже возразило зеленое и несчастное.

— Кто б сомневался, — хмыкнула Маша. — А я сняла. После концерта, на который ты не пришла. Он тебя ждал. Бегал смотреть, не пришла ли его доченька любимая... Ты хоть представляешь, как он тебя ждал и что с ним потом было?

Катя молча смотрела на нее с нечитаемым выражением лица. Маша даже погордилась собой — что проняло. Но недолго. Через пару секунд зеленое чудо-юдо опомнилось, в Машу испуганными черно-белыми птицами полетели нотные листы.

— Да какое твое собачье дело, ты!.. — заорала Катя так, что стекла едва не посыпались.

— Достала! — взбеленилась и Маша

Они замерли на мгновение, вперив друг в друга взгляды, в которых сверкали молнии, готовые вцепиться в волосы...

Позорную драку предотвратил звук открывающейся двери и голос Катиной мамы:

— Девочки, я принесла вам...

Мгновение — и они обе оказались за роялем. Рядышком. Не сговариваясь. Катя заиграла что-то весьма неклассическое, нервное и такое классное, что сразу захотелось дрыгаться в такт и подпевать. Маша тут же наострила уши.

— У вас тут все хорошо? — в темных глазах Анны плескалось беспокойство.

Не такая уж хорошая звукоизоляция, подумалось Маше.

— Конечно, — с улыбкой отозвалась она, глядя на Анну честными-честными глазами.

— Конечно, — с теми же интонациями и синхронно с ней сказала Катя.

Прямо девочки-синички. За рояльчиком. На одной табуреточке. Только зеленая шевелюра Кати не вписывается.

— Чай и сладости, — кивнула хозяйка дома на поднос, старательно не обращая внимания на валяющиеся на полу ноты.

— Спасибо огромное, — улыбнулись ей оба юных дарования.

Анна оглядела комнату, с сочувствием посмотрела на валяющуюся на диванчике гитару, хотела сказать что-то еще, но сдержалась и вышла.

Тихо и плотно затворилась дверь, отсекая девчонок от остального мира. Катя снова заиграла что-то незнакомое, печально-пронзительное. Не обращая внимания на Машу, даже умудряясь почти не пихать ее локтем.

А Маша только вздохнула: вот как маме удастся со всеми договариваться? И почему маму слушаются? Но не подключать же ее. И не хочется признавать свое поражение, и планы все насмарку пойдут.

— У тебя хотя бы в этот год яблоки не по счету были, — вырвалось у нее. Как-то очень тихо.

— А при чем тут яблоки? — не поняла Катя, но играть прекратила. Руки замерли на рояле.

— От нас тоже папа ушел. В этот же год. И знаешь, мне есть с чем сравнивать.

— И как тебе ощущения? — злобно выдохнула Катя.

— Отстой, — устало и почти равнодушно сказала Маша. Возвращаться и переживать все по новой совсем-совсем не хотелось. Но поздно — горечь с обидой уже нахлынули, делая ее маленькой и беспомощной девочкой. Не нужной любимому папе.

Уроду и козлу.

— Вот и у меня так же, — внезапно без истерики согласилась Катя.

— С тобой отец общаться хочет, — почти беззвучно проговорила Маша.

Катя ответила ей непонимающим взглядом: конечно, хочет. А что, может быть иначе?

— А я словно перестала существовать, — Маша потерла лоб: у нее снова, как и тогда, начала ныть голова. — Он не звонил, не общался — даже в Вконтакте не отвечал. Неделями. Месяцами. Я набрала его как-то. В кино позвала. Сама...

Маша сглотнула и напомнила себе: это в прошлом. Она это уже пережила. Уже не больно.

— И?.. — тихо-тихо спросила Катя.

— «Знаешь, котенок, не могу, — процитировала она с виноватыми и какими-то чужими интонациями. — Иду в кино с друзьями. Перезвоню». Перезвонил он, как же... Я две недели

сидела в обнимку с телефоном, как Хатико. Дура.

Катя, не поднимая головы, стала что-то наигрывать на рояле.

— На самом деле я тебе завидую, — едва сдерживаясь, чтобы не материться в адрес отца и не плакать, продолжила Маша. — Будь у меня отец, который звонит, просит о встречах, скучает и приглашает на концерты — я бы подорвалась, бросила все. И приехала. Откуда угодно. Плевать, что там у меня — скрипочки, обидки или какие еще суперважные дела. Это же папа. У тебя он есть — а у меня нет. А ты не ценишь.

— А твоя мама? Как она?..

— Сначала плакала по ночам. И работала как проклятая. А потом пришел Томбасов... Он не такой уж... нормальный он, в общем. И хорошо, что он маму занял квартетом. Она хоть переключилась. Переживает теперь за них за всех. Приняла их в семью, типа младшими братишками. Дурными на всю голову. Гении они. В переходном возрасте.

— И они с папой?.. — ломко спросила Катя.

Маша не сразу поняла, о чем это она. Только секунд через пять обернулась к Кате и воззрилась на нее в изумлении:

— Ты с ума сошла? Мама — с Артуром?!

— А-а-а-а... — вроде до Кати дошла вся абсурдность предположения. — Как вы тогда оказались рядом с отцом?

— Да говорю ж, Томбасов маму нанял. Руководить квартетом. Чтобы она в чувство этих красавцев привела. У них кризис случился. Такую фигню творили... — Маша не удержалась, неодобрительно поглядела на Катю: слишком ярко помнилось, какую фигню творил один отдельно взятый Артур. — Короче, им мама мозги на место вставила. И вот когда они снова начали петь... Я тоже пою. Только у меня нормального образования не было. Теперь — будет. Я с Томбасова потребовала преподавателя вокала для себя. Такого же, как у них был.

Катя одобрительно кивнула.

— Федора Палыча?

— Ага. В общем, как-то все так завертелось, мама замуж вышла. За Томбасова. Я все удивляюсь. Почему все думают, что не за него, а за кого-то из боевой четверки? Мама же старше... ну... то есть одногодки, кроме Сергея, но все равно старше. И вообще.

«Томбасов? Да он рядом не валялся! Он же к роялю подойти не умеет! Отстой!» — было крупными буквами написано на лбу у Кати.

Ага. В точности мысли фанаток квартета. Они тоже считают, что если рядом кто-то из «Крецендо», все должны падать в обморок от счастья и ни на кого другого даже не смотреть. Вот и зря. Томбасов, хоть и наглый как танк и вообще хозяин вселенной, но в целом нормальный мужик. Понормальнее этих всех чокнутых гениев.

О чем она Кате говорить не стала. Все же один из чокнутых гениев — ее папа. Да и мама тоже. И сама она не далеко ушла. Богема.

— Знаешь, до смешного, — продолжила Маша. — Ира думала, что у мамы что-то слевой.

— А Ира — это?..

— Лева женился, с месяц назад. Ира книгу о них написала. Как они возмущались, ты бы видела!

— А папа?

— Заладила, папа-папа, — фыркнула Маша. — У Артура печаль, трагедь и дочь его знать не хочет. А он мне, между прочим, друг.

— Хочу я... просто...

— Ревнуешь к понтовым швабрам? Так он их даже по именам не помнит.

— Было бы что помнить, они все одинаковые, — фыркнула Катя и с прищуром уставилась на Машу. — Так ты пришла, чтобы помирить меня с папой?

— Дошло наконец-то, — так же фыркнула Маша.

— А толку-то. Пока они с мамой вот так... Ну не могу я разорваться, — вздохнула Катя совсем по-взрослому. — Вот если бы их помирить! Папка у меня с заходами, но знаешь, как мы хорошо жили, пока они...

Катя резко замолчала и без предупреждения грохнула обеими руками по клавиатуре. Убойный аккордище, и еще, и еще, и что-то безумное, рваное, горькое, пассажами и аккордами, так что стекла в окне ходуном заходили.

Маша аж замерла. Во дает! Губа закушена, глаза злющие, а музыкой этой можно всю душу перевернуть.

— Что это было? — тихо спросила она, когда последний аккорд отгремел, а Катя застыла, невидяще глядя куда-то под открытую крышку рояля.

— Рахманинов, — машинально ответила тца, и продолжила, словно и не прерывалась: — Оана просто выставила его чемоданы, и он ушел. Я приехала с конкурса, а папы нет. И не вфернется. Почему? А просто. «Нам больше не по пути». Она мне ни-че-го не сказала! Понимаешь, ничего! Сколько я ни требовала! Только рыдала, когда думала, что я не вижу. Как будто мне три года, и вот это ее «тебе не нужно этого знать, пусть для тебя он всегда будет хорошим, он твой папа» прокатит.

— То есть и ты тоже не знаешь?.. — задумчиво переспросила Маша. — Тайны какие-то. Детектив. Артур вот тоже не в курсе, почему его выставили.

— Трахает швабр и не в курсе. Ага. Конечно. У него это не повод для знакомства. Папа-звезда это полный отстой!

— Ну... — пожала плечами Маша. — Не такой уж отстой. Твою маму он любит. И тебя любит. Может, не в швабре дело?

— Пофиг. Они ругаются. Они опять ругаются! — с отчаянием сказала Катя. — Я... я не знаю, что мне делать! Не хочу все это слышать!

— Ругаются — этот лучше, чем молчат, — со знанием дела заявила Маша. — А знаешь что? Мы что-нибудь придумаем. Вот ты покрасилась, сделала пирсинг — и они уже не молчат, а ругаются. Прогресс же!

— Ну... вообще-то я не для того красилась... Я... у меня музыка.

— Вот! Мы верным путем идем, товарищи! — воодушевившись, Маша вскочила с табуретки и принялась ходить по комнате.

— Какие еще товарищи? — не поняла Катя.

— А, не парься, это историческое, — отмахнулась Маша. — Наша архиважная задача — творить и вытворять так, чтобы они сплотились. В борьбе! За твое светлое будущее!

— Ничего не поняла, — помотала головой Катя и вздохнула. — А ты думаешь, это поможет?

— Поможет! — уверенно заявила Маша. — Короче, Склифософский. Я точно знаю, что проняло бы мою маму до самых печенок. Так проняло, что она бы не только папу, а черта лысого бы припахала... Но ломать тебе мы ничего не будем. Это не наш метод.

— Не надо, — жалобно попросила Катя, пряча руки за спину. — То есть... если очень надо, то ногу! Только не пальцы!

— Я ж говорю, не будем мы ничего ломать. Мы пойдем другим путем.

— Каким?

— Придумаем! И вообще, ты вот играла что-то такое... ну... — Маша попробовала руками показать, что такое играла Катя.

— Рахманинова? — переспросила та.

— Да нет же, раньше. Такое, с драйвом, что танцевать хочется.

— А! Это мое. Я под него красилась. То есть... ладно. Ты же видела Грин Крим? Видела, да?

— Конечно. Круто она.

— Вот! А я могу лучше. Не так как она, у меня стиль другой, но лучше!

— Скромности у тебя...

— Скромность украшает девушку, если нет других украшений, — фыркнула Катя. — Будешь слушать? И... ты же поешь, да? Ну-ка, спой!

— Что? — опешила Маша.

— Пофиг. Хоть «елочку». Пой! Мне надо послушать диапазон и тембр.

Маша едва за голову не схватилась. Кажется, она нечаянно попала в руки маньячке от музыки. Вон как блестят глаза, в точности как у Льва на репетиции. Ой, попала-а...

— Годится! — довольно кивнула Катя, прогнав Машу по всему диапазону. — Значит так. Я не хочу как Грин Крим, у меня... у нас будет свой стиль. Но тебе тоже придется покраситься.

— Мне?.. — вот чего Маша не ожидала, так это столь стремительного перехвата инициативы.

— Тебе. Ты же не просто так пошла к Федор Палычу учиться. Ты хочешь петь. И не какой-то там отстой с оленями. А искусство требует жертв. — В доказательство Катя взъерошила зеленый клочкастый ежик. — Знаешь, какая у меня коса была? Резали — я плакала... Только маме с папой не говори! Коса — это фигня. То ли дело музыка! Иди сюда. Будем петь и думать.

— Ага, — согласилась Маша, решая в уме задачку: как бы так пожертвовать чем-то во имя искусства, чтобы ее маму не хватил удар? Краситься в зеленый цвет она определенно не готова. Но... Ради великой цели... Ради воссоединения Артура с семьей... Ради нового звездного дуэта... — Надо придумать название. Устроим мозговой штурм.

— Ага, — кивнула Катя. — Устроим. Мы такое устроим!

И, хлопнув друг друга по ладоням, две девочки синички снова уселись рядом за рояль. Настало время творить. Или вытворять. Как фишка ляжет.

Умные люди жениться рано.

Пока еще глупые

(не, ну в нашем случае — выходят замуж, так как я об Анне)))

Анна

Девчонки ругались — это было понятно. Я замерла перед дверью, которую сама же и закрыла, задумавшись. Как стоит поступить. Вмешаться? Спросить, почему нотные листы на полу? Или дать возможность поросли этой, самостоятельно-зеленой, самой решить свои архиважные проблемы. Ох, как же я понимала дочь. Потому что и сама ревновала и к этой слишком серьезной девочке, пиар-менеджеру, подумать только. Неприятно признаваться себе в этом, но... Девочка эта подошла ко всем четверым, в том числе и к Артуру так близко, как никогда не удавалось ей, его жене. Девчонка словно знала какое-то тайное слово, которое позволило...

— Аня, — раздался тихий шепот из гостиной.

— Да?

Я поспешила туда, раздумывая уже всерьез — а не вызвать ли врача. Пусть посмотрят этого малоугомонного. Что мне и мне такое счастье-то?

— Прости меня, — проговорил Артур. Почти беззвучно.

Вот тут я замерла на пороге комнаты. Что? Такое бывает? Да еще и — вот странность — безо всякого безукоризненно исполненного драматизма. Так. Куда это странное создание дело моего мужа? СТОП!!! Аня! Бывшего мужа. И никак иначе. Бывшего.

— Я... оказался дома. И мне стало так хорошо. Вот в голову и ударило. Как будто все по-прежнему.

Он усмехнулся. Над собой. И это тоже было странно, потому что тот, другой Артур, из другой моей жизни, просто-напросто так не умел. Сердце защемило. Неужели он...

— По-прежнему хорошо и правильно, — закончил он.

— По-прежнему не будет, Артур, — еле слышно ответила я, пересекла гостиную и опустилась в кресло напротив. Ноги меня не держали.

— Почему? — он приподнялся на локтях, уставился на меня, непривычно серьезный. И печальный.

— Может быть, потому что меня это «по-прежнему» не устраивает?

— Все было так плохо, Ань?

Ох ты ж... Вот как ответить, что «все»? Это было б неправдой. Была Катя, была наша любовь, страсть такая, что просто дух захватывало. Были его приезды с гастролей и наши умопомрачительные объятия. Была его потребность сделать все для семьи, чтобы было хорошо: дом, рояль, образование для дочери. Чтобы всего было вдоволь. Были наши вечера, когда мы уставали оба так, что шевелиться не могли. Замирали в обнимку на этом самом диване. И просто дышали в такт. Было его искреннее восхищение мной. И было мое

преклонение перед ним как перед гениальным вокалистом. Было. Было. Было... Но...

— Все было для тебя, Артур, — вырвалось у меня то, о чем я никогда не говорила. И даже боялась думать. — Карьера. Гастроли. Проекты. Быт, подчиненный твоим нуждам.

— Ты никогда не говорила, что тебе нужно что-то другое.

— Не говорила. Думаешь, зря?

Он задумался. Вот реально, за-ду-мал-ся! И с тяжелом вздохом ответил. Правду, которую они знали оба:

— Тогда такой разговор был бесполезен. Я бы не стал слушать.

— Что и требовалось доказать.

Я на мгновение закрыла глаза. Потому что больно. Слишком больно.

— Но это было. С тобой. Со мной. Прошло время. И мы изменились. Я изменился. Многое понял. И может быть, нам стоит?..

Он качнулся ко мне. Но... взял себя в руки и... остался на месте. Только смотрел. Ни рисуясь. Не играя.

— Артур, я...

Как обходиться вот с таким Артуром, я не знала. И просто растерялась.

Звонок в дверь — требовательный, переливчатый, перебил разговор, спугнул что-то важное, что только-только стало подкрадываться к нам.

— Кто там еще?

Я поднялась, тихонько вздохнув с облегчением, Артур нахмурился.

— Не открывай, — попросил он.

Я только головой покачала. Жаль, от реальности не спрячешься. Ни за закрытыми дверьми квартиры, ни в чувствах, какими бы фееричными они не казались.

— Привет!

И дружный такой хор мальчишек-зайчиков. Так. Только квартета «Крещендо» в полном составе мне не хватало.

— Это тебе, — Лева прошел в квартиру, не дожидаясь приглашения, и сунул мне в руки огромный пафосный букет, из разряда, что дарят начальству на юбилеи: подороже да побогаче.

— Как там Артур? — Иван покосился на меня и взглядом спросил разрешения войти. Ну, хоть кто-то.

— Там самолетом доставили горный мед. Какой-то особый, лечебный. — Сергей поднял сумку и покачал перед моим носом.

— Замечательно, — кивнула я. Все трое вопросительно посмотрели на меня. — Артур в зале, Маша тоже здесь. Общается с Катей.

— Видишь, как хорошо, — улыбнулся Лева с видом человека, у которого сбылась самая заветная мечта. И даже без обычного ехидства в зеленых глазах. Что это с ним?

— Мы не вовремя? — тихо спросил Иван. — Прости.

— Мы просто волновались, извини, — пробасил Сергей. — Вчера Артур выдал, так выдал.

— Ничего.

Иван и Сергей потоптались на пороге, как-то с опаской поглядывая на меня. Вот все же эти двое всегда были и более чуткими, и более адекватными. Ну, или просто чуть более внимательны к окружающим.

— Ты там живой? — уже спрашивал у товарища бойца агитбригады Лева.

— Живой, — недовольно отозвался Артур.

— Прошу, — сделала я приглашающий жест рукой. Иван и Сергей двинулись в гостиную.

«Вот любопытно, — подумалось мне, — как жена Ивана относится ко всему этому беспределу? А теперь и жена Левы? Вот особенно она. Вообще, не представляю себе женщину, которая...»

— Аня, — донесся до меня трагический шепот Артура. — Сделаешь нам чаю?

Я заглянула в гостиную. И вдруг поняла: все неправда. Вот теперь, в окружении своих, с искрой в глазах, с привычной ухмылкой на совершенных губах, подобравшийся и вернувшийся в роль звезды — вот теперь он был настоящий. И такой, каким ему, на самом деле, и надо б быть.

Мгновение слабости пролетело — и кто о нем вспомнит. И думать о том, что этот человек-звезда, привыкший сиять, собирается что-то менять и к кому-то прислушиваться... Глупость какая.

Я тихо отступила назад.

Прошла на кухню, заварила чай, принесла поднос с гостиную. Тихо оделась. И ушла.

А что? Катя занята. Пусть разбираются с Машей. Не случайно же девочка пришла к нам в гости. Думаю, что-то она затеяла. Вот и посмотрим, что. Но мне кажется, что Маша будет убеждать Катю общаться с папой. Возможно, это к лучшему. И кстати, надо запретить моей мегерке прикрываться моим именем, когда она не желает общаться с отцом. Пусть сами разбираются.

Артур. У него своя жизнь. Вот пусть так и остается. Поправится — и вперед на небосклон. Сиять.

А вот интересно, что никому из ворвавшихся в мою жизнь за эти сутки не пришло в голову позвонить. Ну, хоть для приличия, поинтересоваться: готова ли я кого-то принимать? Хочу хоть кого-то видеть.

Забавно.

Я неторопливо шла по Москве, окунувшись в успокаивающую меня суету, чьи-то улыбки, чье-то раздражение. В огонь реклам и новогодние украшения, которые отчего-то еще не сняли. Так что столица сияла по-прежнему как новогодняя елка.

И это успокаивало.

Побродив пару часов, поужинав в любимом ресторанчике, отправив смску дочери о том, что домой не приду, я неожиданно для себя самой оказалась на Большой Дмитровке, около родного театра.

Он, как и всегда, был полон. Все блистало. Вечерний спектакль уже начался. Сегодня, к сожалению, без моего участия.

Зато вот завтра «Летучая мышь», моя самая любимая. Моя самая первая.

Я тихонько вошла через служебный вход, никем не замеченная добралась до гримерки со своей фамилией. Села на родной продавленный диванчик, повздыхала. Поднялась, заварила кофе.

Если муж — звезда, то твоя карьера строится значительно сложнее, чем тебе бы хотелось. Точнее, даже не так. Если ты замужем, изменять не планируешь и к тому же занимаешься ребенком, то твоя карьера строится... Честно говоря — вообще никак. Это только в восемнадцать тебе кажется, что предложений будет море. Что твой талант настолько всеобъемлющ, что тебя не просто заметят один раз. Тебя не забудут и продолжат

предлагать роли. И только потом ты понимаешь, что вот лично ты, Анна Половцева — просто кладезь нерастраченного таланта и упущенных возможностей.

Из которых ты смогла воспользоваться только лишь одной.

Одиннадцать лет назад.

Заболела наша прима, звезда и совершенство. Вечером — премьера. А ты — вечный второй состав, потому что начальство хочет видеть на сцене молодежь, но не уточняет, как часто и на каких ролях О! Как Владлен в то утро дышал огнем и пускал дым из ушей — вспомнить приятно!

«Летучая мышь».

Я улыбнулась, вспоминая, как прыгала от счастья. И мне дали примерку — личную, пусть и на один вечер. Как я звонила няне. Уговаривала, льстила, обещала. Мысли потребовать, чтобы Артур остался с дочерью — мне просто в голову не пришло. Я позвонила ему после того, как договорилась с няней.

Как сейчас помню его:

— Привет, малыш!

И голос вроде бы радостный, и внимания тщательно отмеряно. Но я понимаю — мешаю. И я тараторю, быстро, чтобы не отвлекать:

— Я сегодня пою Розалинду.

И даже то, что он отвечает буднично, без восторга, как будто я ее пою каждый вечер... Подумать только — даже это мною тогдашней воспринималось как само собой разумеющееся.

А он все-таки приехал. Весь в мыле залетел в примерку — вот эту самую. Я потом, когда мне собрались выделить собственную, попросила именно эту.

Ворвался как раз перед вторым актом, не человек, торнадо. Подлетел, подхватил, закружил. Охалка роз, что он притащил, отлетела в сторону, рассыпалась.

— Анечка, любимая, прости дурака. Я не сразу понял, что ты говоришь...

Руки, губы. Жадность объятий. И в мире остались только мы с ним. Забыв обо всем. Я выскочила на сцену, подбадриваемая такими взглядами режиссера, что можно было там же и закапываться. Добровольно.

Но...

Как я пела в тот вечер! Как будто в первый и в последний раз. Зал, продюсеры, начальство — все были мне подвластны. Артур не дождался финала, ему надо было куда-то бежать. Поэтому домой я добиралась на такси. Одна.

И сколько надо было приложить усилий, такта и... драматического мастерства, чтобы так послать возжелавшего близости Владлена и еще некоторых высокого полета птиц, чтобы не вылететь со службы в театре и все-таки остаться прямой...

Те еще игрища.

Задремала все-таки. Гудение телефона на вибрации показалось оглушительным.

— Да, — ответила я, понимая, что уже первый час. И как-то вопроса, кому не спится — не возникло. Возникло желание позвать его в мою примерку. И...

— Где тебя носит? — неприятным злым голосом поинтересовался Артур.

Я даже замерла, не зная, как на это реагировать. Уж точно не звать к себе.

М-да. И куда только делась вся моя мечтательная нега.

— Это теперь твой стиль жизни? — продолжил этот... Как бы так выразиться... — Ты бы о дочери подумала.

Меня аж передернуло. От контраста между мечтой и реальным Артуром. И от злости. Ах ты ж! Отец года, а! Издумался он, святоша!

— Послушай, Артур... — Я поздравила себя с тем, что голос мой звучал ровно и даже слегка дружелюбно. Ну, как рекомендовано разговаривать с пьяными или неадекватными, если уж приходится. — Ты пришел в мой дом, не спрося. Ты... поправляйся, сделай милость. А потом отправляйся к себе.

— Ты меня выставляешь? — злость в его тоне сменилась растерянностью. Но мне уже было все равно.

— Ни в коем случае, — так же приветливо и спокойно ответила я. — Лечись, приходи в себя. А потом давай вернем все по местам.

Пауза. Длинная-длинная. Потом хрипкое:

— А пока я буду лечиться, где будешь ты?

— А вот это, мой дорогой, — я позволила себе горько улыбнуться, все равно он не видит, — тебя совершенно не касается.

Если судьба подбросила тебе лимон, подумай:

Где достать текилу и славно повеселиться.

(с)

(А еще особенно хорошо, если у тебя есть друзья, которые помогут тебе в этом!)

Артур

Ну, конечно же, они проспали!

Он вообще с удовольствием отвык просыпаться в рань практически сразу после школы, благо в консерватории с пониманием относились к тому, что ранний подъем для вокалиста — смерть. Да и по жизни жаворонком он не был. Зомби, совершенно не спящим, если прилетал дедлайн — приходилось, а вот так, чтобы в семь утра? Бррррр. Гадость какая.

— Катя-а!!! Да блин!

И вот сейчас, бегая по квартире, пытаюсь поднять Катю, с которой они утомонились за полночь, он пытался понять: а как это возможно-то? В принципе?

— Да встаю я!

— А со стороны кажется, что ты — спишь!

— У тебя голосовой покой, папа.

— Катя!

А голосок такой у дочери — спокойно-сонно-ленивый. Даже не делает вид, что куда-то торопится. Что делать, а?! Завтрак... гори-ит. Да...

С вечера они разругались, когда дочь показала ему смску от мамы и спросила совершенно ледяным тоном, что он еще успел натворить. Он моргал и в очередной раз пытался понять: да что не так? И остро жалел, что парни пришли его проведать так невовремя. Что-то важное, жизненно важное осталось недосказанным. Как жаль.

— Кстати, ты в курсе, что мама твоих коллег терпеть не может? — спросила у него дочь.

Вчера. Когда они сидели за роялем, после всех его ингаляций. И даже молока с горьким медом, которые он покорно выпил, хотя ненавидел смертельно.

В ответ на слова дочери он смог лишь обалдело запустит пятерню в и так растрепанную прическу. Никогда ему это и в голову не приходило. Да не могло это быть правдой!

— Ты что-то путаешь, дочь, — ответил он тогда. — Мы учились вместе. И были не разлей вода. Вчетвером, правда. Сергей же старше, выпустился намного раньше нас.

Ироничный хмык был ему ответом.

Потом была ночь. Заснуть он не мог, вертелся и вертелся. Додумался — позвонил Ане и... нет, лучше не вспоминать, как по-дурачки он себя повел. Приревновал. Зверски, до срыва шифера. Почему-то, едва услышал ее голос — показалось, что она не одна. С мужчиной. С этим ее Владленом, козлом, бабником и прыщом на ровном месте. Слепому же видно, как худрук на нее смотрит! Наверняка...

Невольно представилось, как Аня запрокидывает голову, ее черные волосы волнами рассыпаются по плечам, как в нее впиваются чужие губы... Мужской стон, ее — в ответ...

Дурак. Знает же, что ревности она не переносит. Как и он сам.

И вот он мечется по дому, собирает ребенка в школу. Первый раз в жизни. Вот уж первый блин комом. И на кухню не зайти. Вот как-то же ему удавалось готовить завтрак себе. Ну, хотя бы хлеб в тостере поджаривать. А тут...

— Пап, ты что сделал-то?

— Яичницу, — просипел он.

— Там же блины были.

— Ну...

Он растерянно дергает себя за челку, все время падающую на глаза. Блины. Были. А он забыл.

Катя смеется. Весело, заливисто. А потом лукаво смотрит на него.

— И кто получает премию «Отец года»? Восемь штук разом, всем квартетом. Хорошо, что мама печет всегда много. А ваш Иван вас с выпечкой останавливает. Потому что осталась бы иначе бедная девочка голодноооой.

— Катя, ты бы поторапливалась, — морщится Артур. Ну, облажался слегка, с кем не бывает. Нечего над ним тут ржать, он же старался. Для нее. — Бедная девочка.

— Ой, пап, да мне уже поздно поторапливаться. Давай... это... — у Кати делаются подозрительно честные глаза.

— Что — это? — пытается он рычать, но шепотом выходит неубедительно.

— Ну... — В честных глазах дочери светится мысль: что бы такое соврать. — Мама же сказала за тобой присмотреть. Тебе вон надо ингаляции делать. И лекарства выдать. И полоскание.

Он качает головой, признавая высокое качество отмазки, и смеется:

— Мама меня убьет.

— Ну, она точно не разозлится сильнее, чем за твой ночной звонок, так что...

— Ты подслушивала? — ему снова становится стыдно, даже уши горят.

Как-то он не подумал, что его неудачный дебют в роли Отелло может оказаться публичным.

— Я? — возмущенно переспрашивает Катя, но тут же усмехается и смотрит на него нахально-нахально, в точности как он сам когда-то. — Да. А ты просто орал.

— Не может быть, — сдается он.

Катя признает его поражение, достает из холодильника блинчики и снова идет в атаку.

— А вот скажи, папа. — Тарелка отправляется в микроволновку, изящная музыкальная ручка упирается в бок. Теперь уже вылитая Аня. Помнится, на втором курсе она им троим на втором курсе такие разборки за свой конспект учинила: дала списать, а они его забыли в аудитории.

— Что, дочь? — спрашивает он, не в силах скрыть мечтательную улыбку.

Боже. Какая она тогда была! А стала! Как он вообще прожил этот чертов год без нее? Загадка природы.

— А вот что наша мама любит больше всего?

— Тебя.

— Это понятно. А вообще. Ну, если б ты ее радовал, кроме как звонками, то... чем?

— Эм-м... — к такой каверзе он как-то готов не был.

— Ага, — кивнула она с интонациями «диагноз ясен».

Ехидночка маленькая. Зелененькая еще. Пустила парфянскую стрелу, и отправилась заводить ему аппарат для ингаляций и всячески спасать. А он, озадаченный ее вопросом, и думать забыл про такие приземленные материи, как школа, а пытался ответить на ее вопрос: что же любит Аня? Кроме своей дочери и своей оперетты. Хотелось бы, как раньше, с полной убежденностью сказать: меня. Но... Вера в постоянство чуда рассыпалась, когда он приехал с гастролей, зашел в пустую квартиру и увидел в коридоре свои чемоданы. И записку: «Прощай. На развод я уже подала. В суд не приходи. Не хочу тебя видеть никогда больше».

Он эту бумажку перечитывал раз сто. Или тысячу. Звонил Ане, чтобы спросить — кто это так глупо над ними пошутил. Совал записку под нос Леве и спрашивал: что это, она же не могла вот так, не могла же?

А сейчас и вовсе кажется, что этот проклятый год ему приснился в кошмарном сне. Вот же он, дома, и Катя рядом, они снова разговаривают, совсем как раньше... Нет, не как раньше. По-новому. Раньше ему все казалось, что Катя слишком маленькая, что они поговорят когда-нибудь потом. После концертов. После ее школы. Его репетиций. Ее конкурсов. Когда появится время на что-то, кроме работы, которая все — и для Кати тоже.

А оказалось... Оказалось, что дочь выросла. Внезапно. Что она музыку пишет. И что за тринадцать ее лет они ни разу не говорили вот так, по душам. О чем-то кроме репертуара, перспектив, состава жюри и прочих внезапно совершенно неважных вещей.

Важное — вот оно. Когда она показывала ему свою музыку. Рояль, далекая от классики мелодия, совершенно не скрипичная, а все же... Он ловил себя на том, что ходит и мурлыкает. И гордится. У Кати определенно талант! Текст, правда, никакущий. Но это неважно, с текстом они что-нибудь сделают.

Ближе к полудню телефон запел Олеся. Катя поморщилась. И тут, конечно, надо было сразу объясняться и познакомить уже давно.

— Как ты там? — поинтересовалась руководительница, умирительница и наставительница на путь песенный.

— Да нормально.

— Рада, что голос уже живой. Но. Вынуждена тебя отвлечь от твоего постельного режима.

Отвлекаться не хотелось. Вот вообще. Но зная их двинутого массовика-затейника...

— У Льва снова загорелось?

Олеся хмыкнула.

— Еще нет, но вот-вот загорится. И что-то мне подсказывает, что Леве потребуется ведро успокоительных и дружеская поддержка. А если бы ты в нужный момент изобразил умирающего лебедя у него на руках — моя благодарность не имела бы границ.

— Что случилось-то? Олеся, ты меня пугаешь.

— Вот и хорошо, — кровожадно заметила супруга Томбасова. И отключилась.

— А я? — подняла на него несчастные глаза дочь.

Артур чуть было по привычке не брякнул: а ты иди занимайся, у тебя конкурс на носу... И осекся. Какие к чертям конкурсы! У него есть возможность побыть с дочерью! Показать ей его мир, его друзей. Не как вчера — влетели, устроили шухер, улетели.

— Собирайся, — кивнул он. — У нас десять минут, успеем еще одну ингаляцию. И шарф. У тебя найдется шарф для папы?

Катя радостно закивала и помчалась искать шарф. А у Артура блямкнула смска.

«Большая Дмитровка, Молодежный театр, армагеддец начнется в 15.00»

Молодежный театр, а не база? Что Олеся забыла в этом клоповнике, там же ни акустики, ни нормального зала? Кажется, у него тоже начинает подгорать. По крайней мере, здоровый азарт пробуждается, как в старые добрые времена при известии о новом проекте.

— Отбой спешке! — громким театральным шепотом велел он Кате, вывалившей из шкафа целую гору шапок, шарфов, варежек и почему-то бадминтонную ракетку. — Ехать близко, у нас целых полчаса.

— Ага, — просияла дочь, выуживая из шерстяной путаницы длинный, колюче-мохеровый розовый шарф с помпончиками на концах. — Надевай. Он лечебный, бабушка вязала! И пошли делать ингаляцию. Вокали-ист ты мой.

От Аниных интонаций в голосе дочери Артур так умилился, что даже не стал спорить на тему розового шарфа. Подумаешь, маленькая месть большой девочки — помнится, когда у нее случилась ангина во втором классе, она до мая ходила в этом шарфе. И он походит. Тем более он в самом деле убойно теплый.

Насчет «близко» Артур был прав, а вот насчет «быстро» — категорически нет. Парковаться на Большой Дмитровке было негде. То есть вообще. У Молодежного театра своей стоянки не было, на стоянку Большого его не пустили, еще и пальцем у виска покрутили — мол, ты сам глянь, тут места на полсотни машин, а у нас полторы тысячи сотрудников, сами на метро ездим. Мелькнула мысль приткнуться к театру Оперетты, благо он в двухстах метрах дальше, но что-то ему помешало. Возможно, опасение увидеть Аню, садящуюся (или выходящую) из машины Владлена.

Так что пришлось платить охране при каком-то там посольстве пять косарей, рисовать автограф на календаре и клятвенно обещать контрамарку на ближайший концерт, чтобы поставить машину у них.

Катя смотрела на всю эту катавасию с невозмутимостью Будды и искорками злорадства в невиннейших глазках. Все-то его страхи она прекрасно видела. Взрослая дочь. И когда только успела.

У служебного входа в Молодежный театр их встретила Олеся, кутающаяся в шубу.

— Привет, Катя, — улыбнулась она. И тут же стала серьезной: — Я могу попросить тебя погулять пока с Машей? Боюсь все, что будет происходить... Хм...

— Армагеддец? — переспросил Артур.

— Я все объясню, — вздохнула Олеся.

Катя уже хотела возмутиться, начать скандалить и высказать папеньке все... Но тут заметила за спиной у Олеси Машку, что талантливо изображала: надо согласиться.

— Хорошо, — скромно потупилась хорошая девочка из хорошей семьи, с мрачным удовлетворением послушала облегченные вздохи взрослых и сделала ножкой.

— Постарайся не скучать, малыш, — поцеловал ее папа, радостно не заметивший иронии.

— Я не думаю, что это будет долго, — обнадежила Олеся. И проворчала: — Экспрессивно, но быстро.

Они с папой удалились.

— Щас! — кровожадно провозгласила Маша. — Они тут затеяли историческое действие международного масштаба, а мы — «погуляй». Ага. Это мама боится, что наши матом пойдут на это все. Можно подумать.

Катя уставилась на нее:

— Что еще за действие?

— Погнали через подсобки, там и узнаем. Быстро только. И не палимся.

Через подсобки — это было весело. Бабуле на входе Маша сделала глазками и заявила, что она — дочь Олеси, и вообще они просто чуть задержались. Вот, горячего кофе покупали. Их пропустили и велели не травиться всякой дрянью, а идти в нормальный буфет, даже показали, куда именно. До буфета они, конечно же, не дошли, а огородами-огородами добрались до репетиционного зала.

И успели к самому шоу.

Дядь Лева уже сверлил Олесю гневным взглядом и холодным шепотом что-то втолковывал. Натуральный змей. Даже покачивается слегка, вот-вот бросится и укусит. Олеся же в ответ втолковывала что-то ему. Так же тихо и сердито. Папа растерянно стоял рядом, опираясь на рампу, и явственно размышлял, пора ему уже изображать умирающего лебедя, или погодить. На всякий случай он кутался в колючий розовый шарф и слегка покашливал.

Дядь Сережа и дядь Ваня пока изображали незаинтересованную публику, но слушали очень внимательно. А в глубине зала, совсем близко к запасному выходу (через который они с Машей и проникли на стратегический объект), обнаружилась еще публика. При виде которой Катя сама едва не зашипела.

Заграничные гости. Тот самый итальяно-американец, который посмел наезжать на папу, и леди. Сегодня — без горностаев, без макияжа и даже, кажется, без туфель. Третьей в их компании была смутно знакомая элегантная блондинка. У всех троих в руках были стаканчики с кофе, и они, не обращая никакого внимания на Олесю и Льва, оживленно беседовали по-английски. Слишком тихо, чтобы Катя могла разобрать смысл.

— Откуда тут эти вот? Если он опять будет... — воинственно начала Катя.

— Чш-ш! — Маша приложила палец к губам и показала на последний, шестой ряд кресел, утопающий в тени. — Не палимся!

Они, пригибаясь, забрались в уголок и прикинулись ветошью.

— Все нормально, это союзники, — едва слышно сказала Маша. — Только наши пока об этом не знают. А вообще они будут ставить мюзикл. Все вместе. Как только мама их убедит, что деваться некуда.

— И чего в этом ужасного, почему дядь Лева шипит... о, вот и его знаменитое *crescendo*!

От шепота — к двум форте. На неподготовленного слушателя производит впечатление авиасирены. Однако Олеся не дрогнула, а заграничные гости даже не повернулись к нему. Профи.

На этот раз до последнего ряда донеслось мнение дядь Левы о предложении Олеси. Вместе с вопросом, как она предполагает ставить мюзикл, если у них нет сценария, нет музыки и нет вообще ничего? Это...

— Просьба Олега, — вмешался дядь Сережа. Спокойно. — Очень большая просьба, Лев.

— Мне... у нас восемнадцать концертов до мая. Восемнадцать! И это не считая записи нового альбома! Олеся, это нереально. Забудь. Прости, мне жаль разочаровывать Томбасова, но это полный бред. Да, Сереж, бред. Мы уходим. Не будем отнимать время у занятых людей, — и дядь Лева кинул злой взгляд на троицу, продолжающую обсуждать что-то свое, повторил громче: — Ира. Мы уходим!

Строгая блондинка наконец обернулась к нему, пожала плечами и спросила:

— Лев, у тебя есть доллар?

— Доллар? — дядь Лева нахмурился, а Олеся едва заметно улыбнулась.

— Да, милый. Я проспорила.

— Ты спорила на доллар? Ира... что за...

— Это традиция, — подала голос английская леди. По-русски. — Бонни опять выиграл.

— Хм... Ира...

— У меня есть доллар, — вклинился Сергей. — Ира, дорогая, ты не представишь нам своих друзей? И не расскажешь ли, о чем был спор?

— О, спасибо, Сереж! Это Роза и Бонни. Мы спорили, что возобладает — здравый смысл или азарт. Я ставила на тебя, Лев.

— Я тоже ставила на русский азарт, — добавила леди.

— Роза, я есть говорить. Этот *cantante* делать деньги, а не делать музыка, — подал голос итальянец по имени Бонни. Этак лениво, слегка разочарованно и барственно. В общем, таким тоном, что даже самому мирному человеку захотелось бы дать ему в глаз.

Катя наблюдала за шоу, едва не зажимая рот рукой. Ведь это же шоу чистой воды! Леву берут на слабо, как...

— Тихо. Не ржи, — прошипела Маша и дернула ее за рукав.

А чего ржать-то? Лева повелся. Как младенец. Вздернул нос, встряхнул волосами — прямо как на сцене! — и патетично спросил:

— По-вашему, Бонни, ставить мюзикл за два месяца, не имея ни сценария, и музыки, вообще ничего — это не идиотизм?

— Да. Это есть слишком трудный игра для вас. Я считать, только *sgeazy* быть делать мюзикл без текст. Вы есть *normal*, вы не делать мюзикл. Вы делать попса, — и продолжил по-английски: — Мадонна, с тебя доллар, не забудь.

Дядь Лева побледнел. Сжал кулаки. Его, великого музыканта, обозвали нормальным! Хуже того, попсой! Еще хуже — на него поставили доллар! Один доллар! Позор! Как тут уйдешь?

Но дядь Лева держался изо всех сил. Восемнадцать концертов и запись альбома — это вам не шутки. Это очень, очень серьезные гонорары. Не то что какой-то дурацкий мюзикл.

Впрочем, глядя на отлично поставленное шоу «взять Леву на слабо» она уже сомневалась в том, что дурацкий. Итальянец Бонни — талантливый провокатор. Хотя все еще не совсем понятно, кто же он такой.

— А вы, Бонни — достаточно крейзи, чтобы ставить вот так? Без музыки? Безо всего?

— Я — да. Я любить драйв. Азарт. Роза хорошо думать о русский. Но я говорить: русский мюзикл нет в природа.

— Ты не прав, Бонни. У нас отличные мюзиклы! — горячо возразила леди.

— Быть давно, — отмахнулся итальянец. — Сейчас — нет. Деньги, деньги, дре-бе-дэ-эньги. Франши-иза. Нет. Вы есть трусить, Лео. Вы не уметь делать мюзикл. Ира, мой доллар, *prego*. Это был идиотский затея.

— Какого... Олеся! Что этот тип вообще здесь делает!

— Смотрит на твое выступление, — с милой улыбкой ответила Олеся.

— Нечего тут смотреть, — буркнул дядь Лева и отвернулся от итальянца. — Мы обсуждаем наши внутренние дела. И я по-прежнему считаю, что ставить «Трех мушкетеров» вот так, на коленке — бредовая затея.

— Но многообещающая. Ты сам помнишь, как в прошлом году прогремел «Дракула». Люди хотят что-то знакомое, родное. А что может быть роднее ДАртаньяна? Хотя конечно, режиссер из тебя... Сама не понимаю, с чего Олегу взбрело в голову просить именно тебя.

Катя снова хихикнула в рукав. Маша тоже.

— Отличный из меня режиссер! Я ставил... неважно. Я поставлю этот ваш мюзикл.

— Роза, есть я получить свой доллар?

— Нет, вы не получить свой доллар, — обернулся к итальянцу дядь Лева. — Мы поставим «Трех мушкетеров». А ваше дурацкое пари можете... забыть.

Катя не вынесла, все же прыснула. О, какой дядь Лева аристократ! Даже в задницу не послал!

— Серьезно? — итальянец поднял бровь, потом хмыкнул и сел обратно. — Ва бене. Начинать.

Дядь Лева, до которого стало доходить, что три его приятеля, Олеся, Ира и английская леди Роза радостно ухмыляются не тому, что он поставил на место нахального итальяшку. Совсем-совсем не тому.

— Так... Олеся. А теперь еще раз. Где мы возьмем сценарий? Ты же не предлагаешь перепеть Дунаевского.

— Почему бы и нет? — спросила из зала Роза. — Насчет авторских прав не парьтесь, все будет. Сценарий тоже будет, мы с Ирой напишем. Кстати, вы уже решили, кто поет гасконца?

— Арчи, — спокойно заявил итальянец. — Лев — Атос, Сергей — Портос, Иван — Арамис. Я хотеть видеть движение. Люси... Роза, любовь моя, мне нужна Люси. Ты сыграть сейчас? Я хотеть видеть Атос в пластика.

Дядь Леву надо было видеть. Он походил на акулу, укусившую подлодку. Правда, одарив итальянца бешеным взглядом, он что-то тихо-тихо спросил у Олеси. По логике — что это за хрен тут раскомандовался.

А когда услышал ответ... О, вот тут-то папа и сыграл свою звездную роль умирающего лебедя. Он побледнел, закашлялся, артистично покачнулся — и оперся на лучшего друга. То есть дядь Леву. Которому пришлось проглотить все, что он собирался сказать, и подхватить папу. Усадить папу в кресло первого ряда. Пощупать ему лоб. Усадить обратно, когда папа «героически» попытался встать, чтобы поддержать лучшего друга.

— Артур, какого ты вообще приехал? Тебе надо лежать! Мы и так работаем сегодняшней концерт без тебя. Немедленно домой!

— Я с вами, — хриплым драматическим шепотом сказал папа. — Один за всех, и все за одного!

На мгновение в зале повисло мертвое молчание. А потом...

Первым засмеялся дядь Лева, за ним — Сергей и Иван, и Олеся, и Роза с Ирой. А итальянец зааплодировал и крикнул:

— Браво! ДАртаньян! Браво, Арчи!

И пошел со своего предпоследнего ряда вперед с таким видом, словно ему сейчас Оскара вручат.

— Маш кто это вообще? Я ничего не понимаю, — едва отсмеявшись, спросила Катя.

— Бонни Джеральд, знаешь такого?

— А, слышала. По радио гоняют, ма слушает. Старье. И вообще, зачем этот мюзикл? У них же концерты!..

На этом месте Катя запнулась, вспомнив, что именно прогуливает сегодня. Но велела себе не дрейфить. Раз решила бросить ЦМШ, то бросила. И все. Ни шагу назад.

— Деревня, — тихо-тихо фыркнула Маша. — Это ж самый крутой режиссер и хореограф мюзикла! Круче всех!

— Да ну? — усомнилась Катя, скептически разглядывая итальянца в полный рост. — Какой-то он... не крутой.

По крайней мере, на маминого Владлена он не походил от слова совсем. Ни тебе стильной прически, ни брендовых пиджаков. Джинсы самые обыкновенные, футболка с Василием Блаженным, кеды. Единственно, куча цацек и фенечек на шее и на руках, и татушки. Все руки в татушках. А в ухе — шестеренка на английской булавке.

Ну... ничего так. Только старый.

— А ты погугли, погугли, — с чувством превосходства предложила Маша. — У него сто премий. Ты на «Дракулу» ходила?

— Ну ходила. Ничего так.

— Он и ставил. А Роза, ну леди эта, писала сценарий. Мама сказала, нормальная тетка. Не то что эти все гламурные швабры.

— Ой не надо про швабр... Слушай. Если они будут мушкетеров, то кто — миледи, и эту, булочницу?

— Не знаю, найдут кого-нибудь, — пожала плечами Маша. — Кастинг устроят.

— Найдут. Швабру очередную. Нет, так не годится. Папа... — Катя сглотнула горький комок в горле. — Если папа снова с какой-нибудь шваброй, мама его никогда не простит!

— Тише, — шикнула на нее Маша, — слушай!

Катя замолчала и прислушалась к разговору взрослых, от которого отвлеклась. И услышала...

— ...возьмем Аню! — тоном «я упрусь, бульдозер не сдвинет» говорил папа. Его драматический шепот отлично доносился до конца зала. — Вы ее слышали, Бонни. Она будет отличной Констанцией. Самой лучшей!

— Да, надо взять Аню, — присоединился к нему дядь Ваня. — Мы прекрасно сработаемся!

— Мы не найдем Констанции лучше, — поддержал его Сергей.

— Нет-нет! — оборвал его итальянец и продолжил по-английски. — Ни в коем случае! Анна не может быть Констанцией. Это совсем не ее роль. Не годится!

Все четверо квартетовцев уставились на него с неприкрытым желанием убить. Катя сама едва не вскочила с места и не заорала на мерзкого, гадкого, отвратительного...

— Только Миледи, — так же экспрессивно продолжил итальянец. — Анна будет Анной. В ней столько страсти! Ах, какой характер! Какой образ! Исключительно Миледи. Леди Винтер. О, она будет звездой!

Ну, не такой уж и отвратительный, подумала Катя. Может, и в самом деле гений. Маму же разглядел! Не то что этот ее Владлен. Имя-то какое дурацкое.

— Круто, — прошептала Маша. — Ты смотри, они даже не подрались. А мама говорила...

Что говорила мама, то есть Олеся, Катя так и не узнала. Потому что у кого-то в кармане запела Розамунда из «Летучей мыши». Маминым голосом. И папа полез в карман, сделав всем знак: тихо!

— Аня?.. — трагическим шепотом отозвался папа.

А у Кати все упало.

— Мне кранты, — прошептала она не менее трагически, чем папа. — Мама меня убьет.

*Мне не место с вами в одной музыке
(С) вопль дирижера*

Я разглядывала представительного пафосного господина за министерским столом, сидя на краешке стула для посетителей. Пожалуй, Томбасов, даром что олигарх, и то попроще будет. Не говоря уже о наших меценатах в театре Оперетты.

Господин был мне неизвестен, но... величием от него несло так, что хотелось почесать нос и чихнуть. Аллергия у меня разыгралась что ли? Ой, как некстати.

Над господином, время от времени поглядывающим на меня, как на крепостную крестьянку, такую Парашу, еще не Жемчугову, склонился молодой мужчина, преисполненный почтения. Я так поняла, классный руководитель Маши. Он в поклоне подсовывал господину бумаги. И изящно тыкал в них наманикюренным пальчиком.

Я была в своей альма-матер. Мне было скучно. Честно говоря, я ожидала увидеть бессменного и бессмертного Аарона Зиновьевича. Тот бы уже высказался, не выбирая выражений — и все отравились бы учиться. Петь хором, играть на скрипочке, учить сольфеджио и готовиться к выступлениям. И всем, чем положено заниматься юным музыкантам, идущим с песней по жизни.

Кстати, в этот список никогда не входили физика и химия, о которой только упомянул классрук. Не было в этом Богом спасаемом учебном заведении ни физики, ни химии с самого момента его основания. Формально — числились, мы даже за них пятерки получали. Регулярно. Но кроме слова «валентность» я из курса химии не помню ровным счетом ничего. Потому что даром не нужно.

И наш Аарон Зиновьевич прекрасно это знал.

А вот этот — похоже, нет. Вообще неясно, что это за пафосный бюрократ в знакомом кабинете. То есть условно знакомом. Дверь та же, вид из окна тот же, а вот старых шкафов с партитурами, которые Аарон Зиновьевич тут хранил — нет. И зуб даю, этот господин не преподает оркестровку, а сводный оркестр школы видит только на отчетных концертах.

Вот зря мне не пришло в голову узнать, что тут творится. Как-то даже смена Катей педагога по специальности прошла мимо. Ой, зря!

А все развод. Целый год я была где-то далеко от реальности — и вот вам. Любуйтесь.

— Положение очень серьезное, госпожа Половцева, — поднял на меня масляные глазки директор всего этого безобразия.

За его спиной, как боец на часах, застыл молодой человек. С выражением лица стойкого оловянного солдата. И вот они делают из молодых и вредных дарований человечков?

Так, надо разыскать Аарона Зиновьевича и узнать, что вообще тут происходит?! Как он мог уйти из школы, которой отдал всю жизнь?

— Мне бы очень хотелось поговорить не только с вами, но и с вашей дочерью. Где она? — продолжил директор с каким-то неприлично обыкновенным именем. Сергей, кажется, Валентинович. Или Валентин Сергеевич. Не суть.

А вот где Катя и ее отец-мечта, и мне бы очень хотелось знать. Созванивалась я с Катей вчера, когда после прогона обнаружила несколько пропущенных от администрации школы. Катя была на месте, то есть дома. С папой. А сегодня, когда я перезвонила и узнала, что доченька в школе не появлялась неделю, на прослушивание к конкурсу молодых исполнителей в Вене тоже не соблаговолила явиться, то...

Я позвонила Артуру.

В принципе, почему Катя не в школе и не на прослушивании — было понятно. Она приняла решение и просто забила. А развести папу, который и не в курсе, и соскучился — тут особого таланта не надо, а этим доченька одарена весьма выше среднего.

Удивило меня другое.

— Моя вина, — сказал Артур, разом прекратив изображать драматический шепот своим волшебным голосом и став серьезным. — Мы заговорились вчера и проспали.

Я так прониклась, что даже лютовать не стала. Просто скинула смску, во сколько им надо быть в кабинете директора.

И?

Вот мне просто любопытно — они и сегодня «спали»?

— Госпожа Половцева? Вы меня слушаете?

— Должно быть, стоят в пробке, — отмерла я. — Приношу извинения.

— Хорошо, — директор всем своим видом показал, что нехорошо и очень, очень плохо. — Мое время расписано по минутам, но мы подождем вашу дочь и супруга.

— Бывшего супруга, — поправила я на рефлексе.

— Значит, у девочки — психологическая травма, — покачал головой директор. Его лоснящееся лицо приобрело выражение глубочайшего осуждения. — Вот отсюда и все проблемы.

Я промолчала, не меняя выражения собственного лица. Вежливо-заинтересованного. До Владлена этому господину далеко, но вот по болезненным струнам души он умеет. Зачет ему.

— Вы совершенно не заботитесь о будущем ребенка. Вы должны больше внимания уделять потребностям юного таланта, — продолжил этот замечательный руководитель. — Постараться смягчить ее психологический дискомфорт от недостаточно удачной карьеры родителей. В подростковом возрасте крайне тяжело переживаются родительские неудачи. Ребенку нужна возможность с высоко поднятой головой рассказать, чего достигли его родители. Гордиться родительскими достижениями. Отношениями в семье. Вы же не смогли даже сохранить семью. Какой пример вы показываете своему ребенку?

— Простите, — вот тут я просто опешила. — А кому какое дело до того, кто мать и отец Кати?

Ну, не говорить же ему, что я не согласна с тем, что у нас с Артуром карьера вот прямо не удалась. Конечно, мужу — бывшему, конечно, — снобы от искусства любили и намекать, и говорить прямым текстом, что он слил свой талант. Причем чаще всего снобы, которым его гонорары и не снились. А уж как Леве высказывала его матушка, обожаемая мной... Но... Странно как-то. В бытность мою ученицей этой школы все было как-то проще. Главное было — что ты сам из себя представлял. И как готов был впахивать. А вот то, что у меня родители — два доктора из маленького южного городка, а у Артура мама — учитель, а папа — инженер, стандартный набор, не имеющий никакого отношения к музыке — так вообще никого не интересовало.

Лишь бы ребенок был талантлив и увлечен своим искусством.

А что теперь?

— Понимаете, — вкрадчиво говорил мне этот... директор, уже подсев ко мне, выйдя из-за своего министерского стола. — Главное ведь то, что окружает ребенка с самого рождения. А в нашем случае — это музыка. Если ребенок с рождения живет в ней, купается как в море, то и судьба его сложится успешно. Ну, не будете же вы спорить с тем фактом, что нам совершенно не нужны в нашем замечательнейшем учебном заведении дети, чьи родители и не представляют себе, что такое настоящее искусство. И не готовы вкладываться в образование ребенка?

«Ох ты ж...» — как-то дальше я могла думать только очень и очень неприлично.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — начала я, чуть отодвигая стул и уговаривая себя не закипать вот так сразу.

Тут, по счастью, раздался жизнерадостный стук в старинную высокую дверь. Даже оборачиваться не надо было, чтобы понять, кто это. Но я не отказала себе в удовольствии посмотреть, как с лица Артура, привычного к этому кабинету, сползает сияющая улыбка.

Как товарищ вечно наскипидаренный и (кстати) вечно легко подбиваемыйлевой на всяческие пакости, он был в этом кабинете частым гостем. Но, конечно, не так, как сейчас, когда в брендовом кожаном портфеле что-то призывно позвякивало и побулькивало.

— День добрый, — растерянно проговорил он, недовольно сверкнув глазами на директора, сидящего рядом со мной, и резко дернув розовый мохеровый шарф.

Катин шарф. Дико колючий и страшно лечебный. Не иначе доченька о папе позаботилась.

— Заходите, пожалуйста, — поднялся директор, сделав еще более неодобрительный фейс. Видимо, не оценил шарфик.

Артур подобрался, пропустил вперед Катю.

— Присаживайтесь, — приказал хозяин кабинета. — Девочка, я думаю, постоит.

У мужа...

Так! Привыкнуть, что бывшего, и почему год у меня это никаких сомнений не вызывало!!!

...у мужа... да тьфу! У Артура взметнулись брови.

— Я не привык, — с замечательным высокомерием проговорил он, — сидеть, когда мои дамы стоят. — Катя...

Дочь, смущенная и настороженно поглядывающая на меня, осторожно уселась рядом.

— Дамы? Вы только посмотрите на это! — возмутился директор. Как-то мне все это начинало живо напоминать суды над ведьмами.

Мы с Артуром перевели взгляды на зеленую поникшую макушку. Надо бы объяснить дочери, что если и творишь фигню — твори ее гордо. С высоко поднятой головой. С гордостью твори. А не вот так вот, сдувшимся шариком.

— Девочке тринадцать, — мягко начал Артур. — И...

Но его перебили:

— Вы должны отдавать себе отчет в том, что в лучшем учебном заведении страны недопустимо... — холеный палец презрительно тыкнул в Катю, — такое вопиющее нарушение!..

Мы с Артуром переглянулись. Посмотрели на дочь.

Потом на вещающего господина, который загонял что-то про высокие стандарты

обучения, которым надо соответствовать, о нашей безответственности и полнейшем пренебрежении родительским долгом, а также о том что все уважающие себя родители вносят материальный вклад в какой-то специальный фонд...

— Срочно, немедленно перекрасить этот ужас. Вы, госпожа Половцева, обязаны следить за внешним видом вашей дочери! Я никак не могу допустить Катерину до конкурса в Вене, это же международный позор! Лучшая школа, гордость нашей передовой образовательной системы, и такое вот!.. Безобразие! Полная безответственность! — директор уже начал повторяться и брызгать слюной.

— Скажите, а Петр Фомич преподает хоровое пение? — вдруг перебил пафосную речь Артур.

— Конечно, нет! — возмущенно воскликнул директор, краснея толстыми щеками. — Его подход устарел полвека назад! Мы должны соответствовать высоким мировым стандартам, а не потакать выжившим из ума мамонтам!

Мы снова посмотрели друг другу в глаза. И хором сказали:

— Катя, поднимайся, мы уходим.

Нам вслед летели брызги слюны и возмущенные вопли о безответственности и прочих ужасах. По счастью, дверь в директорский кабинет была толстой и с хорошей звукоизоляцией. Так что она захлопнулась за нашими спинами — и мы смогли выдохнуть. И тихо, но в едином порыве выдохнуть:

— Сам он мамонт позорный, — это был Артур.

— Петр Фомич ему устарел, — это была я.

— Я сюда больше не пойду, — это была Катя.

— Разумеется. Никогда больше! — а это был финальный дуэт, мама и папа.

...

— Обычно я такой неприлично дорогой коньяк дарю, а не пью сам, — Артур набулькал по глотку янтарной жидкости, а теперь крутил в руках бокал и принюхивался.

Все это, да еще и на моей кухне, было серьезным испытанием моей и так истерзанной нервной системы.

Артур, Артур! И что ты со мной делаешь...

Я взяла свой бокал, глотком, не чувствуя вкуса, осушила.

Артур чуть тронул губами свой.

— Катя, — обернулся он к дочери, которая стояла на пороге кухни и счастливо улыбалась. Как в детстве, совершенно безмятежно, когда была совершенно уверена в том, что любит целый мир, а он ей платит тем же.

— Да, папа.

— Скажи, пожалуйста, почему о проблемах в школе мы с мамой узнаем уже тогда, когда изменить ничего нельзя?

— Ну, слушай, — возразила Катя, — ты же не можешь снять с должности этого... хм...

Под моим недовольным взглядом ребенок все-таки проглотил нелестную характеристику взрослого человека.

— Это, между прочим, он выгнал Лию Исаевну! А новая кикимора постоянно говорит, что я дура и лентяйка, и что с такими руками как у меня только на баяне играть! Сама-то! Бензопила!

— Почему ты не сказала, Катя? — я едва не схватилась за голову.

Я знала, что у Кати новый педагог. Мне Лия Исаевна сама сказала в конце прошлого

года, что уходит. Уезжает к детям в Канаду, ее там пригласили в консерваторию, все так же преподавать скрипку. А заменит ее молодой, но опытный специалист с лучшими рекомендациями...

Видимо, не хотела расстраивать. Или сама ее не видела. Бензопилу эту. Надо же! Назвать Катю — лентяйкой!

Артур только вздохнул и набулькал мне еще коньяку.

— Дочь. При первых признаках того, что что-то идет не так. Надо! Не молчать! Есть же я. Есть мама. Вот почему?

Он вопросительно посмотрел на меня, я согласно кивнула. Все это перенести на трезвую голову было просто невозможно.

— Потому что это мой выбор, — вскинулась Катя. — Потому что я хочу найти себя, а не вечно подражать этому старью.

— Какому старью? — изумился Артур.

«А! Так он не в курсе революционных теорий своей малышки?! О-о-о!»

Я сама взялась за бутылку и набулькала до краев в бокальчик. И замперла, превратившись в зрителя.

— То, что делаете вы — это отстой! — не обманула моих ожиданий Катя.

— Да что ты! — Артур сделал заинтересованное лицо.

А я... Странно, но я даже не бесилась. Я... любовалась. Или это так коньяк подействовал.

— Да! — Дочь взмахнула руками. — Ничего нового. Те же гармонии, те же мелодии сто лет подряд. Тоска же! Как пони, что бегают по кругу и гордятся тем, что они — самые крутые. И у них — высшее музыкальное образование.

— Ага, — кивнул Артур. — А ты так не желаешь?

— Нет! — страстно выкрикнула дочь и дернула головой, словно перебрасывая косу за спину. Увы. Косы не было, а с зеленым хохолком эффект был совсем не тот. Но Катю это не смутило. — Я хочу свободы! В жизни! В творчестве!

— И поэтому сделала все, чтобы тебя выперли из школы, где ты была успешна?

— Школа — отстой! Ты сам видел!

— В данный момент не буду спорить, но что дальше?

— Я буду работать над своим проектом.

— На здоровье. Работай. А образование?

— Нет! — гордо заявила наша Жанна Д'Арк и вздернула носик.

Артур посмотрел на меня, я, вздохнув, на него.

— Значит, тебя вынесло не с зеленых волос.

— Почему? — вздохнула я. — Косу до слез жалко.

Артур повертел в руках бокал, нахмурился. Отставил. И посмотрел на дочь так, что она разом подтянулась и встала по стойке смирно. Вот уж таких талантов я за ней не замечала. Может, благотворное влияние нового директора?

— Ты учишься и получаешь образование. Лучшее из возможных, а это значит — классическое! И параллельно работаешь над своей сольной карьерой. Педагогов мы с матерью тебе подберем. Думать про классику что тебе угодно — это на здоровье. Никто не запрещает. Но остаться неучем и подбирать три блатных аккорда в ля миноре — не твой путь.

Лицо Кати расплылось в блаженной улыбке. Она закивала, явно предвкушая нечто

великое.

— Но, — поднял палец Артур. — Скрипка, наряду со всем остальным — у тебя по-прежнему четыре раза в неделю. И, Катя... ты понимаешь, что лучше не халявить.

— Папа! — возмущенной сиреной взревела дочь, — как ты можешь!

— На этом все, — оборвал ее возмущение Артур.

Я ожидала скандала. Взрыва. Мятежа с элементами пугачевского бунта и показательного бросания скрипки в набежавшую волну. Но... дочь очаровательно улыбнулась. И сказала:

— Хорошо, папа.

— И классический вокал! — добавила я, чисто чтобы проверить реакцию. Не подменили ли нашу бунтарку.

— Люблю тебя, мама, — радостно просияла дочь. Чуть помолчала, любуясь нашими офигелыми от такой покладистости лицами, и добила: — А Маша занимается с Пал Федорычем. Можно я с ней? Вот как раз сегодня у нее урок...

Артур взглядом спросил у меня разрешения и кивнул:

— Хорошо, иди. Я с ним договорюсь.

Мы дождались, пока Катя проверещит свое «Й-йес!» и убежит, едва сунув ноги в угги и прихватив дубленку.

— Катя, шапку... — прошептала я, понимая всю тщетность попытки достучаться до ребенка, летящего на крыльях вдохновения.

Ответом мне была хлопнувшая дверь. И забытая перед зеркалом шапка. Как всегда.

— Это адское терпение надо, Ань. И как ты это выносишь? — жалобно спросил Артур.

Я несколько нервно рассмеялась.

— А у тебя хорошо получилось. Лучше, чем у меня в последнее время.

— И ты что, серьезно думаешь, что дочь кинется заниматься скрипкой, как ей сказано было?

— Нет, конечно. — Я вздохнула. Что-то сегодня вечер вздохов. — Но что с ней делать?

— С Олесей посоветоваться, учитель все-таки. Ты знаешь, ее Томбасов нанял, чтобы из нас человек сделать.

Я кивнула. Судя по тому, что я наблюдала, ей это вполне удалось.

Мы в уютном каком-то молчании выпили коньяк. И я вдруг так легко, так естественно оказалась у Артура на коленях. Прислонилась к надежному плечу, вдохнула сумасшедше родной и вкусный запах. Скользнула носом по его щеке, укололась о розовый мохеровый шарф — и осторожно стянула его.

В молчании.

Настороженном, недоверчивом и полном надежды молчании.

А он легонько коснулся моего затылка — так привычно и правильно зарылся в волосы длинными чуткими пальцами, легко прошелся по коже подушечками. Выдохнул что-то невнятно-нежное мне в висок, так что я ощутила его горячее, пахнущее коньяком дыхание...

Бог мой. Я не должна. Мне нельзя. Я же потом...

Все эти здравые мысли были. Но было и еще что-то. Ощущение волшебства, пойманного за хвост. Случайного. Счастливого. Которое никак нельзя упустить, потому что больше оно может и не повториться.

— Аня, — шепнул он, прижимая мне к себе, щекоча дыханием мою кожу и отзываясь внутри меня пожаром, диким низовым пожаром — когда погасить его невозможно, только

дать прогореть и надеяться, что я выживу. Потом. Когда прогорит.

Или не прогорит?

— Да, — отозвалась я, позволяя ему дотянуться до моих губ своими.

Ощущая, как бешено забилося его сердце. Или мое. Или оба. Спетым дуэтом, тысячей совместных репетиций, на бис...

Одежда разлетелась испуганными птицами. Бокал с коньяком отчего-то покачнулся — и мы поймали его вместе. В две руки. Соприкоснувшись пальцами — и чем-то еще, почти позабытым, нывшим одинокими ночами, а теперь ожившим, тянущим и требующим...

— Анечка, моя девочка, — низким, чуть хрипловатым голосом сказал он, почти пропел. И все во мне отозвалось. На его голос и его руки. Его запах. Его... на него всего. Моего. Волшебного сирена. — Пошли в постель.

О боже. Да. Как я смогла целый год прожить без этого его интимного, певучего, обещающего и невероятно горячего — пошли в постель. Без того, как он подхватывает меня на руки и несет, открывает спиной дверь в спальню — нашу, привычную, уютную спальню, и кладет на постель, без слов мурлыкая: Аня, Аня моя, Анечка, Аняточка, Нюсечка моя сладкая — и я таю, горю и таю в его руках, ищу губами его губы, сплетаюсь своими пальцами с его, дышу им, и мы вместе...

Вместе. Тысячу раз отрепетированным дуэтом. Как впервые. Боже, как же хорошо!..

*Боишься подойти к девушке?
Напейся. И элегантно подползи
И спой
(С) Бонни*

Артур

Это была сказка, которая не давала ему покоя больше года. О которой он мечтал, порой доводя себя до отчаяния. Анна, рядом с ним, обнаженная, счастливая, улыбающаяся довольной кошкой — и черные волосы разметались по подушке. И, шалея от ее запаха, вкуса, можно коснуться. Обнять. Прижать к себе.

Когда он говорил всем, кто только соглашался слушать, — или не мог убежать быстро, — что не понимает, почему Анна выставила его... Не то чтобы он лукавил. Очень-очень в глубине души он понимал — за что.

Конечно, конкретной причины, что подвигла Анну на дурацкий мятеж, на дурацкий развод, он не знал. И его бесило, что объясняться она не стала. Как и вести переговоры. Как будто он враг, которого надо просто уничтожить — и чем быстрее, тем лучше.

Но вот за что... Ему было до жути понятно.

За то, что свое личное чудо он стал воспринимать, как обыденность. Как данностью. За то, что он иногда в интервью — или в общении с фанатками — позволял себе вздохнуть в ответ на сочувственные замечания: ой, а что ж вы так рано дали себя охомутать? Были бы сейчас свободным и счастливым.

И он не обрывал, он позволял. Он получал от этого удовольствие.

Как же быстро он забыл всю поддержку и понимание на начальном этапе, когда Томбасов еще не был Томбасовым, и они, вчерашние выпускники, бились головой в разнообразнейшие двери. Закрытые наглухо.

«Ой, какие замечательные мальчики! Голоса — просто божественные. Нет, что вы, без спонсора никаких сольных проектов! Только на подпевки».

Ага. В третий ряд шестым составом. А в классическом варианте, за который так ратовала мама Левушки, платили... Гм-м... Еще меньше, чем за те самые подпевки. И вот «думайте сами, решайте сами». Парни хоть одинокие были. А у него уже Катя... И всегда всем довольная, улыбающаяся, подбадривающая, не унывающая Аня.

И сырнй супчик... Если бы тогда он был с курицей... М-м-м. Когда оббегаешь весь город, а волка в тот период ноги молодые ой, как кормили, вернешься домой, в съемную квартирку на окраине, а супчик... Горячий. И есть. Никакой ресторан не мог сравниться с тем вкусом.

Аня... Как она смогла, находясь в декрете, живя на три копейки, закрепиться в театре Оперетты? Он никогда не задумывался. Но не то чтобы был доволен. Потому как жадные взгляды, обращенные к ней, он ловил четко.

А потом... понеслось. И слава Богу, что понеслось. Он смог дать своим девочкам именно то, что они заслуживали. Но... Принес деньги — а сам исчез из их жизни.

Он позволил Ане самой разбираться с домом, с дочерью. Втайне надеясь, что его птица певчая придет к нему и скажет:

— Слушай, я устала.

А он ей, эдаким вальяжно-понимающим баринном, ответит:

— Да зачем тебе убиваться с работой. Вот наш дом. Что может быть лучше.

Дождался...

Самое интересное, как он ни страдал, как ни тосковал, но не позвонил ни разу для того, чтобы объясниться. Потребовать объяснений. Он смирился практически мгновенно. И до той волшебной ночи с Клеопатрой, когда царица сфинксов испугала его до того, в чем стыдно самому себе признаться... До того, как Олеся задала прямой вопрос: хочет ли он вернуть семью, а он, не задумываясь, ответил: «Да» — эта замечательная мысль не приходила ему в голову.

Почему, спрашивается?

Ай, да дурак просто.

Он прижал к себе жену, покрепче обнял. И уже погружаясь в сладкий сон, лениво проговорил:

— Ты в мюзикле нашем поешь, я договорился.

«Черт же сладит с бабой гневной!»

В голове у него билась и билась эта дурацкая фраза из какой-то замшелой классики. Билась так, словно собиралась проломить ему башку изнутри.

Аня. Его наваждение. Разгон от гурии до фурии... Сколько? Один вздох? Только непонятно — его или ее. Она мгновенно леденеет — и становится еще прекраснее. Глаза загораются... И все. Финита.

Вот почему она даже поскандалить с ним не желает? Только «Вон!»

Это ужасное: «Вон из моего дома».

Без объяснений, без объявления войны. И ты несешься по знакомым улицам, ничего толком не видя вокруг и просто не понимаешь — а как? Как дальше. Разве может все остаться по-прежнему теперь, после того как он слова ощутил, что значит — быть счастливым. Как это — дышать рядом с ней. Разве можно...

Он влетел в знакомый ресторанчик, и только в тепле сообразил, куда его ноги принесли.

В «Последнюю струну», оплот и надежду голодных студентов.

Сколько с ним всего связано. В «Струне» они с парнями не только первый гонорар получили...

Кстати, зря Олеся на счет «Мурки» иронизировала. Вот приходилось. Практически как девственности лишаться. Здесь им еще и какой-то еды с собой домой выдали. Он вообще себя в тот вечер считал королем мира. И денег на бутылку молдавского красного хватило. Они сидели на крошечной кухне их съемной хрущевки, почему-то на полу. Смеялись как сумасшедшие, но беззвучно, потому что Катя спала отвратительно. И надо было ее не разбудить. И не был людей их счастливее.

А сейчас... За клавишами очередной студент, у микрофона — девочка, курс так второй. Поет из репертуара Долиной. Неплохо, но ничего особенного. Глаз не задерживается.

— Водки, — подошел Артур к стойке.

Бармен посмотрел на него вопросительно. Не узнал. И бармен новый, и Артур тут не был лет пять. А вот кое-кто из студентов узнал, видно — зашептались, на него кивая.

— Водки штоф. И огурца соленого, — уточнил заказ Артур.

Бармен понимающе улыбнулся.

Почему Аня взбеленилась? Почему за все это время он не вытряс из нее ответы? Почему ушел сейчас? Сплошные вопросы. И как-то на дне штофа ответов не видать. А жаль. Ему бы сейчас очень пригодились ответы.

Дверь в «Струну» открылась, когда Артур усаживался за столик в глубине зала. Задуло морозом по ногам, он раскашлялся, схватился за горло и обнаружил, что мохерового шарфа на нем нет. Катиного шарфа. Почему-то от этого стало совсем тоскливо. Так тоскливо, что он даже не обратил внимания на кого-то, подошедшего к его столику.

Начхать. Не дает он сегодня автографов.

— Ваш Москва есть небольшой город, — сказал с ужасным акцентом некто, без приглашения усаживаясь за столик Артура.

В первый момент Артур подумал, что ему померещилось. Бонни как там его. За каким-то чертом притащенный Олесей с выражением лица — так надо. Можно подумать, они сами не в состоянии залудить этих самых мушкетеров, если Томбасову втараканилось. Что шоу, что мюзикл — невелика разница.

А вот кстати, зачем Томбасову вся эта свистопляска? Да еще и в столь короткое время? Да настолько внезапно? Ну, ладно, в спешном порядке натягивать на себя косоворотки и петь под дождем в Вологде. Там олигарх изволил подраться. С бывшим Олеси. Кстати, ту бы морду любой из квартета отходил с превеликим удовольствием.

Но с какого перепугу любовь к мюзиклам обуяла великого и ужасного сейчас?

Между тем итальянец подтянул к себе поближе русскую водку, кивнул бармену — тот мгновенно выставил перед иностранцем рюмку. И не обращая внимания на возмущенный взгляд Артура — мало ему Аниных выходок, так еще и итальянец грабит! — опрокинул в себя рюмку, вполне по-русски занюхал рукавом белого толстого свитера с оленями.

Артур аж подскочил. И перетянул к себе поближе тарелку с настолько тоненько порезанным огурцом, словно это был какой-то иноземный неприличной дорогой и с риском для жизни добываемый овощ.

Артур выпил — надо поторопиться, пока ему совсем не допомогли. И пригорюнился. Теперь уже окончательно. Осталось только пригласить в ресторан кошку Олеси — пусть загрызет.

— Вы не показаться мне унылым, — заметил итальянец, который где-то вполне себе научился русскому. — А сейчас... Нет, Арчи, вы же мушкетер, bravo. Не надо уныло... унывать, sì.

Артур посмотрел на носатую наглую рожу с нескрываемым раздражением. Опрокинул в себя рюмку и, чтобы внести окончательную ясность в дружбу народов, сказал:

— Да пошел ты, — и добавил по-итальянски, непристойно и выразительно. Все, как хотел его иностранный друг.

— Уныло! — покачал головой макаронник и набулькал себе еще водки. — Драйв нет. Огонь нет.

— Если бы не Олеся, так бы и дал тебе в морду, — пробормотал Артур. — Чтоб не лез, куда не зовут.

— Драка? О, веселый драка есть хорошо! — усмехнулся макаронник и набулькал водки Артуру тоже. — Лучше, чем тоска. Тебя есть выгнать *bella donna*?

— Не твое дело, — хмуро отбрехался Артур и пригубил рюмку.

— Неправильно ты, дядь Федор, водку пьешь, — с интонациями кота Матроскина сказал итальянец и бахнул вторую. Бодренько. По-русски.

У Артура случился когнитивный диссонанс. Или дежа вю. Все это было как во сне, дурацком и местами кошмарном сне. Вот бы сейчас Аня разбудила его поцелуем, и оказалось бы, что он ничего не успел ей сказать...

А итальянец закусил кусочком огурца, откинулся на спинку стула и посмотрел на Артура, словно на интересную букашку. Нестерпимо захотелось дать ему в рожу. Наглую и неприлично довольную. А этот мерзавец еще и замурлыкал мелодию из «Мушкетеров» и задумчиво поводит в воздухе рукой, словно что-то обрисовывая.

— Слушай, свали, а? По-человечески тебя прошу.

— Но. Мне есть скучно. Мадонна с подруга писать сценарий, Кей делать бизнес, на улица мороз, на кастинг прийти ужасный артист. Я есть ненавидеть кастинг! Я хотеть видеть твой Анна завтра. Анна прийти?

— Не прийти, — буркнул Артур. — Анна...

Он осекся, поймав себя на том, что почти готов выложить этому чертову итальяшке всю свою грустную историю.

— Анна тебя выгнать с постель? Беллисима!

— С чего?.. — Артур недоуменно заглянул в пустую рюмку, поморщился и потянулся к шпофу.

Итальянец его опередил. Налил всклянь и заговрщицким шепотом пояснил:

— Твой пуловер обратный... изнанка, да. И след тут, — он пальцем показал на Артурову шею. Без шарфа. — Анна... о, Анна! Страсть! Огонь! Миледи Винтер! Она кричать? Или она есть снежный принцесс?

— Снежная королева, — машинально поправил Артур. — Она не кричала. Она сказала «вон».

— И ты уйти? — итальянец посмотрел на него с жалостью.

— А ты бы подрался? С женщиной?

— О нет. Я бы... — он мечтательно улыбнулся. — Когда *bella donna* в начало жарко целуй, а потом говорить «вон», нельзя уйти. Надо просить прощений. Хорошо просить. Она быть ругать, сильно ругать, бить тарелка и морда, а потом простить и любить. Горячо любить.

— Все-то ты знаешь, — вздохнул Артур, явственно представив себе это «бить тарелка и морда, а потом простить и любить».

Почему-то у них с Аней тарелки никогда не бились. И по морде она ему никогда не давала. Может и правда зря. И ушел он зря.

— Я видеть здравый мысль в твой глаза. Пей.

В рюмку, которую Артур так и держал в руке, снова набулькали. И он послушался. А потом закусил невесть откуда взявшимся бутербродом с селедкой на черном хлебе. С лучком. Фирменным блюдом «Последней струны».

— Тебя тоже выгоняли, Бонни? — спросил Артур. Как-то вот хотелось не быть

одиноким в этой беде. — Ты вообще женат?

— О да. Мадонна выгонять меня. Я быть дурак, большой дурак. Во-от такой дурак! — он с довольной лыбой развел руки в стороны и пошевелил пальцами. — Но я любить Мадонна. Я петь для нее. Мадонна любит, когда я петь для нее. Твоя Анна тоже любит.

— Вот просто взял и спел? — завис Артур.

Странно. Почему-то мысль спеть для Ани не приходила ему в голову. Дурацкую. Во-от настолько дурацкую. Как будто, приходя к ней, он переставал быть певцом, а становился... Ду-ра-ком. Капризной эгоистичной сволочью.

— Вы русский есть странный человек. Вы петь, когда пьян. Но не петь для свой bella donna. Твоя Анна есть артист. Она понимать толк в музыка и страсть. А ты говорить — снежный королева, снежный королева. Она есть замерз. Потому что ты есть дурак. Пей еще. И рассказывай.

Сам Бонни тоже последовал своему совету. И под остаток штофа с селедочными бутербродами Артур сам не понял, как выложил ему все. Подчистую. И как еще в школе отбил самую красивую девчонку класса у лучшего друга Левы, и они как-то умудрились из-за этого не поругаться насмерть. И как сначала пробовали петь впятером, с Аней, и у них что-то даже где-то получалось, но Аня залетела — и все, пока не родила, больше петь не могла, что-то там с гормональным фоном. И как пробивались квартетом, уже с новым басом, Сергеем, и помогал им тогда еще молодой, нахрапистый и не так катастрофически богатый Томбасов. Аня же сразу после декрета устроилась в Оперетту, и Артур ее ужасно ревновал. Просто ужасно!..

— Она же такая красивая! Моя Анечка! Самая... эх...

— Дурак ты, — кивал Бонни, наливал ему еще и велел продолжать.

Пока не дошли до самого последнего косяка. Предложения роли в мюзикле.

— И сразу сказать — вон?

— И тусы на голову, — печально покивал Артур.

— Вы хорошо репетировать. Страсть, скандал! *Va bene!*

— И что мне теперь делать? Вот ты говоришь, спой ей... Как? Пойти в ее театр?

— Зачем театр? Балкон! В театр все петь. Под балкон — только ты.

— Так... пятый этаж же! Зима! Бонни, ты чокнутый.

— *Si.* Мадонна говорить так же. За это она меня любить сильно. Она говорить «больной ублюдок» и смеяться, и плакать, и любить меня. Это есть *vera passione. Vera arte.* Настоящий искусство!

— Высокая страсть, — внезапно Артуру стало смешно. — Да. Я спою для нее! Бонни, ты настоящий друг!

— *Va bene! Dai amico!*

— В смысле, сейчас идем? — все еще смеясь, переспросил Артур и поднялся, не дожидаясь ответа. — Идем! Ты со мной?

— Да! Я не бросить друг в трудный день! Мы сделать шоу для Анна. Так. Нам надо... гитара и усилитель, — перешел на английский Бонни. — Я видел парней в переходе. У них есть.

Шоу. О да. Шоу они сделали. Артур словно смотрел со стороны, как они вдвоем, прихватив недопитый второй штоф, целенаправленно шли к переходу под «Тверской». На трех языках объясняли трем юным панкам, что им до зарезу нужны их инструменты вместе с установкой и колонками. К «до зарезу» была прибавлена вся наличность, которая нашлась у

него и у Бонни. Тысячи две или три баксов, кажется.

Панки впечатлились, согласились дать свои бесценные инструменты взаймы, но только в комплекте с самими панками. Бонни обрадованно заявил, что лишних музыкантов в шоу не бывает, и пусть тогда уж они и сыграют. На закономерный вопрос «что играем» Бонни подумал-подумал и выдал:

— «Есть в графском парке старый пруд, там лилии...» — причем даже в родной тональности. — Знаете?

— Обижаешь, мужик! Классика же!

— Что-то не похожи вы на классика. — Артур подозрительно оглядел пирсингованные брови гитариста и его оранжевую челку.

— Чой-та? Третий курс консы! Классическая гитара! — гордо заявил тот.

Артур заржал. Вот же кино! Конса, родненькая! А-а... У-у-у...

— Мужик, ты ж нажратый в зюю. Как ты петть будешь?

— Как-как. Каком кверху, — не менее гордо ответил Артур фирменной фразочкой Пал Федорыча.

В общем, пока шли к дому Артура... то есть теперь — дому Ани, Артур как-то по умолчанию оставил квартиру ей и Кате — нашли полсотни общих знакомых, обругали нового директора ЦМШ. Оказывается, парни его застали в последнем классе. Побратались, короче. Хотя Артура парни не узнали, а он и не стал палить контору.

А вот перед домом...

В пять пар рук бодро установили колонки на детской площадке, прямо под окнами. Расчехлили инструменты, развернули ударную мини-установку. Подключили к переносному аккумулятору. Выдали Артуру и Бонни по микрофону, и...

«Есть в графском парке старый пруд, — разнеслось по засыпающим дворам между Лесной и Тверской-Ямской, — там лилии, там лилии цветут!»

*Наблюдая за моими поступками
здравый смысл нервно топчется на месте,
курит и ругается матом
ВК*

Анна

Если вспомнить «Пятьдесят оттенков серого», то там было стоп-слово. Но там же практически нормальный миллиардер-доминант. А вот у меня было слово... взрыв. Слово-вспышка. Раз — и в глазах сверхновая, а ты... летишь, летишь и тебе дарят звезды... Все и сразу. Большой такой бадабум дарят. И тебе, и всем, кто оказался в радиусе поражения.

И это волшебное слово было — «мюзикл».

Сначала я мечтала. Черт, как же я мечтала. Об уровне «Нотр-Дама». О работе с Харальдом Принсом или Бонни Джеральдом и Томом Хьеденбергом. Но какой смысл ходить на прослушивания, если у тебя маленький ребенок и стабильная работа? Оперетта. Которую, кстати говоря, я нежно-пренежно люблю. Но иногда мне снится. Что-то более блестящее, более свободное, рискованное...

Мюзикл. Ага.

Когда-то Артур уже приходил и говорил о том, что они делают новый проект, им нужна солистка, и я могу попробовать. Так что сегодняшнее его соло о том, что у них есть «мюзикл» — это ж не первый раз в моей жизни. Но тогда речь шла о «прослушать». Это было мило, особенно если вспомнить наше студенчество. Ну да ладно, кто выбился — тот и молодец.

Я тогда воодушевилась. Планировать начала, дура. Как совместить несовместимое: театр с ревнивым Владленом, Катю, быт и мюзикл. Себя и Артура на одной сцене.

Уж не знаю, что там произошло у этих «творцов», может быть, Томбасов банально денег не дал, а может что еще, но получилось забавно. Скорее всего, они ничего такого не планировали — умом я это понимаю.

Я принеслась на прослушивание. Как обычно, Катя в самый ответственный момент свалилась с острым ларингитом, я отвезла ее в больницу, потому что дома оставлять просто побоялась.

Прилетаю на базу. Дверь закрыта. Никого нет. Дежурный охранник глядит на меня, как на дуру. Мол, простите, но их сегодня и не было. У супер-звезд что-то там произошло такое, внутренне-конфликтное. Что? Не в курсе. Где? Тем более не в курсе. Уж извините, меня о вашем приезде не предупредили. Наверное, забыли. Вы ж знаете, у них такой график напряженный, маму родную забудут.

И вот стою я под дождем, как нарочно. Дочь в больнице, муж — непонятно где, решает проблемы родного коллектива. И на звонки всяких утомляющих его жен не реагирует. Ни он, ни Лева, никто, короче. Куда-то их унесло, где абонент не абонент.

Заго прекрасно среагировал Владлен, которому пиар-менеджер «Крещендо» информацию о моем несостоявшемся прослушивании и сдала. Невзначай так, чисто случайно.

Вроде бы — ничего особенного. Вроде бы — просто рабочие моменты. Земля ведь не сошла с орбиты, и все живы — чего же так убиваться?

Ну, подумаете, за спиной еще несколько месяцев хихикали: «Боже мой, это та самая певичка, которую даже муж в своей собственной проект пристроить не смог». Ну, подумаете, любовница мужа, блондинистая Дана, заявила ко мне домой, и сочувственно объясняла, что никто не виноват, просто так вышло. И Артурчик тут вовсе не при чем.

И вишенкой на торте — когда я дозвонилась до «Артурчика» на следующий день, то он... терпеливо. О! Как божественно терпеливо сказал:

— Нюсенька, котенок. Тут у нас... проблемы. Давай не сейчас.

Вот как-то так люди перестают общаться. Просто понимают — без истерик, с холодной головой и решимостью, которой они до этого момента и не обладали вовсе — что ВСЕ. Какое страшное слово «ВСЕ». Какое соблазнительное.

Все.

И ты сама по себе. И больше не разочаровываешься, потому что и не надеешься.

Все.

И тебе надо перенести боль один раз, отрезать и откинуть, чтобы не дергало больше...

Все.

И мне ведь было хорошо в этом «ВСЕ», целый год хорошо и спокойно.

И что теперь?

— Мама! — я понимаю, что меня теребят, тормозят и прижимают к себе.

— Мама! Ты что?

И голос у моего ребенка испуганный-испуганный. А я не то, что успокоить ее не могу. Я вдохнуть толком не могу. Как тогда, когда из моего дома наконец ушла торжествующая девка, что спала с моим мужем и «забыла» предупредить меня об отмене проекта...

— Сейчас, — шепчу я. — Сейчас.

— Я его убью! — слышу я голос Кати.

И качаю головой. Все кружится и кружится. И такие замечательные звездочки в глазах. Ух, красота.

— Нельзя, — все-таки удастся сказать мне. — Папу убивать нельзя.

Поднимаюсь — оказывается, я просидела непонятно сколько на полу в прихожей. Ну, хоть халат накинула.

— Мама! — злится Катя, но сдерживается и говорит тихо — значит, я действительно поганно выгляжу. — Вот как вас с отцом понять?

— Может, нас не надо понимать? Надо просто любить?

— Шутит она...

Я даже не делаю привычного замечания о том, что говорить «она» при присутствующем человеке неприлично. Капаю себе успокоительного. По капле на год жизни.

— Мне показалось, что вы помиритесь.

Теперь слезы на глазах у дочери.

— Катя...

— Дураки вы! — кричит она — Вы — дураки. А как же я?

Мы обнимаемся. Крепко-крепко. И вся моя злость куда-то улетучивается. Нет, не то

чтобы я собиралась мириться с Артуром или пускать его в дом. Хватит. Рискнули, схлопотали по новой — и будет. Но...

Живем дальше. И радуемся. Несмотря ни на что.

Я разогрела еды, послушала рассказ об уроке вокала с нормальным преподавом.

— И Маша эта — ничего, — снисходительно добавила дочь.

Я покивала, налила нам обеим ромашкового чая. И только собралась предложить посмотреть какой-нибудь сериальчик на ночь... как...

— Трряяам! Дзииии! Уы-ы-ы! Трряам! — раздалось во дворе нашего благопристойного, новенького, огороженного заборчиком дома.

Мой бог, что за фонащий звук... «Две гитары за стеной жалобно заныли...»

Чей-то мат в микрофон, на итальянском, голос Артура: «Че за фигня с техникой?» В ту же тональность сработала сигнализация у машины под окном...

Нет-нет-нет-нет! Меня здесь нет!

— Любимая! — через мгновение уже с нормальным звуком услышала я голос Артура. — Эту песню я посвящаю тебе.

Господи, пожалуйста, пусть этот придурок не скажет, кому именно он посвящает перфоманс, а! Есть надежда, что соседи не поймут, к кому пришло счастье вдруг, в тишине. Мне ж тут еще жить. Я очень, по крайней мере, на это надеюсь. Как же квартиру менять не хочется!

И под окном грянуло. В весьма и весьма оригинальной аранжировке.

Нет, конечно, для признания в любви и примирения «Есть в графском парке черный пруд» подходило просто изумительно. Ну, что в тему — то в тему... Страдания пьяного Атоса по уничтоженной любви — то, что доктор прописал.

Пели хорошо, на два голоса. Непонятно только кто был второй — с жутким акцентом, но роскошным и странно знакомым голосом. Загадку эту я решила не разгадывать. И к окнам не приближаться. Еще бы надо свет выключить, чтобы не палится. И прикинуться, что никого нет дома.

Я рычала, Катя хихикала. А вот когда раздалось вступление к следующей песне, я поднялась.

— Ты куда? — подскочила дочь, показывая, что готова идти хоть на край света, но с мамой. Хотя в этой ситуации, видимо, и с папой тоже.

— Топор поищу, — отозвалась я под бесподобное исполнение «Моя любовь живет на пятом этаже...»

— А у нас есть топор?

— Нет. Но вдруг найду. Почему вот в приличном доме — и топора нет... Плохо.

«Спокойного сна...» — разносилось между домами. Акустика у нас тут хорошая, далеко артистов слышать. Даже странно, что их еще не поливают матом и не закидывают яйцами из окон.

Я заскрипела зубами.

— Ты ж говорила, что папу убивать нельзя.

— Это тебе нельзя. По статусу не положено. Он твой отец.

Гогот Кати.

— Что смешного?

— Люк! Я твой отец...

— Я сейчас за топор перейду на темную сторону! А ты оставайся, юный падаван.

Странно, но в какой-то момент я... начинаю прислушиваться к концерту. Я не слышала, очень давно не слышала, чтобы Артур пел вот так. Фигню всякую, «Машину времени» вперемешку с «Битлз» и какой-то еще импортной попсой. Как ему хочется, как ему удобно. Просто в кайф. Пусть и на морозе, черт его дерит...

Катя уже была у окна с телефоном, распахнула створку. И снимала, высунувшись из окна по пояс.

— Жаль, не сначала, — проворчала она в короткой паузе между «Анна, ma belle» (бывшей «Michelle», авторства Маккартни) и «Мемогу» (из «Кошек», моей несбывшейся мечты).

Первые песни концерта она не записала, а вот триумфальное появление полиции с веселыми сине-красными огоньками где-то на шестом номере вольной программы — вполне себе.

— Мама! — испугалась Катя.

— Ничего им не будет, — махнула я рукой.

Но... сколько там дают солдатам, чтоб одеться? Минуту? Вот через нее, родимую, мы уже неслись с пятого этажа вниз, перескакивая ступеньки.

Упаковали певцов быстро. К тому моменту, как мы выбежали из подъезда, машина уже выезжала со двора.

— Инструменты! — вздохнула Катя. — Усилки. И гитары недешевые...

— Сначала спасаем их, — распорядилась я.

И мы стали таскать в квартиру технику с детской площадки. Ощущая себя при этом... странно. Особенно странно было, когда к нам присоединился сосед с первого этажа, бритый наголо владелец злобного пинчера, со словами:

— Менты совсем оборзели. Нормально мужики пели! Душевно! Ваши?

— Ага, — кивнула Катя. — Наши.

— Жаль, Людка моя не слышала. Ей бы понравилось.

Вот так живешь-живешь на одном месте уже лет семь, а где родное отделение полиции, узнаешь чисто случайно. Февральской ледяной ночью. С помощью Гугла и все того же соседа. Ой, зря отказалась от того, чтобы проводил. С соседом и пинчером оно было бы как-то попроще.

А если бы и вовсе не знала, где одно — так и вообще славно.

И вот мы пробираемся с Катей дворами, по навигатору в телефоне. И, кажется, этот притихший дом обходим вокруг уже второй раз, в сыплющемся с неба мелком снежке они все какие-то одинаковые. И спросить не у кого. Ну, да. «Как пройти в библиотеку»? В смысле, в полицию. В час ночи. Сдаться сразу.

— Ма-ам, — канючила Катя, что увязалась со мной, несмотря на все мои попытки оставить ее дома. — А с папой все будет хорошо?

— Да, — злобно отвечаю я.

Потому что понимаю — дома надо было бы остаться и мне. Там, в полиции, где тепло и светло, наверняка уже Самуил Абрамович успешно доказывает, что всем померещилось, его клиент ни при чем, а если и при чем, то концерт был согласован на самом высоком уровне.

И большой вопрос ко всем присутствующим — почему сотрудники помешали проводить культурное действо. С восторгом, как и водится, принятое горожанами и гостями столицы.

И зачем мы с дочерью прем по сугробам?

— Слушай, ну мы попали... — неожиданно и резко, совсем рядом, раздается мужской голос.

Будто мы шли по необитаемому острову — и вдруг... Из снежного тумана выныривает стайка дикарей. В количестве трех штук. Несчастных, курящих. И отчего-то смутно знакомых.

— Простите, — первая соображает Катя, которая их не только слышала, но и видела в окно. — А вы усилки и прочие приблуды на детской площадке не теряли?

Троица смотрит на нас сначала возмущенно. Потом... с надеждой.

— А... гитары? — спрашивает один, весь в пирсинге и с оранжевой челкой.

— Ну, и гитары, — улыбается собратьям-музыкантам мой добрый ребенок. — Ох, и задолбались мы это перетаскивать.

— Спасибо! — парни только что в пляс не пустились.

Потом тот, который оранжевый, спросил осторожно:

— А вы нам отдадите?

— Конечно, — вступила в разговор и я. — Только мне надо узнать...

— А, если вы об этих... Навороченных, — парни кивают на железную тяжелую дверь. — Так их забрали. Им позвонить еще в воронке позволили. Так что тут такая помпа была. Словно президент пожаловал. Два адвоката, один наш, другой — английский. Такие важные, просто кошмар. И друг перед другом просто павлинами. Так что у полицейских просто не было шансов.

— Никаких. Но, с другой стороны, — добавил второй, — не каждый день удастся замести самого Бонни Джеральда в московском дворе за пением серенад.

— Ага, прикинь! Мы пели с Джеральдом! Скажи пацанам — никто не поверит же... Слушай, мелкая, ты же снимала, а?

— Ну снимала, но там видно не очень...

— Кого? — плохо шевелящимися губами проговорила я, перебив дочь.

— Ну, Бонни Джеральда, — пояснил оранжевый, — которого по радио крутят. Он еще «Дракулу» у нас поставил. Говорят, он снова что-то ставит в Москве, все наши завтра как-ак ломанутся на кастинг!

— Нормальный мужик. Так их задурил, что у нас даже деньги не отобрали! — радуется третий.

А я... стою как громом пораженная, и пропускаю мимо ушей их дружеский треп с Катей.

Бонни Джеральд.

Я смотрю в никуда, одними губами повторяя: Джеральд. Внутри пусто-пусто. И холодно. Ледяная пустыня. Просто космос. Который безвоздушное пространство, не предназначенное для жизни.

Как я в этот момент.

Мюзикл у Бонни Джеральда. «Я договорился»...

Наверное, произнеси Артур сначала это имя, я б... Умерла б. Но промолчала. Ради мечты. Самой-самой... Наверное. Перестала бы себя уважать, но... согласилась. Как жаль, что так не произошло.

Потому что...

Как хорошо, что он не сказал сразу, а я узнала только сейчас. Черт с ней, с мечтой. Черт с ним, с мюзиклом. В конце концов, как только я слышу это слово, в моей жизни начинается лютая свистопляска. Значит, не надо. Есть же у меня «Оперетта» и Владлен. А завтра репетиция. Вот и славно.

А слезы — ну, так бывает. Говорят даже, что плакать полезно.

— Пойдемте, ребята, мы вам инструменты отдадим, — говорю я и, развернувшись на каблуках, шагаю в снежный туман.

У вас очень красивые руки.

Положите инструмент и задушите себя ими.

(С) Неизвестный дирижер и цитирующий его Лева в припадке

Артур

Эпический концерт под окнами оказался пусть не панацеей, но неплохим лекарством. А может быть не только концерт, но и последовавшее за ним не менее эпическое спасение из лап полиции, ночной «догон» текилой в номере Метрополя и некое обещание... Артур не был уверен, точно ли ему не приснилось.

Ну не мог же Бонни Джеральд всерьез обещать, что если Артур продолжит депрессовать и нажираться в одиночку, то Бонни ему лично выдаст розог. Потому что когда до человека не доходит через голову, надо объяснять через задницу. Ибо некоторые думают именно ей.

И вот теперь Артур торчал, как дурак, в репетиционном зале Молодежного театра, и не знал — то ли ему оправдываться, то ли дать Лева в морду.

— Не, ну нормально, — зеленые глаза Льва сверкали бешенством, а длинный нервный палец тыкал в улику: отвратительного качества запись с ю-туба, уже набравшую какое-то дикое количество просмотров и комментариев. — Как концерт работать — так он в обморок падает. А как орать под окнами на морозе — так это вперед. Скотина!

— И главное! — Иван поднял указательный палец вверх, потом задумался и ткнул им в Артура, словно проверяя, сдох зверек или еще нет: — Главное! Поет без нас!

— С Бонни Джеральдом! — Лева бы в кино сниматься, в образе безжалостного прокурора, требующего смертной казни. — Пре-да-тель!!!

Отлично вышло. Как раз под кошачье завывание на сцене, долженствующее изображать страдания Эсмеральды по Фебюсу. Вот оно, чувство момента.

— Вы с Аней... Как? — тихо спросил Сергей, приоткрывая один глаз.

— Никак, — вздыхает Артур. Вчерашнее отчаяние ушло, но вот безнадега осталась. Выматывающая, бесконечная, тоскливая. — К сожалению, никак.

Тут даже Лева замолк. Изобразил лицом извинение.

Наверняка понимает, что если поссорится со своей Ирой, ради примирения не то что серенады с Бонни будет орать, а к Бузовой на подпевки пойдет.

И все это понимали. Вон Иван вздохнул задумчиво. Ну хоть он ни с кем не ругается, никто его из дому не выгоняет и вообще. Скотина счастливая.

— Ну ты это. Не отчаивайся. Поговори с ней, что ли, — посоветовал Сергей.

Артур едва сдержал раздражение. Гуру нашелся. Сорок с хвостом мужику, а ни разу не был женат, даже просто постоянной девушки — нет. Но прав, как ни досадно это признавать.

— Поговорю, — решительно кивнул Артур. — Хватит уже молчать. Пусть выскажется, что у нее там накопело. И никаких больше «вон». Ведь хуже все равно не будет, а?

Он обвел соратников вопросительным взглядом. И встретил три ответных — полных сочувствия, но никак не оптимизма.

А вот зря. Что-то этот ночной концерт в нем изменил. До оптимизма, конечно, дело не дошло. Но как-то он поверил, что не все еще потеряно. Что если его выгнали в дверь — остаются еще и окна. В конце концов, дело привычное и понятное, лезть в окно. Как-то, классе в шестом, он на спор сбежал с сольфеджио через окно и к перемене принес всей компании мороженое.

Вкусное было. Аня его тогда поцеловала.

Может, и сейчас сработает? Хватит уже, достаточно он был взрослым и серьезным. Пора переходить к дурацким методам. Он точно не разучился, просто... стыдно признаться, но как-то он стеснялся. Взрослый же мужик. Звезда. Все они — взрослые мужики, звезды и все такое. Но дурить же не разучились! Один Левкин рояль для сына чего стоил. Хотя... Лева ж это все всерьез... М-да. Странные мысли завелись в голове. Не иначе как с похмелья.

— Но в следующий раз, — назидательно сказал Иван, — ты нам звони. А не всяким там.

Его взгляд, брошенный на приглашенную звезду, был более чем выразителен.

— Ваня, да ты рецидивист. В полиции давно не был? — спросил Сергей, и они захохотали.

Все вместе. Как будто только что не обзывали скотиной и предателем.

Девушка на сцене, только что пострадавшая Эсмеральда, одарила их уничтожающим взглядом и просияла в сторону Бонни Джеральда. Мол, ну оцени же мои выдающиеся особенности! И решительно поправила их, рвущиеся из топка в сторону великого искусства.

Достоинства были неплохи. Определенно неплохи. И вся честная компания на мгновение замерла, как бандерлоги перед Каа, но... Грудь была хороша! Прекрасна даже. В отличие от всего остального. О чем ей Бонни и сказал простым русским языком:

— Дерьмо. Свободна, детка. — А потом обернулся к веселящемуся квартету. — Лео, ты слушать этот дерьмо дальше, я пойду пить кофе. Когда здесь прийти кто уметь петь, ты звонить и я прийти слушать.

«Детка» на сцене чуть похватила ртом воздух, запихнула вываливающиеся достоинства обратно в топик и удалилась, гордо виляя задницей.

С утра это была уже десятая, прости господи, актриса мюзикла. Потому что Бонни Джеральд заявил, что смотреть он будет всех, включая студентов. А квартет — будет присутствовать и выражать свое профессиональное мнение.

Вот Сергей и выразил. Свистом вслед «детке». А Лева поморщился, вспомнил утреннюю нахлобучку от Томбасова (великий и ужасные вспомнил замашки Карабаса и высказывался, что дело с мюзиклом практически не двигается. А куда с таким подходом оно должно двигаться?) — и сердито бросил:

— Кто там еще? — и отправился к кулеру, налить себе водички.

Ежу было понятно, что кастинг этот он в гробу видал. Но терпел. Уже целых полчаса терпел. Герой!

— Спорим на доллар, на третьей Лев сломается? — перегнувшись через Ивана, спросил у Артура Сергей.

— Ставлю на пятую, — встрял Иван.

— Не стоит недооценивать нашего Льва. Он выдержит шесть, а потом выгонит всех петь в переходах, — не отстал от коллектива Артур.

— Здрасьте, — раздалось со сцены неуверенное.

— Пой, детка, не стыдись, — махнул Сергей, не глядя.

Лев очередную «актрису» проигнорировал. Как стоял к ней спиной, так и остался. Впрочем, ничего не потерял. Через пять тактов он обернулся, смерил актрисульку взглядом с головы до ног и велел:

— Достаточно. Следующая.

— Но я... — залепетала девчонка, но тут же собралась, сверкнула глазками и выдала: — Вы обещали прослушать, а не отбрехиваться!

— Иди-иди, — махнул на нее Лева. — Не годишься.

— Вы ошибаетесь. Я — гожусь, — заявила та, высоко задрав нос.

Артур не выдержал, хмыкнул. С ее-то воробьиным ростом и воробьиной же красотой выглядело просто потрясающе. Лева, правда, не оценил. Нахмурился и рявкнул:

— Вон! Не задерживайте занятых людей.

— Которые тут чай распивают, — усмехнулась пигалица. — Ну и бронзовейте дальше. Пфе!

И под злобный рык Льва крикнула за сцену:

— Следующая жертва, на алтарь искусства! — а сама показала всему квартету язык и ускакала за кулисы.

На этот раз и Артур, и Сергей с Иваном заржали в голос.

— Зря выгнал, с ней хотя бы весело, — пожал плечами Сергей, отсмеявшись.

На что Лев только хмуро пошевелил бровями, встряхнул гривой и уселся на свое место.

Следующие полчаса превратились в пытку. Столько безголосых, бесслухих, безголовых вокалистов Артуру не встречалось со времен вступительных экзаменов в консу. Даже рояль под руками отличного концертмейстера, выкопанного Олесей в недрах все той же консы, и тот фальшивил. За компанию.

Артур страдал, затыкал уши наушниками, пытался прикладывать к раскалывающимся вискам бутылку с минералкой...

Ничего не помогало. Соискатели пели ужасно. Убивать хотелось все сильнее.

Утешало лишь, что страдал он не один.

Сергей делал вид, что спит, но для спящего слишком нервно постукивал пальцами по подлокотнику кресла. Иван нацепил на лицо милую улыбку «я тут ни при чем» и впал в профессионально отработанный на лекциях сон с открытыми глазами, больше похожий на кому. Лев...

О, Льву приходилось держать лицо. Ведь он тут единственный работал! Поэтому гений с мученическим видом слушал каждого по десятку тактов и посылал гореть в аду фразой «мы вам позвоним».

А через полчаса случилось чудо. Артур толком не видел, кто там вышел на сцену. Он ее услышал. Голос! Полетное, полнозвучное сопрано, идеальное интонирование, изумительно приятный тембр... низы только подкачали, зря она взялась за Гризельду. «Мемори» требует полного диапазона.

— Достаточно! — прервал ее на втором куплете Лев.

Артур от возмущения открыл глаза. Единственный приличный голос, и тот не дали

послушать! У него, может, голова почти перестала болеть.

— Как звать? — спросил Лев.

— Милена Горина, — с уверенной улыбкой сказала... не дивное видение, конечно. Но вполне фактурная девица лет двадцати пяти. Блондинка. Возможно даже натуральная.

— Будем знакомы, я — Лев. Это Сергей, Иван и Артур. Надеюсь, сработаемся.

— Для меня честь работать с вами, господа, — просияла блондинка и спустилась в зал, повинаясь жесту Льва.

— Анна Австрийская ваша, Милена. Репетиции с послезавтрашнего дня...

— Королева Анна? — совершенно некстати раздался ехидный голос Бонни. — Вы уверены, Лео?

Итальянец нарисовался в открытых дверях, отпил глоток из бумажного стаканчика и шагнул в зал. За его спиной торчала та самая наглая пигалица, которую Лев выгнал самой первой. И не только пигалица. Еще трое — два парня и одна девчонка, сплошной молодняк.

— Разумеется, я уверен, — начал закипать Лев. — Или вы сомневаетесь в моем слухе?

— О нет! Ваш слух есть идеал. — Бонни отвесил Льву издевательский поклон. — Идти на сцену, Лео. Вы есть кардинал, Милена есть королева. Петь дуэт.

Лев поднялся, всем своим видом показывая, какой ерундой он тут занимается исключительно из дружеских чувств к Томбасову. Блондинка же на сцену почти запрыгнула, сияя, слово новогодняя гирлянда. И умудрилась по дороге прошептать:

— Я так рада работать с вами, мистер Джеральд! Я восхищаюсь вашими постановками!

Артур невольно поморщился. Слишком она какая-то радостная и глянцевая, словно отфотошопленная. Хотя рядом с Левою смотрится ничего так. Лев тоже сияет — он же на сцене.

Дуэт они спели. Прозвучало... да отлично прозвучало! Хоть сейчас записывай. Правда, почему-то восторга не вызвало. И вообще. На больную голову с восторгом тяжело.

— И что вы сказать, господа? — заинтересованно спросил Бонни, сидящий на рампе со своим кофе.

— Хорошо звучит, — первым отозвался Сергей.

— Прекрасно звучит! — поддержал его Иван.

Артур был более сдержан в своей оценке. Сам даже не понял, почему. Ведь звучит же! Но... какое-то но. И не только в выражении лица Бонни.

— Хороший голос. Единственный из всего, что мы сегодня слышали.

— Вот поэтому в России, — внезапно перешел Бонни на английский, — нет мюзикла. У вас голос отдельно, танец отдельно, все отдельно. А мюзикла — нет. Как можно не видеть, вы же работаете на сцене не первый год! Лео, посмотрите на ее руки. На ее руки, а не мои!

Артур тоже перевел взгляд на руки Милены. Ну... руки как руки. Маникюр яркий и мудреный, как сейчас модно. Браслетик дорогой.

— И что я должен увидеть, мистер Джеральд? — ледяным тоном осведомился Лева.

Ой-ой. Сейчас начнется. Когда Лев вот так дергает шей, улыбается и чуть прищуривается — дело верное, что дело гиблое.

— Вот именно, что ничего, Лео. Здесь — ничего. Это не королева! Вот вы могли бы спеть Ришелье, в вас есть властность и сталь. А она — не королева.

Блондинка, слушая их пререкания, сделала надменное лицо, развернула плечи и попробовала гневно сверкнуть очами... и тут до Артура тоже дошло, почему — не то.

У Милены вышла не королева, а стерва. Гламурная, холеная, наглая стерва из

купечества. И Лев это тоже увидел. Но... поздно. Вторая космическая скорость уже была набрана. И Лева выдал.

О, как он выдал! Что они тут занимаются непонятно чем вместо музыки, что подбор артистов — это вообще обязанность специально обученных людей, а не звезд эстрады, и русская театральная традиция требует совершенно другого подхода...

Вот, вот кому королевских особ играть! И не какого-то там вялого Гамлета, принца Датского, а Ричарда Третьего или короля Артура! Все же Лева — порода, мать его!

Артур в конце зааплодировал. Сергей с Иваном, разумеется, тоже. Русские своих не бросают! Русские своими гордятся!

Вообще-то здесь Бонни должен был осознать, проникнуться и... ага. Щас. Он тоже захлопал в ладоши с искренним восторгом. Таким искренним, что Лев чуть не подавился.

— Bravo! Брависсимо! Настоящий Атос! Лео, запомните это! Вот этот шаг и разворот головы — гениально!

Лев... зарделся! О боже, как бы это заснять-то, чтобы сразу не убил! Левка, краснеющий от похвалы «какого-то итальяшки»! О, сенсация века, они ж ему это лет двадцать припоминать будут! Как минимум!

Так... сматрфон, быстренько запись... готово! Спрятать, спрятать улики... и как ни в чем ни бывало смотреть шоу дальше.

— Милена, ну-ка повторите! — тем временем продолжал Бонни, временно нейтрализовавший Льва предательским ударом по ЧСВ. — Если вы королева, вы сможете. Вперед.

*— Не стану я ни есть, ни пить, ни спать
И тело смертное мое разрушу.
О чем бы там ни хлопотал твой Цезарь,
Но связанной пред ним я не предстану,
И постная Октавия не будет
Глядеть, надменно щурясь, на меня.
Не выставить меня вам на потеху
Беснующейся римской голытьбе!* — выдала Милена.

Ой, «Клеопатра» Даже Артур понял, хотя не сильно разобрался в батюшке нашем Шекспире. Но достаточно в театре, чтобы точно сказать — не то. Переборчик драмы с пафосом, слишком красивые позы, в общем, это не царица Египетская. И даже не кошка Олеси, а представление амбициозной девочки из Саратова о голливудской звезде, играющей царицу. О, как загнул-то. А все Лев, зараза, заразил.

— Милена, мне нравится ваш энтузиазм. Вы умеете работать, это дорогого стоит, — похвалил ее Бонни. — Скажите мне честно, какую роль вы сами хотите исполнить в «Мушкетерах»?

— Любую! — с горящими глазами выпалила блондинка. — Мне интересно все!

— Но особенно... ну же!

— Миледи! Леди Винтер — это самая интересная роль, в ней глубокий конфликт!

Артур поморщился. Даже не тому, что какая-то левая блондинка покушается на роль Ани, а глянцу и показному американскому энтузиазму.

— Вам нужно лучше понимать себя, Милена, — покачал головой Бонни. — Ваша роль совсем другая. Идите пока сюда, и давайте-ка глянем на Анну Австрийскую еще разок. Зоя, на сцену.

И тут у Левы, а за компанию и у всего квартета, случился шок. Вот эта пигалица, ни рожи ни кожи, а главное, с никакущим голосочком — и Анна Австрийская? Да не смешите мои тапочки, как говорит Самуил Абрамович.

Однако Лев, как истинный джентльмен, кивнул резво заскочившей на сцену пигалице и протянул ноты. С таким видом, словно был уверен: ноты она читать не умеет. И вообще провалится от стыда на третьем же такте.

Однако...

Артур даже уши потер. Он не ослышался, нет? У нее есть голос? Пигалица же свиристела, как... да нецензурно она свиристела, когда пыталась изобразить субретку Кэти! А тут — откуда только что взялось. И осанка, и плавность движений, и этот взгляд... О, как надменно она доказывала кардиналу, что тот — верблюд! Изумительно просто! Даже лучше, чем Фрейндлих в классической кинопостановке.

Бонни наблюдал за Зоей и Львом с видом мудрой черепахи Тортиллы, которая опять оказалась права. Ну... прав он, прав. В конце концов, хоть Лев и гений — но гений музыки, а не режиссуры. Может быть, потому из их затеи год назад ни черта и не вышло, что мюзикл это совсем не то же самое, что их обычное шоу. Вот даже близко.

Главное, не сказать это Льву. Обидится же насмерть. Эх. Гений.

Льва же тем временем — внезапно! — отодвинул от рояля сам Бонни. Перехватил партию Ришелье, сам включился в диалог с королевой...

Его русский акцент был ужасен. Зато Ришелье — великолепен. Даже... черт. Вот этого точно нельзя говорить Льву, а то рассорятся навек. Ришелье в исполнении Бонни был лучше. Как ни странно, тут в плюс сыграл его совершенно не классический вокал. Да что там. Петр Фомич повесился бы от такого вокала. Но.

Звучало! И пигалица рядом с Бонни раскрылась еще лучше. Как-то он умудрился ее так оттенить, вовлечь в движение, зажечь...

А потом была немая сцена. Почему немая? А потому что попробуйте вылавировать между лучшим другом, с которым вам еще сто лет работать вместе, и чертовой бродвейской звездицей, который тоже почти уже друг, но... если восторгаться искренне, как оно того заслуживает — Лев же психанет! Да кто бы не психанул-то? Его законное место Главной Шишки посмел занять какой-то...

Ага. Какой-то Бонни Джеральд. Мировая звездица, мать его.

У-у! Бедная, бедная похмельная голова, решать такие дилеммы!

В общем, секунду молчания нарушила блондинка. А что, она блондинка, ей можно.

— Bravo! — закричала она, — bravo! Это великолепно! Бонни, вы правда гений! Правда же, мальчишки?! Зоя — изумительная Анна!

Облегченный выдох всех троих снес бы занавес, если бы он был в репетиционном зале. И все трое радостно присоединились к поздравлениям Зои с ролью. Нет, все четверо. Лев тоже сменил курс на царственную снисходительность.

— Действительно, мне стоило увидеть это со стороны. Зоя, прошу прощения, что не сумел разглядеть вас сразу.

— Я вас прощаю, — сверкнула глазищами пигалица, но тут же выпала из королевской роли и запрыгала по сцене, как воробей. — Да! Да! Я буду петь Анну! Я буду петь с самими лучшими на свете парнями! Счастье есть! — и бросилась обниматься к Бонни.

И вот тут Артур окончательно понял, почему ее взяли на роль. Обниматься-то обниматься, но это был натуральный балет. Прыжок, поддержка, какой-то немыслимый кульбит в воздухе, несколько замороженных па, потом Бонни упал на одно колено, а Зоя на его колене сделала стойку на руках и подрыгала в воздухе ногами. И — Бонни ловит ее на руки, как-то хитро вертит колесом, ставит на пол... Поклон, все в восторге, бурные аплодисменты.

И даже завидовать как-то стыдно. А стоило бы. И подтянуть физическую форму стоило бы. Какого черта Бонни Джеральд и поет, и танцует как бог, а они только поют?..

Привычно глянув на друзей, Артур прочитал эту же мысль во всех трех парах глаз. И про себя вздохнул: мало у них было работы. Теперь еще и вспоминать, что ногами можно не только стоять, но и дрыгать.

Черт послал им этого Бонни Джеральда!

И, видимо чтобы Артур уж совсем по достоинству оценил действия черта, Бонни подмигнул ему и позвал на сцену.

— Господин юный гасконец, ваш дуэт. Хочу видеть эту страсть.

— Давай, Артурчик. Вперед! — подбодрил его Иван. — Нечего отсиживаться, пока друзья работают.

И, мерзавец этакий, вальяжно закинул ногу на ногу. А еще друзья называются!

Страсть он изобразил. Все как положено, с преклонением колен и пылким лобзанием ручек. Получилось вполне себе, и Констанция действительно была Констанцией, амбициозной галантерейщицей. Вот только сам дуэт...

— Музыка дерьмо, — вынес вердикт Бонни. — Переписать к япона мать. Ну, что стоим, кого ждем? Нам нужна Кэти, нам нужен Луи Тринадцатый, ансамбля всего три человека. Работаем, работаем!

— Вы думаете, Бонни, найти там, — блондинистая Милена махнула рукой на дверь, за которой толпились претенденты, — Миледи?

— Миледи? А, нет. Миледи я уже нашел. На эту роль подходит только истинная звезда! Так. Работаем, работаем! Кто там следующий, на сцену!

Блондиночка выдавила еще одну восторженную улыбку, хотя видно было — ревнует. И правильно ревнует. Ей придется очень сильно постараться, чтобы работать на одной сцене с Анечкой. Потому что с его Анечкой вообще никто не сравнится!

И он, Артур, хоть на изнанку вывернется, но уговорит ее петь Миледи. Пусть он раньше был слепым придурком и не понимал толком, какое сокровище его Анечка, теперь-то он изменился! И она непременно это поймет, оценит, простит, и все у них будет хорошо.

*Я б сказал культурно:
Это полный мрак,
Я обескуражен.
Но скажу не так.
(Аня в глубине души))
(С) лука, депрессяшки*

Анна

Театр кипел. Да что там наша классическая оперетта, вся хоть как-то поющая Москва кипела.

Кипела, бурлила, исходилась, скажем мягко, на яд. Шипела, ослепительно улыбалась, распевалась. И толпами шла... Ну, если кратко охарактеризовать их общение с Бонни Джеральдом, то к «япона мать».

— Это кошмар, просто кошмар!!! Козлина!

Музыкантов трясло, бомбило, потряхивало. Они извергали целые килотонны ругани. Но ши. Стройными рядами.

«Мама! Ты почему еще не была на прослушивании?!»

Я получила от дочери эту смску, щедро сдобренную красными и фиолетовыми злящимися чертиками. Улыбнулась им. И никуда не пошла.

Не хо-чу.

В конце концов, бросила же дочь самую престижную музыкальную школу страны. И не поехала на конкурс — мне вчера звонила ее преподаватель из Канады, переживала.

И ничего. Мир не рухнул. Даже не заметил. Вот и я. Даже не замечу. Хотя сложно, очень сложно. Наше молодое дарование явилось вчера как цунами. Как фейерверк. С ликующим: «Меня взяли!»

А мне стоило лишь бросить взгляд на ее локоны, что в одну ночь стали белокурыми, стало ясно — кем. Так. Меня это не касается. И того яда, что льется с ее языка за моей спиной, я не слышу. Принципиально.

— Бедная Анна, — сочувственно вздыхает новая звезда мюзикла. — Бедняжка! Так переживает, что даже не пошла прослушиваться.

— Почему? — спрашивают наши девочки из ансамбля; они уже ходили, их уже не взяли.

— Ну... Ее и в прошлый раз муж не стал пристраивать. А уж теперь, когда они развелись, тем более не станет. Но вообще Артур такой милый! И с ним так удобно в дуэте работать. А взгляд. Ох, уж этот взгляд из-под ресниц... Если бы не Бонни... О Бонни такой... — говорит наша звездица многозначительно, и все сразу понимают: заграничный режиссер пал жертвой страсти.

Я будто возвращаюсь в прошлое. Снова делаю вид, что ничего не слышу, меня это не касается. И все говорят о другой Анне. Сработало год назад — сработает и сейчас. Ну, и

разные приятности Милене от меня — теперь уже точно. Вот этого никто не отменял.

«Квак», — приходит новая смска.

«МАМА!!!» И теперь череп и кости.

Что мама?

У мамы премьера на носу, прогоняем детский спектакль. Это нонсенс для нас. Такого не было. Но... спонсоры настояли, правительство столицы сделало заказ. И — вуаля. Мы ставим «Кошку, которая гуляла сама по себе». И билеты продаются, как горячие пирожки. Так что мы теперь еще и что-нибудь типа «Рикки-Тикки-тави» ставить будем, раз настолько зашло. Эстетствующие мальчики и девочки морщатся. Владлен психует: в его храме высокого искусства — дети! Дневной спектакль! Он, гений, вынужден прогибаться под дурной вкус плебеев (имеется в виду главный спонсор, но прямо Владлен этого никогда не скажет).

А мне нравится. И роль кошки, и далекая от классики постановка. И глоток свободы. И... вообще все. Ну, кроме того, что сегодняшней прогон — уже в костюмах, премьера на носу — все время прерывается известиями с другой стороны баррикад, куда время от времени сбегают все. Попытать удачи.

— Слушай, — ко мне подходит наш бас, высокий, мощный и по жизни удивительно пофигистичный, — вот почему Владлен Милену не закопает, а?

С удивлением смотрю на самого неконфликтного члена коллектива.

— Что, даже тебя достало? — смеюсь я.

Он кивает, набычившись. С учетом того, что мы в костюмах, а у него на голове еще и рога, получается классно. Аутентичненько.

— Так она же новая любовь до гроба нашего наиглавнейшего спонсора. — Костюмерша Лидочка, как обычно, в курсе всего. — Вот Владлен и улыбается. Старательно. Велено, наверное, не обижать девочку Миленочку.

М-да. Явление девочки было вчера. Как цунами. Как ядерный взрыв. Милена ворвалась в зал, не дождавшись толком, пока отзвучат последние ноты. И вот теперь мы все обречены по которому кругу выслушивать, какой это был триумф. Что Бонни Джеральд заценил сразу. Что весь квартет лобызал ей ручки и уговаривал с ними работать.

Пфе.

Так и вижу эту картинку. Особенно в исполнении Левы, который не командует, а значит, бесится, что все не по его. Это только покойную жену Томбасова он как-то слушал. По молодости, должно быть. А сейчас...

Про Бонни Джеральда ничего сказать не могу, кроме того, что в дуэте он работает неплохо, хотя странная постановка голоса. Но вот остальные... Сергей наверняка спал, Иван — мысленно раскладывал многоголосье — ему хоть камни с неба. Артур... не знаю. Вот он, скорее всего ручки и лобызал. По крайней мере, с фанатками именно он этим и занимается.

Стоп. Аня. Какое тебе дело? Ты сама его прогнала. С трусами на голове. Хорошо хоть не с топором, который ты по здравом размышлении так и не купила.

Что теперь?

Настроение и так поганое, опускается на несколько градусов ниже.

— Слушайте. — К нам подходит дирижер со стаканчиком кофе. — Как-то хочется спалить конкурентов. Бо достало все! Мы будем работать — или сразу закроемся из-за того, что какие-то козлы по соседству мюзикл ставят? Владлен?!

Маэстро в гневе. Маэстро в истерике. Вот мы и ждем, пока не уляжется величайший

гнев. Просто отрепетировать никак нельзя. Просто послушать — тоже.

— И ты, Анна? — обращается ко мне Владлен.

Сразу хочется поморщиться, Гай Юлий Цезарь из него никакой.

— Я туда не ходила и не собираюсь. У меня премьера на носу, — отмахиваюсь я.

Нет, все это замечательно, но сбивает. И доводит практически до припадка. Лучше бы отменили репетицию, чем вот так бездарно ее сливать.

— А кого твой муж поет? — не унимается Владлен.

— Я не замужем, — упрямо поджимаю губы.

— Так кого? — словно и не слышит Владлен.

— Спроси у Милены, — рычу я, забыв вдруг про нежную натуру и паскудный характер гения. И про то, что мне обязательно все это аукнется.

Владлен смотрит на меня так, что все замирают. Я распрямляюсь, хотя и до этого стояла прямо. Понимаю, что заравнивать он будет меня. Я же не любовь спонсора и не звезда Бонни Джеральда. Ну и к черту его! К черту всех!

Но тут из зала раздается шум, гул, словно на нас зашло цунами. И... резко все стихает.

— Владлен!!! — к нам за кулисы залетает Милена. Глаза горят совершенно сумасшедшим огнем. — Там... Та-а-ам... О-о-о. Там ко мне, — это она говорит чувственным шепотом.

Все спешно высыпают на сцену, одна я иду нога за ногу. Потому как приблизительно понимаю, кого мы сейчас будет лицезреть.

И не ошибаюсь. Впереди шествует квартет в полном составе: пафосные костюмы, белоснежные рубашки, сияющие улыбки. Хороши как на подбор, отсюда видно, как сверкают бриллиантовые запонки.

Следом идет по проходу между кресел Бонни Джеральд в чем-то драном и обвешанный умопомрачительными фенечками. Он пялится вокруг с любопытством неандертальца. Театра что ли никогда не видел? Рядом лохматая девчонка, глубоко беременная, обвешанная такими же фенечками и такая же по-неандертальски любопытная. В джинсовом комбезе с драной коленкой и в кедах. Ее обнимает за плечи здоровущий, как шкаф, байкер в потертой кожаной жилетке и с банданой на башке.

— Лорд и леди Говард, — в совершеннейшем экстазе шепчет Владлен. Но перед тем как унести к гостям, кидает на меня многообещающий взгляд. Аутодаффе обещающий.

Лидочка смотрит на меня с укоризною. Я пожимаю плечами. Вот надоело все. Кто у нас там спонсор? Отобью у Милены, пересплю. И заживу спокойно. Наконец, спокойно. Чтобы все для карьеры. Глядишь — и мюзикл подвернется, а не так. Все через по-дурному.

— Работаем? — вздыхает дирижер, которого все достало.

Ждем отмашки от великого и ужасного, который уже облизывает гостей. Точнее, байкера и девчонку. Вот это — лорд и леди Говард? Те самые, о которых вся столичная богема говорит исключительно с придыханием и мечтает заманить на выставку-концерт-постановку-куда-угодно-лишь-бы-бабла-дали? Как-то я иначе их представляла. Их же охрана — три... нет, пять человек в черном — выглядит куда дороже и солиднее.

Милена что-то щебечет неподалеку, счастливая и возбужденная. В ее щебете слышится восхищенное и гордое «Бонни». Похоже, не только вчерашний день, но и ночь прошли для нашей звездулочки весьма плодотворно.

Правильная звездулечка. Спонсор спонсором, а закрепить успех в постели режиссера — надо. Во всех руководствах для будущих звезд это первым пунктом.

А вы, Анна, не морщитесь, а учитесь. Иначе так и останетесь в своем репертуарном театре кошечек играть. До пенсии.

В сторону квартета, рассаживающегося на первом ряду, я стараюсь не смотреть. Вижу только, что они странно сосредоточены, словно им на сцену выходить, и внимательно оглядывают труппу. Хочется думать, что Артур выискивает меня — но не видит. Я предусмотрительно держусь позади всех.

Минут через пять Владлен дает отмашку, перед этим долго и велеречиво извиняясь перед гостями, что ничего приличного показать не может. Детский спектакль, ничего серьезного, но кто-то же должен развлекать детей.

В какой-то момент мне кажется, что Артур собирается встать и въехать ему в морду. Но бывшему на плечо ложится тяжелая рука Сергея. И он усаживается. Ему тихо, с ядовитым оскалом что-то говорит Лева. И Артур успокаивается. Прикрывает глаза.

— М-да. Так нас не опускали, — вздыхает наш бас-бык. — Никогда. К тому же еще до того, как мы хоть звук издали.

— Плевать, — твердо говорю я. — Мы профессионалы или где? Работаем, а эти снобы могут проваливать в свою Англию, или откуда они там. Погнали!

И мы погнали. Детский, мать его, спектакль, как будто на нас смотрит все жюри премии «Тони». Потому что нефиг!

Отработали мы на все сто. Нет, двести. Триста! Давненько на меня не нападал такой кураж, как сегодня. Я даже перестала злиться на свой дурацкий костюм — облегающее трико из блестящего бифлекса, под которое даже белья нормального не наденешь, с пушистым хвостом. И ушки. Бархатные. Хоть сейчас в «Плейбой».

Пару раз (ладно, не пару, а гораздо больше) я ловила на себе весьма горячие и заинтересованные взгляды публики. Прежде всего — Бонни Джеральда. Со сцены во время спектакля не особо-то видно, что творится в зале, но только когда спектакль уже со светом. Сегодня же мы обошлись без светового ада, и первый ряд просматривался отлично. Так что я видела, как заграничная звезда что-то оживленно комментирует лорду и леди, те ржут и тоже показывают поднятые большие пальцы. А уж не услышать его «Браво, беллссима!» — мог бы только глухой.

Правда, девочка-Миленочка приняла это на свой счет... А пусть. Я-то знаю, что сегодня я великолепна. И что чертов гений Владлен был прав, на этот спектакль папаши будут водить своих деток по пять раз. Чисто ради эстетического наслаждения.

А еще я видела — да, видела! — как смотрит на меня Артур. Не смотрела специально, но и совсем глаза-то не закрывала. А разок даже сыграла специально для него. Этаким кошачий прогиб на авансцене. Позорище, конечно. Плейбой-шоу. Но! Как режиссерский гений видит, так и делаем.

И восхищенный присвист со стороны Бродвейской звездищи мне точно не почудился. Как и бурные аплодисменты после финала. Особенно радовалась девчонка в джинсовом комбезе, чуть ли не прыгала. Вообще-то встали все, даже лорд в бандане, а уж какой гордостью светился Владлен...

Но соревнование по прыжкам и свечению выиграла девочка Миленочка, наш белокурый ангел. Едва раскланявшись, она пробежала по мостику, перекинутому через оркестровую яму, спрыгнула в зал и этаким рекламной красоткой побежала к Бонни Джеральду. С явным намерением устроить великолепную романтическую сцену.

Ой-ой...

Даже ой-ой-ой, сказала бы я.

Не умеет девочка Миленочка работать с публикой. Совсем не умеет. Иначе бы она смотрела не только на мистера Джеральда, встречающего ее порыв радостной улыбкой, но и на лорда Говарда и леди Говард.

Знаю, что злорадствовать нехорошо. Но удержаться — выше моих сил. Да что там. На это представление со жгучим интересом смотрела вся труппа. Не на то, как Бонни Джеральд подхватил Миленочку в объятия и отработанно покружил. А на взгляды, которыми одарили ее лорд и леди. Этакое сочувственно-ледяное недоумение. Словно на сцену вместо Монсератт Кабалье вышла второклассница из районной самодеятельности.

Честно говоря, мне было все равно, почему они так отреагировали. По слухам, для мистера Джеральда трахать своих звезд — дело совершенно естественное и нормальное. Да не только для него, будем откровенны. Может быть, решили, что недостойна. Или еще почему. Плевать.

Главное — когда Миленочку поставили на пол (так же отработанно, как до того подбрасывали и кружили), она столкнулась с айсбергом. Идеально вежливым, улыбающимся акульей улыбкой айсбергом. Об который не один «Титаник» русской культуры разбился. И как-то Милена быстро-быстро увяла, отступила за пришедшего ей на помощь Владлена, кинула жалобно-недоуменный взгляд на мистера Джеральда...

Наткнулась на еще один образчик ледяного сияния — и отступила дальше, к квартету. Точнее — к Артуру. Отличный маневр. Я оценила. Миленочка попыталась упасть ему прямо в руки. Все как положено: хрупкая, со вздымающимся бюстом и влажными густо накрашенными голубыми глазами, да еще и беспомощная. Спонсору было на что повестись.

Артуру — тоже. Было. Миленочка сегодня выглядела получше его обычных гламурных швабр.

Вот только я смотреть на это не желала. Ни на Миленочку, ни на Артурчика-лапочку, с его взглядами из-под ресниц. А желала я покинуть сцену, чертову Оперетту и... может быть, переспать с Говардом? Или с обоими Говардами? Тогда уж точно моя карьера пойдет в гору!

— Ань, не надо никого убивать, — аккуратно взял меня под локоток наш миролюбивый бас. — Пошли-ка лучше вниз, тебя, кажется, Владлен зовет.

Голоса Владлена я не слышала, слишком шумело в ушах. Да и акустика не располагает. Но обернулась в зал — и поняла, что ровным счетом ничего не понимаю. Потому что по мостику над оркестровой ямой шел — нет, бежал, летел! — звезда всея Бродвея мистер Бонни Джеральд. Глядя при этом исключительно на меня.

Анекдот про елки. Упоминается в главе)))

Сидит дома, без дела и без денег, актер, вышедший в тираж

Тут раздается звонок на телефон

и на ломаном русском ему объясняют,

что это из Голливуда и Тарантино

приглашает его на съемки, контракт, деньги... Наш актер спрашивает:

— А когда быть надо?

— С двадцатых чисел декабря.

— А, тогда я не могу. У меня — елки

Артур

Он никогда не думал, что кастинг — этот настолько дурдом. В Молодежный театр явилась вся музыкально-театральная Москва. И не только Москва. Все, кто умел издавать звуки или думал, что умеет. Все, кто умел задирать ноги, или льстил себе, что умеет.

Студенты и подтанцовки-подпевки всех мастей в надежде на чудо толпились под дверьми репетиционного зала, в коридорах, на лестницах, у служебного входа и чуть ли не по всей Большой Дмитровке. Уже состоявшиеся артисты пытались протолкнуться и добраться до сцены вне очереди, но подтанцовки их материли и не пускали к вожаемой звезде мюзиклов, который материл вообще всех так, что заслушаешься.

Несколько звездочек родной эстрады тоже заявили на кастинг, явно ожидая восторгов, поклонов и неземной радости со стороны Бонни — но их обматерили так же в точности, как и всех прочих. Причем все по очереди: сначала подтанцовка на подходе, потом «состоявшиеся» артисты в толпе в самом театре. И бонусом — уже сам Бонни Джеральд. В гробу он видел безголосых и безногих каракатиц, возомнивших о себе невесть что (цитата, если перевести ее на цензурный).

Бонни...

Если раньше Артур считал, что впахивать больше, чем они сами, невозможно — теперь он в этом усомнился. Бешеный итальянец носился ураганом, успевал и прослушать чертову тучу народу, и просмотреть новые куски сценария, и загрузить Леву репетициями с ансамблем.

И все это — с девяти утра. При том, что вчера закончили часов в одиннадцать вечера. Хорошо хоть квартет он вызвал к полудню, Артур успел выспаться и даже созвониться с дочерью. Сказал Кате как есть: что роль Миледи оставлена за мамой, надо лишь маму довести до мистера Джеральда. Катя пообещала сделать все возможное и невозможное, но так же честно предупредила: мама даже слышать не хочет о мюзикле. И вообще ушла на дневную репетицию в родную Оперетту, что-то они там ставят несусветное, и у мамы главная роль.

Несусветное оказалось детским спектаклем. «Кошка, которая гуляла сама по себе».

Артуру при взгляде на афишу сразу вспомнилось несколько особо экспрессивных итальянских выражений, слышанных вчера на кастинге. Очень подходящих к случаю. Аню зовут на главную женскую роль в мюзикле, обещающим стать событием года, если не десятилетия — а у нее елки. Мартовские. Б-р-р. Она б еще Снегурочкой подрядилась. Анекдот же! Кому скажешь, не поверят!

Так что на кастинг он пришел злым, словно его пчелы покусали, и настроение его в этом дурдоме ничуть не улучшилось. Потому что каждая вторая девица претендовала на роль Миледи, и не меньше.

После сотой (или тысячной, Артур давно сбился со счета) недоактрисы озверевший Бонни Джеральд остановил прущую в зал очередь и спросил прямо:

— Где моя Миледи? Арчи, мне нужна Анна. Сегодня же. — Русским на кастинге он не заморачивался, все отлично понимали по-английски.

Под любопытными взглядами студентов, подтанцовки и состоявшихся артистов тенору хотелось провалиться. Но он собрался с духом: все же звезда он или где? И ответил почти как в анекдоте:

— У нее сейчас репетиция, — тоже по-английски.

— А, у нее jolky, — протянул Бонни, показывая отличное знание русского фольклора. — Jolky это важно. Si.

Студенты, подтанцовка и состоявшиеся артисты подобострастно захихикали. Как же, великий режиссер пошутить изволили.

— Елки, у нее елки, — пронесся по толпе восторженный шепот.

Поубивал бы.

— На репетицию Анна придет, — твердо заявил Артур, совершенно не представляя, как ее на эту репетицию тащить.

Может, мотануться вчетвером, замотать ее в какую-нибудь штору. И притащить в соседнее здание. Ребята же помогут?

Он с сомнением посмотрел на родной квартет — все как на подбор сегодня вырядились. А шторы наверняка пыльные. А Бонни его разглядывал. Бесконечно длящиеся секунды. Недоверчиво. Как неизвестного науке зверька: от блестящих туфель до элегантного вишневого галстука в скрипичных ключах. Форма одежды стандартно-публичная, их же прямо перед служебным входом поджидали журналисты, да и вообще. Как-то оно так повелось с самого начала.

Все бы хорошо, но Артур успел почувствовать себя немножко идиотом рядом с великим режиссером, одетым в драные джинсы, черную майку-алкоголичку и сто пятьсот стимпанковских фенечек, включая английскую булавку с шестеренкой в ухе. Разумеется, своих ощущений он не показал, сохраняя уверенную морду лица. Он профи, в конце-то концов.

И походу остальные чувствовали себя так же. Ну, судя по уверенно-высокомерным лицам.

— Анна нужна мне сегодня, — заявил Бонни, гадски ухмыльнулся и процитировал на отвратительном русском: — Если гора не идти к Мухаммед, то Мухаммед идти к гора. Так, следующий! — это уже было по-английски.

И пока кто-то на сцене пытался изобразить великого артиста, достал телефон и кому-то позвонил.

— Ты занят, братишка? — спросил негромко.

Что ему ответили, Артур не услышал. Но Бонни усмехнулся и велел:

— Вот и отлично. Дуйте ко мне. Нужна поддержка с воздуха. Колючке понравится.

В телефоне снова что-то спросили. Видимо, о подробностях.

— Идем в соседний театр за моей звездой. Они там что-то репетируют... ага. Жду.

И, отключившись, подмигнул Артуру. Мол, тебе тоже понравится. Пошли, будет классно.

Артуру в самом деле понравилось. Хотя поначалу это был шок. Так, легкий. «Братишкой», который «дуй ко мне», оказался лорд Говард. Они с женой явились меньше, чем через полчаса. Довольные, раскрасневшиеся с мороза, с хулиганскими ухмылками и в байкерских прикидах. Катались по Москве, видите ли.

Их охрана оперативно разогнала толпу студентов, подтанцовки и состоявшихся артистов, и вся компания отправилась к соседям. Без предупреждения. Разумеется, произведя фурор и переполох.

Встречать самого лорда Говарда вышел директор Оперетты, явно не знающий, что делать со свалившимся ему на голову счастьем.

— Мы хотим посмотреть на репетицию, — объявила леди Говард.

С такой уверенностью в том, что перед ней откроются все двери, что Артур восхитился. Как будто принцессой родилась. Родная душа, профи! Хоть, конечно, помладше и выпускница конкурирующего учебного заведения.

Само собой, их чуть ли не с поклонами провели в зал. Не репетиционный, а основной.

Рожа Владлена Артура порадовала особенно. Он, сукин кот, разрывался между почтением к Великому Спонсору и здоровой ненавистью к уважаемому коллеге, читай, конкуренту проклятому. К которому уже успела сбегать на прослушивание почти вся его труппа, благо, далеко ходить не надо.

Вся, кроме Ани. Упрямая гордячка! Вот что бы ей не усложнять, а? Она же лет десять уже мечтает сыграть у Бонни, чуть ли не с самой первой его премии «Тони»!

Упрямую гордячку он увидел сразу, как только она вышла из-за кулис на сцену. Увидел — и порадовался, что на нем парадный костюм, а не облегающие джинсы, как на некоторых особо великих. Не так заметна реакция.

Реагировать там было на что. Честно говоря, Владлена хотелось прибить вместе с тем уродом, который художник по костюмам. Какой к хренам собачьим детский спектакль? Это же порно в чистом виде! Аня в этом черном, блестящем и обтягивающем, наверняка без белья, зато с хвостиком и ушками... у-у-у! Разве ж так можно с ним, одиноким и несчастным мужчиной?! И ведь все, все ее взглядами так и облизывают!

Особенно Бонни. Друг? Ха! Конкурент проклятый! Пусть только посмеет к ней подойти!

— Остынь, Отелло, — положил ему руку на плечо Сергей.

Остыть? Остынешь тут, когда Аня смотрит куда угодно, только не на него. Как будто его, Артура, вообще не существует.

Делать вид, что он спокоен и наслаждается спектаклем, было крайне трудно. Особенно после того, как Аня, впервые глянув прямо на него, вышла на авансцену — и так изобразила кошечку... так... с прогибом, мурлыканьем, потягиванием... Нельзя же так! Как ему теперь вставать с места? А ходить как? Бегом до холодного душа?

Но лучше — до ее гримерки. Вот прямо сразу после прогона...

Артур даже позволил себе немного помечтать. Вспомнить. Было, было, что вспомнить.

И в примерке, и за кулисами, и в директорской ложе...

Он так замечтался, что едва не пропустил финал. Сергею пришлось его подтолкнуть, шутливо проворчав что-то на тему счастливого идиота.

Ага. Именно счастливым идиотом он себя и чувствовал. Потому что его Аня, его Анечка, была великолепно. Изумительно. Бонни Джеральд и пара Говардов аплодировали ей стоя! Разумеется, Артур тоже. Стоя. Во всех смыслах этого слова. А еще он заранее гордился ею и радовался ее триумфу. То, что сделает сейчас Бонни, дорогого стоит. А рожу Владлена вообще надо будет сфотографировать. Для потомков.

А вот то, что случилось дальше, стало для Артура полной неожиданностью. Не только для него.

— А Милена-то наша — дура, — с тяжелым вздохом вынес вердикт Лев, наблюдая, как блондиночка летела к Бонни. Кем она там была в детском спектакле? Пятой птичкой в ансамбле?

— Полная, — покачал головой Иван, которому стало как-то неловко.

Артур и Сергей промолчали. Да и что тут скажешь? Бросаться на шею Бонни Джеральду при всем честном народе... хм... у пигалицы вчера прокатило, но там и обстановочка отличалась, и эротического (читай, тяжелого порнографического) подтекста не было. Тут же — лис белый, полярный. Пушистый. Полный. Особенно когда обмороженная сразу обоими Говардами блондинка попыталась искать помощи и поддержки у Артура... Рухнув ему прямо на руки.

— Прекрати, — зло велел он блондинке и отстранился.

А ему еще с ней работать!

Сергей с Иваном тут же Милену от него оттеснили. Молодцы ребята, но вот досада — Аня все видела. И стопроцентно поняла по-своему. Отвернулась с таким видом, словно убить хочет. Всех и сразу.

Черт!

— Еще раз устроишь демонстрацию, вылетишь из постановки как пробка, — тихо, но крайне убедительно обрадовал девушку-красавицу Лев.

Как там Олеся любила приговаривать: «О зеленый взгляд этих глаз зарезаться можно». А что ж, конечно, можно. С некоторых пор Лева вообще к подобным демаршам относился резко отрицательно. Да и Артура они заводить перестали.

— Но... я же... — захлопала густо накрашенными ресницами блондинка. — И Бонни.

— Просто не отвечивай, — порекомендовал Сергей, не обращая никакого внимания на надутые губки и сцену «барышня в беде».

Что было дальше, Артур уже не видел. Неинтересно. Он решительно шагнул к мостику, ведущему на сцену. Хватит уже дурить. Им с Аней пора объясниться. Он любит ее, она — его, а вся эта чушь с ревностью — полная чушь! И примерка у нее... гм, такая уютная. Диванчик удобный...

— Стоять, — велел Бонни, крепко схватив его за плечо. — Мой выход, приятель. Сначала я получу свою Миледи, а потом ты — свою жену. В таком порядке.

Остановливаясь на полпути не хотелось, но Артур вынужден был признать: приглашение на роль от Бонни сейчас прозвучит намного выразительнее, чем его объяснение в любви. И вообще. Подарить любимой женщине роль у Бонни Джеральда — это круче любых бриллиантов. Уж он-то знает свою Анечку! Она — такая же, как он сам, для нее сцена — это все. Вся жизнь...

Ну, не считая семьи.

И он был дураком, закрывая на это глаза. Но ведь поумнел же! Прозрел! Она непременно это поймет. Прямо сейчас.

Последовавшую за этим сцену снимали все, у кого были телефоны. Даже случайно затесавшиеся в зал костюмеры и уборщицы. И оно того стоило. Все же режиссер — это режиссер. Гений шоу и сукин кот.

Мистер Джеральд влетел на сцену, разметав совершенно неважную в данный момент труппу. Отлично поставленным голосом (на галерке слышно) воскликнул:

— Анна! Звезда моя! — по-русски.

И элегантно упал перед ней на одно колено. Балет, чистый балет!

Анечка, умница, сориентировалась тут же. Смущенно потупилась, сделала глазками, позволила поцеловать ручку. Даже порозовела! Коллеги ее тоже молодцы, ничего не скажешь — мгновенно отошли, организовали выгодный фон: восторженно-удивленные лица, прямо как год репетировали.

— Анна, вы прекрасны! Вы удивительны! Я влюбился в вас с первого взгляда! — продолжал Бонни. — Будьте моей...

На этом месте Артуру резко захотелось его прибить. Что значит — моей? Вот же, козел итальянский!

А козел итальянский выдержал паузу, достаточную, чтобы публика охренела, но недостаточную, чтобы начала шептаться, и тоном Ромео под балконом закончил:

— ...Миледи!

Сукин кот! Трижды сукин кот! Даже Артур, и тот — купился. Купился же! Что уж говорить о публике?

Публика затаила дыхание. Вся. Даже чертова блондинка, которую Сергей чисто на всякий случай придерживал за рукав. Во избежание.

— О, мистер Джеральд... я... — томным, изумительно поставленным голосом пропела Анечка. Настоящая Миледи! А как публику держит!

— Скажите «да», прошу вас! — Ромео, чистый Ромео.

— Да. Конечно же, да! Я буду вашей... Миледи, — с нужной долей пафоса и легчайшим оттенком иронии ответила Анечка.

На что мистер Джеральд снова расцеловал ей ручки, затем под бурные аплодисменты и крики «браво!» вскочил, раскланялся — они вместе раскланялись — и поднял ладонь, призывая всех к тишине.

— Спасибо! Спасибо! Я люблю ваш театр! — по-русски, а потом обернулся к Ане и так же громко закончил, но уже тоном заправского рабовладельца: — Послезавтра к девяти. Не опаздывать.

— Да, сэр! — отрапортовала Анечка, вытянувшись по стойке смирно и отдав честь а-ля американский солдат.

Публика грохнула. Кто-то залихватски засвистел... кто-то? Ага. Лорд Говард. Кто ж еще позволит себе свистеть в присутствии столь высоких особ. Его супруга почти прыгала на месте и сияла, словно это она все срежиссировала, и теперь наслаждается заслуженной славой. Впрочем, Артур бы не удивился. Да и ему было не до удивления.

Аня, вместо того чтобы спуститься в зал, в подающем ей загадочные знаки Владлену, смоталась за кулисы. Владлен выругался под нос, правда, когда на него обернулся лорд Говард и вопросительно поднял бровь, мол, что вам не так, уважаемый — изобразил

вежливую улыбку. Сквозь зубы. И пробормотал под нос что-то на тему премьеры на носу и Брута.

— А, дорогой коллега, — спрыгнул с мостика над оркестровой ямой Бонни Джеральд, — позвольте выразить вам мое восхищение. Прекрасная постановка! Bravo! У вас отличное чутье на роли.

Владлен проглотил недоруганную ругань, снова улыбнулся — на этот раз почти искренне.

— Благодарю, мистер Джеральд.

— Бонни, просто Бонни! — козел итальянский просиял и похлопал Владлена по плечу. — Не волнуйтесь, Анна — настоящий профессионал, она сыграет вашу премьеру и успеет на мои репетиции. Вы не станете возражать, друг мой?

Возражать Владлен не посмел. Кажется. Артур уже не прислушивался — ему надо было срочно, немедленно найти Аню и с ней поговорить. Сейчас же. Поэтому он все по тому же мостику, через сцену, помчался за кулисы — и к ее гримерке. Уже на бегу он подумал, что надо было хоть цветы для нее захватить. Не сообразил. И ладно, цветы — потом. А сейчас он ее поздравит с ролью, обнимет, скажет, что любит ее и всегда любил, и все наконец-то станет хорошо и правильно. Так, как должно быть.

*Не хочешь мириться — давай тогда просто переспим как враги
(Анна — Артуру.
Или он ей, кто этих творческих личностей разберет)*

Анна

Наверное, надо было бы остаться. Потусить с народом. Познакомиться ближе с английскими спонсорами, которых привел Бонни Джеральд. Мужчина моей мечты — ну, в профессиональном плане, конечно. Хотя бы облобызаться с квартетом. Теперь, кстати, партнерами по мюзиклу.

Но отчего-то это было выше моих сил. Слишком остро. Слишком... больно. Странно, я же, получив свою минуту славы и исполнение самой заветной мечты... должна же радоваться. Должна!

Радость только была какая-то странная. Руки дрожат, колени дрожат, нарезаю круги по примерке и не могу остановиться. Даже чертово плейбойское трико снять не могу!

Остановилась только тогда, когда увидела в зеркале мельком нечто страшное, опухшее и мокрое. Себя, дуру зареванную.

Вот что мне не так опять? Я же мечтала об этой чертовой роли! Во сне ее видела! Да эту чертову сцену, устроенную Бонни Джеральдом для меня, в кино снимать можно было, как кульминацию, мать ее!..

Я трясущимися пальцами взяла спонжик, молочко для снятия макияжа и принялась стирать размазавшуюся тушь. Не грим, пока еще не грим, но выходить даже на репетицию совсем без краски нельзя. Прима — всегда прима. Даже когда ревет не пойми с чего в своей примерке.

От счастья, не иначе.

И насмешкой над «счастьем» в ушах звучали скрипки, ударные и родной голос: Есть в графском парке черный пруд...»

Но ведь не Артур же будет Атосом! Не его роль. А кто? Кто будет руководить отсековением головы? Сергей? Лев? Иван?.. Кто — мой супруг?..

Бросив черный от туши спонжик, я прошлась по коже еще раз молочком... кажется, молочком. Не удивилась бы, увидев сейчас в своих руках краску для волос. Или бутылку коньяка.

Да. Вот что мне нужно. Сбежать отсюда — и накатить граммов сто. От счастья. Может, тогда я наконец перестану рыдать, дрожать и чувствовать себя полной дурой!

Я подлетела к двери, дернула изо всех сил, совершенно забыв, что я ее самолично и заперла несколько минут назад. Дверь всхлипнула, но устояла. Ударившись пальцами и... да что ж такое! Я отодрала новенькое покрытие на ногте! И, глядя на него, горестно взвыла. Да и больно, между прочим!

Сунув палец в рот, я медленно и аккуратно повернула ключ, открывая дверь...

И тут же поняла, что если уж везет — то везет до конца.

Дверь открылась, стукнув меня по лбу. Я вскрикнула, схватилась за голову, отступила на шаг... кто ко мне вломился — я не видела, искры перед глазами все затмевали. Лишь бы не Бонни Джеральд! Показаться на глаза режиссеру в таком виде, это... этот не фиаско, это — эпическое фиаско!

— Анечка, что с тобой? — услышала я родной обеспокоенный голос.

И взвыла в голос. Лучше бы это был Бонни Джеральд вместе с лордом и тучей журналистов, чем Артур!

— Убирайся, — заплетающимся языком пробормотала я.

— Аня! Нам надо поговорить! — в голосе непрекаемая решительность.

О да. Это не Атос. Это — Д`Артаньян. Козел гасконский.

Правда, он все же разглядел, что я держусь за лоб, и решительность сменилась обратно на беспокойство.

— Аня... надо приложить холодное, Анечка, прости...

— Не надо мне ничего. Просто уйди.

Мой слова проигнорировали. Как всегда. Удивительный, абсолютно избирательный слух. Слышим только то, что желаем. Все прочее — как Бетховен. Глухо.

Артур сунулся в крохотный холодильник, вытащил доисторическую банку оливок и, отодвинув мою руку, приложил ко лбу. Я вздрогнула. Холодная же!

— Подержи, а то шишка будет. Бодяга есть?

— Нет. Артур, уйди, добром прошу, — прошептала я, чувствуя, как вся моя решимость выгнать эту сволочь звездную тает под нежными прикосновениями. — Мне уже не больно. Просто оставь...

— Не оставлю. Я люблю тебя, Ань. Ну давай хоть поговорим, а? Я же не понимаю... — бормоча это, Артур привлек меня к себе.

Обнял. Прижался так, что сомнений в твердости его намерений не оставось. Ох, боюсь, мой шедевральный кошачий костюмчик не переживет этого возбужденного дня. Вот что настоящий театр с мужчиной делает.

— Анечка, хорошая моя, любимая..

Пока я язвила и пошила... Тихонько, про себя, пытаюсь обрести бодрость духа, этот... Звездун со скрипичными ключами на галстук теснил меня к диванчику. Поцелуи скользили по моей шее, жадные руки гладили... нащупывали край чертова трико...

О-ох. Да он просто с ума сошел!

Я посмотрела на полузакрытые глаза, послушала прерывистое дыхание, поняла, что сама тоже дышу прерывисто, а коленки предательски подгибаются, и кошачье трико кажется невыносимо тесным...

— Артур. Не надо!

Хотелось строго. Получилось как-то... даже не жалобно. Томно. И в голосе послышалось: «Ну, возьми меня...»

Бывший, владелец абсолютно избирательного слуха, услышал только «возьми меня», ну кто бы сомневался... А я, кто бы сомневался, сама вцепилась в него, и мне вдруг стало совершенно все равно — где мы, когда мы... Я просто хотела своего мужчину, сейчас же, немедленно! Весь мой адреналин переплавился в возбуждение, я была готова прямо сейчас, не дойдя до диванчика...

— Ты так прекрасна, Анечка, моя Нюсенька... как снимается это чертово трико?..

— Молния сзади, — шепнула я и нетерпеливо прикусила мужа за губу.

Мы сдирали чертово трико в четыре руки, попеременно целуясь и ругаясь на плотный бифлекс, и стоило Артуру спустить его с моих плеч — я застонала, громко и непристойно. Его губы... О боже, Артур!

— Артур...

— Я так и знал, что ты без белья, — прошептал он, опускаясь на колени...

И тут... тут за дверью послышался голосок Милены. Звонкий такой. Пронзительный. У меня сразу же заболели зубы. И голова, ушибленная дверью. И все, все у меня тут же заболело!

— О, мальчики! А что это вы тут собрались?

Мальчики? Какие еще мальчики?..

Я замерла, прислушиваясь.

На риторический вопрос ответил Лев. Драматическим шепотом:

— Тихо! Иди, Ленок, иди, куда шла!

— А... иду-иду, не мешаю, — так же звонко отозвала Милена. — Я всегда говорила, что Анечка — молодец! Нам всем у нее учиться и учиться! Вы репетировали, Бонни, или это был экспромт?

— Vaffancúlo, detka, — присоединился сердитый Бонни Джеральд.

(Иди в задницу, итал.)

— Артур... — я попыталась оторвать голову мужа от своего живота, пришлось его даже за волосы дернуть.

— Да, милая? — поднял затуманенный взгляд он, продолжая стаскивать с моих бедер трико.

Прилипшее намертво.

— Артур, что там за флешмоб за дверью? Да прекрати же!

— За дверью? — сделал удивленные глаза он. — А, не обращай внимания, это совершенно неважно! Анечка, любимая... Выходи за меня снова, а?

— Ой, милорд Говард, вы уронили! — снова прозвенела девочка-Миленочка. — Вот! Ой, серебряный доллар! Какой старый, вы коллекционируете?

Ответом ей послужил шипящий английский мат на тему «заткнись и убирайся, дура!». Кто матерился, английский лорд или мистер Джеральд, Ане уже было все равно. И на шипение леди Говард, добавивший несколько ласковых слов по-русски и велевших всем быстро сматываться и не мешать «им» мириться, плевать.

Голова взорвалась болью. Я оттолкнула Артура, кое-как натянула на грудь трико, до того болтавшееся на запястьях, и...

Я даже не поняла, как мне удалось выпинать бывшего за дверь. Он просто покатился кубарем, за ним следом полетели пиджак от Армани и галстук в скрипичных ключах.

— Козел! — заорала я как... как никогда в жизни. Уперев руки в боки. Так, кстати, подобные мерзкие звуки — вообще класс. Закачаешься. И удобно. — Убирайся, чтобы я тебя больше не видела!

— Анечка, ты все не так поняла! — У Артура стали совершенно растерянные и несчастные глаза. Но меня актерскими фишками не проймешь!

— Ах, не так? У меня глюки? Ты не спорил с этими... этими...

Я уставилась в серые наглые глаза лорда, оказавшегося ближе всех. Лорд быстро опустил в карман блеснувшее серебром нечто и слегка виновато ухмыльнулся. А леди

потянула его за рукав, разве что не шипя: «атас, валим, пацаны!»

— Ну что ты, в самом деле, — соврал, глядя мне в глаза, Лев. — Вовсе мы не спорили!

— А, просто мимо проходили! — взвилась я.

Все могу простить. Все. Кроме вот такой наглой лжи в глаза!

— Ань! Пожалуйста... — попросил Артур.

Почему-то именно на это беспомощное «Ань» что-то резануло по сердцу, у меня через мгновение трансформировалось в такую ярость, что золотые мушки замерцали перед глазами.

— Ах ты ж, козлина! Год не вспоминал, что у тебя жена есть!.. А теперь — поспорил на меня, да? Скучно стало? Адреналину не хватает? — Я задохнулась от злости и обиды.

— Перестань, Ань! — Артур поднялся, держась за поданную Бонни Джеральдом руку.

— Перестать? Опять заткнуться и не отсвечивать? Ну нет! Хотел говорить — вот мы и говорим!

— Беллссима, — с маньячно горящими глазами прошептал Бонни Джеральд.

— *Vaffancúlo!* — его же словами ответила я и снова обернулась к бывшему. — А ты, звездища...

Меня понесло. Я сама понимала, что несет, но остановиться не могла. Не сейчас. Не после четырнадцати лет молчания.

Я высказала ему все. Что он эгоист, чихающий на всех, кроме себя. Что трахается на гастролях с кем попало и даже не считает нужным это скрывать. Что принимает как должное мои жертвы. Про его любовницу Дану, приходившую ко мне в дом чтобы меня же и пожалеть. Про то, чего мне стоил тот год — когда надо мной ржали все кому не лень. Потому что мой муж настолько меня не уважает, что даже в собственный проект пристраивать не стал. Видимо, недостойна, да?

— Вы не есть правы. Арчи сказать, Анна есть Миледи, — нагло влез в мой монолог мистер Джеральд. — Беллссима Миледи!

— На спор, да, А-арчи? — передразнила я режиссера, глядя при этом исключительно на бывшего. — Или захотелось комфорта и бесппроблемно трахаться? А чтобы не возникала, на тебе роль в зубы! Козлина ты!..

Я орала. Я... сжимала кулаки. Я не пыталась вытереть слез, которые лились градом. Я говорила и говорила. За все годы, когда молчала, уговаривая себя, что нельзя менять любимого человека. Надо принимать все. Эгоизм и звездные загоны считать своеобразием характера.

В какой-то момент я поняла, что во всем театре повисла мертвая тишина. Как будто он вымер. И... замолчала.

Обвела взглядом публику. Остановилась на Лидочке, высовывающесея из соседней гримерки на без зазрения совести снимающей скандал на телефон. Правда, к не тут же метнулся некий человек в черном, решительно сунул ногу в пытающуюся закрыться дверь и телефон отобрал.

Мне было все равно. Выложат в сеть — пусть. Я высказалась. Наконец-то я высказала Артуру все!..

И он выслушал. Впервые за... да не живут столько, сколько мы с ним вместе! И за эти годы — впервые он меня слушал. Внимательно. Не сводя взгляда. Не возражая.

Наверное, мне должно было стать легче. Но стало — пусто. И холодно.

Задражав, я обхватила себя руками.

— Ты знаешь, — вдруг тихо сказал Артур. — Я виноват во всем, что ты сказала. И, наверное, получил по заслугам. Но... только одно но. Я никогда не спал с Даной.

Я только пожала плечами. Спал или не спал, уже не важно.

Отвернувшись от звездного квартета, великого режиссера, английских спонсоров и собственных коллег, я ушла в гримерку и закрыла за собой дверь. Тихо. Оставив за спиной приснившийся мне миг триумфа и надежду на звездную роль.

Ежу понятно, что после такого выступления и посылая в задницу Бонни Джеральд не захочет видеть меня в своей постановке. Ни один режиссер бы не захотел. Так что играть мне и дальше в дневных спектаклях.

Наверное, «Принцессу цирка» мне теперь не видать...

Неважно.

Надо просто переждать, пока они все уйдут — и вернуться домой. К Кате. И не думать о том, что моя единственная, моя любимая дочь могла быть в заговоре с этими. Спорщиками.

На доллар.

Никогда, никогда даже в руки не возьму серебряный доллар!

Хотел отсидеться вятером. Я и четыре стены.

Артур
Олеся

Окна репетиционной базы были темны. Олеся с сомнением посмотрела сначала на них, затем на Вадима, своего шофера и охранника. Тот только пожал мощными плечами. Дескать: тут пропажа ваша, у нас в конторе все точно.

— Рррр? — спросила Клеопатра, которую взяли с собой для моральной поддержки, закутав в теплый комбинезон.

Ну, и на Артура кошка оказывала положительное влияние. Что, похоже, было ему решительно необходимо.

Вадим распахнул перед Олесей входную дверь, которая вела в темноту и тишину. Если тут и были люди, то никаким образом себя не проявляли.

— Хорошо, хоть дом не выстыл, — пробормотала Олеся, открывая переноску и выпуская Клео.

— Мр-р? — поинтересовалась царица, которой темнота не доставляла никаких проблем.

— Пойдем, дорогая.

Кошка знала, куда идти. В репетиционный зал. Там было темно, как и во всем доме, лишь из окон падал слабый свет луны и уличных фонарей. И тихо плакал и вздыхал рояль. Битлы. «Yesterday».

Ожидаемо. Но красиво.

Олеся уже достаточно привыкла к темноте, чтобы рассмотреть Клео, бесшумной молнией пересекающую зал и вскочившую на рояль. Честно говоря, Олеся ждала замечательного вокала. Вопля. Но услышала только безучастное:

— Привет, лютый зверь.

— Мр-р, — утешающе пропела царица.

— Привет, Артур. — Олеся шагнула в зал.

— Кошка, чтобы загрызть меня? — легкая усмешка в голосе. Лица по-прежнему не видно. И тут же: — Прости, Клео, я глупости говорю.

— Вот именно, — кивнула Олеся, подходя к роялю.

— А я сегодня в драку полез. К лорду.

Олеся вздохнула. Видео ей Томбасов показал. Кстати говоря, больше с восторгом, чем с негодованием. Тигриный прыжок Артура. Противный визг блондинистой Констанции. Отчего-то радостные лица Бонни и Розы — все-таки они абсолютно ненормальные, может, и не люди вовсе. И лорд. Незыблемый, как скала. Непокосимый, как белые утесы... чего там, что любят снимать в фильмах про старую добрую Англию?

И кстати, отчего неугомонный тенор решил, что во всех его бедах виноват британский

аристократ? Странно.

Ну, и охрана, которая технично, но аккуратно иммобилизует сорвавшегося с катушек Артура. И берет под контроль остальных троих, потому что и Лева, и Иван, и Сергей немедленно метнулись на помощь.

Секунда. Все мордой в пол. Отношение к конечностям и лицам самое нежное. Трепетное даже. Любовное.

Вот на этом моменте муж ворчать изволил. Мол, упущение Петра Ивановича, что личных музыкантов Томбасова раскатали по полу какие-то британшки. И никто-то за бедных музыкантов не вступился. Это ж какое безобразие!

Судя по интонациям Томбасова, службе безопасности в скором времени ожидал международный чемпионат по крутизне. В смысле, кто выше на забор. Быстрее. Сильнее.

— Но до лорда, — Артур мечтательно прикрыл глаза, — я почти дотянулся.

— Знаю.

— Меня охрана успела скрутить.

— Тоже в курсе.

— А Леву я покалечу.

— Его-то за что?

— За то что скотина. Пари ему, видите ли... Ладно, эти... Лорды, леди. Бонни этот. Он гений, но отмороженный на всю голову. Ладно, дурная девчонка, — он взял аккорд и пропел: — Констанция-а-а! Но свои! Зачем полезли?!

— Обрадовались за вас, придурков, — мрачно прокомментировала Олеся, вспомнив совершенно потерянных трех участников квартета, которые места себе не находили после подвигов этого безумного дня.

— Ха-ха-ха, — четко и раздельно проговорил Артур. — Козлы.

— Согласна.

— Придурки.

— Не спорю.

— И я не лучше.

— Ты, Артур, конечно, звезда. Это тебе любой скажет. Но...

— Скажешь — не виноват? — зло выдохнул тенор.

— Виноват, конечно. Но... С другой стороны, надо смотреть на вещи позитивнее.

— Это как? — Артур так удивился, что играть перестал. Так и застыл, чем тут же воспользовалась Клео, скользнув к нему на колени.

«Не печалься, — завела она вечную мурчащую песню. — Все пройдет, все образуется».

Тенор же, нежно глядя обжигающе горячую кошку, так и продолжал вопросительно смотреть на Олесю.

— Ну, ты хотел поговорить с Аней, — пояснила она.

— Хотел, — мрачно подтвердил Артур.

— Вот и поговорил. Заодно и узнал, почему вы развелись.

— Дана, — с ненавистью выдохнул Артур.

Олеся посмотрела на него с сомнением. Он хоть понял то, что ему бывшая жена сказала?

— Не обижайся, Артур, но... — «ты полный кретин», очень хотелось сказать Олесе, однако она изменила формулировку на вежливую: — Но я склонна считать, что в вашем с Аней разводе бывшая пиарщица-многостаночница не виновата. Так, слегка приложила руку.

Немножко.

— Но она!.. — От возмущения Артур привстал, за что схлопотал недовольное шипение Клео.

— Не она, — оборвала его Олеся. — Вспомни, как тебе звонила Аня. Поговорить. Перед тем, как принять решение. Помнишь, что ты ей сказал?

Артур опустил голову и виновато выдохнул:

— Я ответил, что мне некогда. — И мгновение помолчав, отчаянно спросил: — И что мне теперь делать?

— Ну даже не знаю, — пожала плечами Олеся. — Может...

Она замолкла и прислушалась. Входная дверь открылась? Странно, вроде никто больше сюда не собирался. Кого там принесло?

Катя

Две тоненькие фигурки пробирались к репетиционной базе, пытаясь слиться с кустами и стремительно наползающей ночью.

— Ты уверена, что они тут? — в очередной раз спросила одна фигурка, та, что была без шапки и ежилась от холода, уже точно приморозив уши.

Другая, чуть повыше, уверенно кивнула и хлопнула носом. В Перхушково, куда они добрались на электричке, было холоднее, чем в Москве. Да и идти пешком от станции к охраняемому поселку оказалось не такой хорошей идеей, как показалось вначале.

— Почти пришли, — лязгнув зубами, сказала Маша. И вперив злобный взгляд в Катю, злобно прошипела: — Мы, конечно, огребем. Но я тебе докажу раз и навсегда, что между мамой и Артуром ничего нет. И быть не может!

— Пфе! — был ей ответ. Предполагался сардонический, но хлопанье носом испортило весь образ.

Наконец, показались освещенные тусклым фонарем металлические ворота с нужным номером.

Машка приложила карточку к замку.

Никакого эффекта.

— Мы что, заблудились? — спросила Катя, оглядывая высокие заборы в обе стороны от ворот. Совершенно одинаковые.

— Глупости не говори.

Маша еще раз ткнула пластиковой карточкой в замок. И еще раз. Доступа не было. Каменный забор в два человеческих роста не внушал никакого оптимизма по идее его штурма.

— А почему тогда? — Катя поежилась и чихнула, представив, что им придется по этой холодрыге возвращаться обратно на станцию и ждать электричку.

— Глюк, блин.

— И что будем делать?

— Наверное, не сбегать от охраны, барышни, — раздался у них за спиной ироничный мужской голос.

— А-а!!! — завопила Катя с перепугу и едва не шлепнулась в ближайший сугроб.

— А-а! — присоединилась к ней Маша.

И обе, развернувшись и ничего толком перед собой не видя, припустились бежать. Куда-нибудь. Словно заполошные зайцы, попавшие в свет фар на дороге. Но не успела Катя пробежать и двух шагов, как ее поймали. Бережно, но уверенно.

И главное! Катя готова была поклясться, что на дороге еще мгновение назад никого не было! А тут — сразу четверо! Вот они попали!

— А-а-а! — продолжили самозабвенно верещать девчонки, не понимая, что еще можно сделать.

Басовито отозвалась собака в соседнем доме. Людей видно не было — кроме тех, что взяли девчонок в кольцо. Ну хоть кто-то же должен прийти им на помощь! Это ж охраняемый поселок! И где служба безопасности Томбасова?

— Мария, что ж вы так кричите? Вон собачку застращали, — с ехидцей спросил ее тот, который держал Катю.

Крепко, не вырваться. Она честно пыталась, лягалась и колотила кулаками по железным рукам. Но тут до нее дошло, что мужики не совсем посторонние. Машку вон знают.

— Вадим! — Машка тоже знала «похитителей», слава макаронному монстру. — Вы зачем нас пугаете?

— Надеюсь, что до мозгов доберусь, — спокойно, с улыбкой в голосе ответил Вадим. — Надо же кому-то их включить. Достучаться, так сказать. Вы не ушиблись, барышня? — это уже предназначалось притихшей Кате.

— Но мы... — робко вякнула Маша.

— Вы, — к ним шагнул еще один, повыше, откинул капюшон, — вы!

— Ой, Петр Иванович...

Тут и до Кати дошло, что поймал их не кто иной, как начальник службы безопасности Томбасова. А значит, нагоняй им светит знатный.

— Вы маленькие безмозглые курицы. — Петр Иванович злился. — Ладно, Катя. Она в папу. Но ты, Маша!

— Что вы имеете против моего папы? — тут же взвилась Катя.

— Кроме того, что он сегодня отчудил? И нам теперь проводить чуть ли не межгалактические игры с британским спецназом? Нет, дело благое. Где-то мы им наваляем, где-то они нам. Дело житейское. Но! Нам не отдали квартет для показательных задержаний. А мы, между прочим, просили!

— Что вы с ними собирались делать? — спросила Маша. Почти вежливо.

В ответ раздался смех. Потом до того молчавший охранник мечтательно произнес:

— Хотя бы уронить пару раз. Нежно.

— На время, — добавил четвертый. — С британцами. Двоих — им, двоих — нам.

— Ну, и чтоб тебе разрешили?

— Ни пнуть как следует, ни уронить. Бережем руки, лица.

— Разве что плюнуть позволят. Не больше.

— Льву же удалось выдать. По ребрам.

И хором. Практически в экстазе:

— О да...

Даже Катя поняла, что лучше молчать и не дрыгаться. Безопасники, похоже, оценили, как она сверкает на них Артуровскими черными глазами и, в отличие от Маши, даже не делает вид, что раскаялась.

— Значит так, барышни, — вздохнул начальник охраны. — Последнее китайское предупреждение. Надо куда-то добраться — вызываете нас. Согласовываете. Хотите на электричке — да ради бога. Хотите вдоль заборов, по кустам, перебежками. Да хоть с перекатами. Ну, с чего мы будем вам мешать. Но! Еще одно бегство!..

— И? — вскинулась Катя.

— Вон, у Маши спроси, — ухмыльнулся Петр Иванович.

— В туалет в сопровождении охраны, — уныло ответила дочь Олеси.

— И это, как мы понимаем, не метафора, — кивнул Петр Иванович.

Девчонки печально вздохнули.

— А теперь — добро пожаловать на базу.

Петр Иванович нажал на кнопочку на пульте, и калитка гостеприимно открылась.

— А вы бы маме сказали, что мы сюда едем? — спросила Маша, проходя в калитку.

— Зачем? Это к ее безопасности отношения не имеет. А остальное — решайте сами. В семейном кругу.

— А... — разговор пошел уже мирно, и Маша тут же этим воспользовалась, задержалась и спросила: — Может, не будем Олега Викторовича волновать, а?

Громогласное ржание было ей ответом.

— Ну, попытаться стоило, — проворчала Маша и припустила за Катей. Которая неслась решительно. Чихая, но целеустремленно. Там же тепло!

Дом был тих и темен. Так тих, что Катя даже остановилась за открытой дверью, не решаясь идти дальше.

— За мной! — скомандовала Маша шепотом.

Ей насмешливо отозвалось эхо.

Маша решительно пересекла огромный холл, рванула дверь репетиционного зала — и тут же нажала на клавишу включения света. На стене, справа.

От слишком яркого света Катя на миг зажмурилась, но тут же проморгалась: нужно было увидеть все как есть! Иначе зачем бы она сюда поперлась? На электричке-то!

— Маша? — воскликнула Олеся, стоявшая неподалеку от рояля.

— Катя? — Артур сидел за роялем, у него на коленях злобно шипело и выгибало спину что-то страшное, лысое, с огромными ушами и горящими глазами.

Никаких следов преступления. Вообще. Так что от сердца отлегло. Вроде.

— А мы... — очень умно ответила Маша. — Вот...

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Артур и поднялся с явным намерением обнять Катю.

Которой стало слегка, совсем слегка, стыдно. К тому же она безудержно расчихалась.

А вот жуткая кошка ни о чем не беспокоилась. Спрыгнув на пол, она пошла к девчонкам, всем своим видом показывая, что сейчас порвет. Обеих. Полетят клочки по закоулочкам.

— Клео, солнышко, прости, пожалуйста! — тут же нежно пропела Маша, опускаясь на корточки и протягивая к ужасному зверю руку. — Не злись, киса моя.

А ее мама засмеялась, похоже, раньше всех сообразив, зачем пожаловали девчонки.

— Мам, мы... — взяв кошку на руки, попыталась что-то соврать Маша.

А Катю наконец-то обнял папа, сунул ей в руки носовой платок. Прижал к себе.

— Артур, познакомь нас с дочерью, — не дослушав Машу, потребовала Олеся.

— Я соскучился, — погладив Катю по голове и задержав ладонь на ледяном ухе, сказал Артур. И только после этого обернулся к Олесе: — Катя, Олеся.

А в душе у Кати расцвело счастье. Огромной алой розой. Теплой.

— Катя... — хмыкнула Олеся. — Я смотрю, вы нашли друг друга.

— Ма-ам... — протянула Маша, не торопясь обниматься с мамой.

— И как дела в школе? — насмешливо спросила Олеся, заставив Катю поморщиться.

Маша что-то невнятно пробормотала. Катя хотела было прийти ей на помощь, сказать, что школа — это неважно, никуда школа не денется и вообще... Но снова чихнула, прямо папе в плечо.

— Как удачно, что я работаю только три дня. Устроюсь еще в твою школу, попрошу класс, где ты учишься. Должна учиться. — У Палпатина в «Звездных войнах» голос менее зловещ, чем у Машкиной мамы. Бедная Машка.

— Мама!

— Что мама?

— Не злись

— И еще, Маша. Я тебя уволю с должности пиар-менеджера.

— Мам, ну!

— Не умеешь совмещать учебу с остальным — долой все остальное.

— Слушай, ну что ты из-за одного дня!

— Одного?

— Ну, двух. Ладно. Трех.

— Маша...

И тут Катя ощутила, как напрягся папа. Отстранился, заглянул ей в глаза.

— Погоди, — сказал он растерянно. — Если Маша прогуляла три дня, то ты...

Вот кой черт ее понес сюда! Так запалиться! Да родители бы до весны не вспомнили об этой убогой школе. И...

— А скрипка... Мы же договорились. Катя! — Папа вцепился в свою роскошную челку. Того и гляди — выдерет. — Скрипка!

— Пап, ну я же тебе все объяснила. Я занимаюсь! — Катя погладила папу по руке. — Не нервничай, пап. Все нормально.

— Артур, — строгим «учительским» голосом сказала Олеся.

Папа аж вздрогнул. Стопроцентная училка эта Олеся, и что ее в шоубиз понесло!

— Что?

— Вы перевели дочь в новую школу?

Папа помотал головой.

— И документы в старой остались?

— Похоже на то.

— Смотри, какой отличный повод для общения с Аней у тебя появился.

Катя вздрогнула. Вот же эта Олеся! Зачем лезет, куда не просят?! Мама с папой сами разберутся, безо всяких школ! Хотя... повод действительно появился.

Пока Катя оценивала ситуацию с точки зрения пользы для примирения мамы с папой, влезла Машка.

— Артур, а переведите Катю в мою школу. Будем вместе учиться!

— В твою? Ты... — вскинулась Катя, но Машка больно наступила ей на ногу. — Ой! Ага...

А Машка широко улыбнулась папе:

— Я помогу Кате влиться в коллектив! Да, мам? Скажи, Кать!

— Ага, вместе будем, — украдкой потирая одну ногу о другую, подтвердила Катя.

Олеся задумчиво посмотрела на девчонок, на Артура...

— Ну, мы пошли тогда, — сказала Машка и дернула Катю за рукав.

И они сбежали. Недалеко, правда, всего лишь за дверь зала.

— Ты сдурела? — теперь уже Катя дернула за рукав Машку. — Сама же говорила, твоя школа — отстой! И ты вообще оттуда валить будешь!

— Тихо ты, не ори, — шикнула на нее Машка. — Проблемы надо решать по мере их поступления. Эту — решили.

— Ничего себе решили! Не хочу я идти в твою отстойную школу!

— А в какую хочешь? — странным тоном спросила Машка.

— Ни в какую не хочу! Что за дурацкий вопрос!

— О чем я и говорю, — кивнула Машка. — Так что молчи, пусть переводят. Нам без разницы, какую школу прогуливать, а отмазываться вместе удобнее.

— Хм... а ты права, — успокоилась Катя.

— А то! Пошли-ка и правда отсюда, пока эти, — Машка кивнула на дверь зала, — не начали задавать всякие дурацкие вопросы.

Ну типа «а чем это вы занимались, прогуливая школу?». Нет уж. Родители, конечно, хорошие и где-то даже умные. В своем роде. Но на самом деле ничегошеньки в жизни не понимают!

Для меня дружба — это не пустой звук.

Это еще плавленый сырок.

И бензопила.

(С) интренет.

(И любой из солистов «Крещендо»)

Анна

Вчера я дала главное представление в своей жизни. Я вошла в театр Оперетты.

Решительно. С высоко поднятой головой.

И с таким посылом... гм... ну, не только всех куда подальше. С таким творческим посылом — к вам пришла королева и победительница, что народ мне... поверил.

Я их держала как зрителей на спектакле. Я была как взведенная... нет. Не граната. Атомная боеголовка. Какой-то несусветной мощности. Тронь — и всему миру кранты.

Владлен лишь расцеловал мне кончики пальцев — и сбежал. Хотя, я готова в этом поклясться, подходил с намерением учинить разнос прямо на месте, при всех.

Милена только ойкнула. Округлила глазки. И исчезла. А господин главный спонсор, которого я удостоилась чести лицезреть и который, как сообщила по секрету костюмерша Лидочка, явился по мою душу — улыбался крокодилски и пел мне, как он счастлив. И жаждет. Чего жаждет, правда, было неясно. Мне показалось, или даже не моего тела? Очень выразительно прозвучали в его исполнении имена Томбасова и лорда Говарда. Почти с придыханием. Вот интересно, чего он через свою Миленочку с ними мост не наведет?

И все же. Как приятно, когда тебя все правильно понимают! Сразу люди становятся милыми и вежливыми.

Репетиция со светом прошла идеально. Без опозданий, без сучка и задоринки, даже софит ни на кого не свалился. Фантастика просто!

Потом ко мне снова подкатил господин как-его-там, наш генеральный спонсор. Мой костюм — чтоб креативному художника по костюмам все стразы мира на голову упали разом! — он прожег взглядом и взглядом же меня облизал с ног до головы. Пообещал, что детей на спектакль приведет.

— Возможно, — плотоядный взгляд сначала на ушки, потом на хвостик, — и не по одному разу.

Вот тут замерли все. Милена стала восхитительно пятнистого цвета. А я... изобразила святую простоту. И попрощалась, поблагодарив за комплименты.

Дура-дура-дура.

Такой момент упустила! Намекнула бы, что не против — и все, карьера на взлете, Миленочка в полете, а бывший... Опять все мне испортил. Одним только тем, что господин наиглавнейший спонсор — не он. Не Артур.

Чтоб ему икалось.

Вечером ожидаемо накрыл откат. Да еще Катю куда унесло до позднего вечера. Хорошо хоть сообразила смс бросить, что с отцом.

Часов около десяти я полюбовалась из окна, как она выходит из машины, обнимает Артура и нога за ногу бредет к подъезду.

И снова без шапки.

Обсуждать с ней отца не было никакого настроения, поэтому я сделал вид, что уже сплю. Всю ночь делала, а толком не уснула.

Стоило прикрыть глаза — и снилась всякая чушь. Вроде того что я пришла на репетицию к Бонни Джеральду все в том же кошачьем трико, и вместо партии Миледи пою почему-то Гризельду из «Кошек», а в зале сидит жюри — весь квартет, и Катя с Машей, и Говарды, и наш Владлен...

Ерунда, короче. Не пойду я на репетицию. Чего позориться?

Вот так всю ночь и вертелась на раскаленной кровати. Она пахла Артуром, даром что то белье я выкинула. Сразу. Сменив белье еще раз, я поплакала. Попсиховала. Обругала себя дурой раз так сто. Выпила успокоительного. Сначала валерьянки, а потом белого сухого. Часа в четыре поймала себя на том, что влезла в холодильник и задумчиво жую сырокопченую колбасу, откусывая прямо от батона. Бросила колбасу в помойку, посиховала еще, запила новой дозой валерьянки...

И только стала засыпать, часов так около семи, как...

В первый момент я подумала, что уже уснула и мне снова снится всякая чушь. Не может у Кати звенеть будильник в восьмом часу утра. Физически не может. Чтобы поднять в школу дочь двух махровых сов, мне всегда приходилось такие танцы с бубнами танцевать, что... А тут? Сон, точно сон. Или же Катю подменили инопланетяне.

Однако для сна все было как-то слишком реально. Так что я прислушалась к звукам за стеной.

Топ-топ-топ. Открывается дверь. Снова топ-топ — к моей спальне. Сопение за дверью.

На всякий случай я закрыла глаза и притворилась спящей. Но дверь не открылась. Катя только вздохнула и пошла на кухню. На цыпочках. Чем-то там зазвенела, потом грохнула — чашку разбила, что ли? — чертыхнулась и снова зазвенела. Запахло кофе. Снова затопало.

Ты ж мой слоненок!

Слоненок тем временем запикал телефоном.

— Спит, — отчиталась шепотом. Драматическим. Конечно, последнему ряду слышно не будет, опыта маловато, но ползала перекроет точно.

Умница, дочка.

— Да поняла я, поняла. Сейчас.

И тут же стук в мою дверь. Я закрыла глаза. Задышала размеренно и тихо.

— Мама-а! Ма-ам! — уже не шепотом позвала меня дочь.

Я не отреагировала. За столько лет школьных побудок должна же я получить свою порцию удовольствия!

— Мама!

О, уже сердится.

— Еще минуточку, — пробормотала я сонно и укрылась одеялом с головой.

— Я тебе кофе сварила, — взяла себя в руки дочь и плюхнула поднос на тумбочку. Подергала одеяло. — Мам! Ну-у!

— Да, дорогая? — зевнула я, выглянув из-под одеяла.

— Тебе пора собираться! Вставай!

— Что-то случилось? — Из-под одеяла я так и не выбралась и попытки встать не сделала. — Рано еще.

— У тебя репетиция! Ма-ам! — не выдержал ребенок, завопил паровой сиреной.

— Катя. — Я резко села. — Ты же понимаешь, что я туда не пойду.

— Как вы меня достали. Оба! Придурки!!! — припечатала дочь и вылетела из комнаты.

Я глянула на поднос. Бутерброд — кривенький, но с моим любимым сыром. Творог. И кофе. Сделала глоток. Хорошо как! И легла обратно в постель, ожидая продолжения банкета.

Минут через пять раздался звонок в дверь. И некий юный предатель ее открыл.

Ну, Катя! Ну, погоди!

Честно говоря, я ждала Артура. Наверняка они сговорились вчера — зря, что ли, дочь весь день тусила с папочкой. Но... слышать в коридоре тихие голоса Левы, Ивана и Сергея — для меня было сюрпризом.

Ах, так!

— Как не одета? — тихо, но возмущенно переспросил Лев.

Короткое совещание. И снова его голос:

— Аня!

И я выпорхнула в коридор. Как была. В полупрозрачной шелковой сорочке на тоненьких ляпочках, вся прекрасная и со сна.

— Доброе утро, — ослепительно улыбнулась я троице.

А что? Любите приходить в половину восьмого в дом к одинокой женщине — любите смотреть на нее в неглиже.

О! Какие лица. Ну, чистый же восторг. Смутились. Прелесть какая. И больше всех потупился Лева. Он что? Покраснел?! Он умеет?! Не утро, а чудо просто. Вот честное слово! Я почувствовала себя отомщенной.

— Аня! — укоризненно покачал головой Ваня.

Посмотрела на него с усмешкой. Нет, на него я не злилась — это просто невозможно. Но! Вчера и он участвовал в дурацком споре.

— Чем обязана, господа? — холодно проговорила я.

— Мы за тобой заехали, пора на репетицию, — спокойно и деловито сообщил Сергей. — Поехали, а то опоздаем.

— Ни. За. Что, — улыбнулась я.

— Почему? — спросил ничуть не удивленный Сергей.

Иван страдальчески вздохнул, Лев сердито нахмурился.

— Боюсь, что поубиваю вас всех, — пояснила я. — А мне нельзя. У меня дочь подрастает.

— Аня, — взял себя в руки Лева. — Ты все неправильно поняла.

— Да что ты. И вы не спорили...

— Погоди. Да, мы спорили, — неохотно признал этот козел. — На то, что вы с Артуром помириться, но...

— Уходите, — велела я спокойно и указала на дверь.

— Да постой же! — Лева заговорил быстро. — Я понимаю, что выглядит по-дурацки. И мы придурки, что пошли за вами. Просто мы были так счастливы, что все получилось. Нам так хотелось, чтобы у вас все получилось, потому что я чувствую себя виноватым. Из-за Даны, из-за проекта, на который забили, потому что Сергей ушел и не до того стало. Ань,

прости меня.

О как. Леву тоже подменили инопланетяне. Потому что признавать, что неправ, эта самовлюбленная ехидна не умеет и учиться не собирается.

Надо, однако, сегодняшнее число красной ручкой обвести. И праздновать как национальный праздник.

— А, так это у вас дипломатическая миссия, — ехидно покивала я. — А что ж без виновника торжества? Или Артурчик себя виноватым не ощущает?

— Он с нами не разговаривает, — покаянно опустил голову Иван. — Обложил повсякому. И все. Ань. Прости нас.

Я хмыкнула. Простить? Ага. Шчас.

— А спор... — продолжил объясняться Лева. Морда у него при этом была такая... странная. То ли виноватая, то ли сердитая, не разберешь. — Обычно они на меня спорят. Выведут или нет. Обматерю их или нет.

Бас и тенор радостно закивали. Словно мне есть дело до их дури!

— В прошлом году спорили, помирюсь я с Ирой или нет. — Лев с осуждением посмотрел на соратников. — Это уже привычка.

— Традиция, — подтвердил Иван, не устающий делать несчастные щенячьи глазки.

— На Олесю и Томбасова часто спорим, — вздохнул Сергей. — Но вчера эффект был... э... самый потрясающий.

— Это все британцы виноваты! Кто их просил лезть! — немедленно нашел виновных Лев, из чего я сделала вывод: нет, не подменили. Лев в своем репертуаре. — И Милена заголосила. Дура.

— А так бы я не узнала — и все прошло отлично.

Они дружно кивнули. Потом опомнились и отрицательно закачали головами: ты что? Как могла подумать!

Цирк. С конями. Тройка, блин, удалая!

— Артур просил для меня роль? — прямо спросила я.

— Да, — тут же ответил Иван. — Но он хотел, чтобы ты была Констанцией.

Я поморщилась. Что-то у меня аллергия на это имя. Как и на милейшую галантерейщицу.

— Но Бонни сразу сказал, что ты — его миледи! — с жаром заявил Лева и как-то странно осекся, а остальные двое еще более странно на него посмотрели.

Если бы я собиралась с ними работать, я бы непременно заинтересовалась отношениями Льва и Бонни Джеральда. То есть Бонни, а не конкурент проклятый? Ой, не верю.

— Бонни тебя на площади слышал, — пояснил бас, однако не совсем то, что меня интересовало... нет.

Нет-нет-нет. Меня это совершенно не интересует! Вообще. И то, что до меня только сейчас дошло, что «неприятный итальянец», с которым поругалась Маша — и есть Бонни Джеральд, совершенно неважно. По-прежнему неважно.

Или все же важно? Чертов Бонни Джеральд явился в Москву, услышал меня на дурацком концерте и пригласил на главную женскую роль — это вообще может быть неважным для актрисы? Не может. Или она — не актриса.

— И мы... — продолжил за Сергеем Иван, переглянулся со Львом и вынул из кармана серебряную монету, подозрительно похожую на ту, что была в руках у лорда Говарда. — Мы,

ну... спорили на серебряным доллар. Это традиция такая... Вот на этот.

Иван протянул доллар мне, а я его взяла. Старый. Явно дорогой и коллекционный.

— Ванька его выпорил у Розы, — пояснил Сергей, не совсем верно поняв мой задумчивый взгляд. — Она не поверила, что ты после скандала запросто явишься в Оперетту. Но мы-то тебя знаем. Так что он твой.

— Начало коллекции, — со сложным лицом добавил Лев. — Он тебе пригодится.

Я повертела монету в пальцах. Усмехнулась. Подмигнула Кате, что напряженно смотрела на меня из дверей своей комнаты. И скомандовала:

— На кухню, дипломаты. Катя сделает вам кофе. Я буду готова через десять минут. Успеем?

— Успеем, — разулыбались все трое.

А подумала: сколько серебряных долларов сейчас перейдет из рук в руки? Кажется, у мистера Джеральда с этими тремя... ладно, четыремья обалдуями на удивление много общего.

К примеру, неизлечимое обалдуйство.

*Амур не стрелы выпускает,
А лупит из дробовика
(С) Олег Рябов. Котята*

Артур

— Доброе утро! — широко улыбнулся Бонни, проходя мимо Артура, который пришел в театр раньше всех.

А что делать — ему не спалось. Картины прошлого мешались в голове с безобразной сценой в гримерке. Водка в качестве анестезирующего, скорее всего, помогла бы, но... Он вдруг понял, что не остановится. И даже царица Клеопатра ему не поможет. Поэтому... Ночь не задалась. Да и утро... Гм... тоже. Вот право слово, после летних загулов он и то чувствовал себя менее убитым.

Только злость — огромная, всепоглощающая, на весь свет сразу, да и на его окрестности в придачу — помогла ему не сорваться.

«Не дождетесь!» — рычала злость непонятно кому.

И вот сейчас, уже в театре, Артур окинул Бродвейского гения таким темным взглядом, хоть сейчас наряжай в костюм палача — даже топора не надо, так изничтожит. На мистера Джеральда это произвело удивительное впечатление — он, козлина, пришел еще в более замечательное расположение духа. И снова разразился спичем про белиссима, экспрессио и прочую дребедень.

— А со сломанным носом тебе, скот, будет гораздо лучше, — лениво пробормотал Артур.

— А тебе? — по-английски поинтересовался Бонни.

Не, ну, так блистать улыбкой! Еще и с утра пораньше. Алмаз переграненный!!!

— Да пошел ты.

— А где твоя?..

Вот тут Артур не выдержал. Вскочил. И заорал:

— Не придет она, понимаешь, рожа твоя итальянская. Давай я уже сам эти тряпки долбаные надену! Сам спою чертову Миледи! Все равно испортили все, что можно было! К черту твой мюзикл! И все это...

— Привет, мальчики, — донесся от двери голос. Женский. Но не тот.

Артур и Бонни обернулись. Артур — с отвращением, а Бонни — отвратительно жизнерадостно.

— Твоя идея спеть Миледи самому восхитительна, — подмигнул Артуру Бонни, — но не теряй надежду. И вообще я имел в виду твой дуэт с Констанцией. У нас есть новая музыка.

И он кивнул на сияющую Милену.

— Да какая разница, что ты имел в виду, — проворчал Артур, но дисциплинировано

взял новые ноты и отправился на сцену — прогнать дуэт с галантерейщицей, что уговаривала беднягу гасконца стартовать за подвесками в Лондон.

Пока только пели, все было отлично. К голосу Артура, несмотря на бессонную ночь и непристойно раннее утро, претензий не было. Но как только начали ставить... Хореографию, мать ее...

М-да. К такому жизнь Артура не готовила. А они-то, придурки, еще обижались на Женю, своего собственного постановщика сцендвижений, когда тот обзывал их колхозной самодеятельностью и оленями. Да Женя — святой человек! Страстотерпец!

Короче, зря они. А чтобы поняли, как не ценили своего счастья, и за прочие грехи тяжкие, судьба наградила их Бонни Джеральдом.

«Кривоногая каракатица» — было самым нежным, что Артур услышал в свой адрес. А еще он заработал стойкую аллергию на слово «страсть», неважно на каком языке — кажется, отчаявшись добиться от Артура желаемого, Бонни объяснял про страсть на всех языках цивилизованного мира.

Забавно, что Милена как актриса оказалась выше всяких похвал. Работать с ней было... удобно. Страсть она изображала превосходно, особенно после первого рыка Бонни: «Не переигрывай, детка». Двигалась, кстати, много лучше Артура, естественней. Явно без судорожного счета ритма про себя.

Тем не менее, репетицией Артур был страшно доволен. Давно он так не увлекался делом! Новым! Отчаянно интересным!..

Аплодисменты с отчетливым саркастическим оттенком вырвали его из прекрасного далека — ему только-только удалось сделать то, что требовал Бонни, и матюки сменились на нечто вроде «у тебя есть шанс не получить тухлым помидором в лоб, хотя все равно ужасно». Ему-Д'Артаньяну было пофиг на «ужасно», он органично вписался в образ «слабоумие и отвага». А тут — вздрогнул, оглянулся, едва не споткнувшись о собственные ноги...

У дверей репетиционного зала обнаружилась Аня. Она улыбалась. Блестяще, на публику. Она была прекраснее, чем когда бы то ни было. На шаг позади нее стояли три мушкетера. Иван закатил глаза к потолку. Сергей тяжело вздыхал. А Лева смотрел так, что... говорить ему уже было не надо. Но удивительно было не это. Дуэту аплодировал именно он.

— Доброе утро, — вдруг обронила Анна. И направилась прямо к Бонни. Подошла, протянула руку.

Бонни посмотрел на нее с недоумением.

— Мой доллар, — хищно улыбнулась Миледи.

— Какой еще доллар, сеньора?

— Вы же наверняка спорили. И ставили на то, что я не приду.

Бонни восхищенно прицокнул языком и не менее восхищенно оглядел Аню с ног до головы. Так оглядел, что Артуру невыносимо захотелось дать ему в нос.

— Я пришла. Вы проиграли. Господа мушкетеры, — не оборачиваясь, спросила она, — вы же отдадите доллар мне? Пополнить коллекцию.

— И сердце тоже отдадим. Артура, — отозвался Лева. — На блюде, для коллекции.

— Это лишнее, — сверкнула глазами Миледи. — Монету, сеньор Джеральд, монету.

Бонни улыбнулся. Выудил из кармана джинсов серебряный кругляш и протянул ей.

— Моей звезде, — и поцеловал ей руку.

— Ой, — вдруг напомнила о себе Милена. — А что делать? Анечка, вам придется

перекрашиваться? Вы же... черная.

— И не подумаю. — Анна, не отрываясь, смотрела Бонни прямо в глаза, игнорируя остальных.

— Оставайтесь собой, — тихо и ужасно проникновенно сказал Бонни.

«А ведь он ставил на то, что Аня придет», — подумалось Артуру.

Больше ничего внятного он подумать не успел, потому что гениальный режиссер с места в карьер велел:

— Что стоим, кого ждем? Еще раз, и я хочу видеть страсть, а не умирающую медузу! Сцену с начала!

Артур заскрежетал зубами — чертова «страсть» будила в нем жажду убийства. Но профи не убивают режиссеров, даже если режиссеры — сукины дети, а играют сцену так, чтобы...

— Это никуда не годится! — буквально через полминуты прервал их голос... Левы. — Стоп-стоп!

Он подкрепил приказ громкими хлопками в ладоши.

Артур недоуменно обернулся:

— Лев, какого?..

— ...вы возомнили себя режиссером? — продолжил за него Бонни.

По-английски и очень зло.

— Я не режиссер, я музыкант, — не менее зло парировал Лев, но по-русски. — И как музыкант я говорю: эта музыка никуда не годится. Это — дерьмо, выражаясь вашим языком, мистер Джеральд.

— Это «дерьмо» написал лучший американский композитор. И это «дерьмо» на порядок лучше старого.

— От этого оно не перестает быть дерьмом, — безапелляционно заявил Лев.

Диалог двух гениев был восхитителен, и Артур понадеялся, что кто-то его снимает. Такие кадры! И никакого языкового барьера. Один ругался по-английски, другой по-русски, и все отлично всех понимали. Дружба народов в действии.

— Что ж. Напишите лучше, Лео, — задрал нос Бонни. — А пока репетируем то, что есть. Арчи, Милена...

— Нет, — оборвал его Лев, шагая к сцене. — Две минуты, и будет вам нормальная музыка.

— Две минуты. — Бонни скрестил руки на груди, всем видом показывая, что ни на грош не верит в чудо.

— Ставлю доллар на Лео. Принимаете ставку, мистер Джеральд? — внезапно раздался звонкий голос Ани.

Все обернулись к ней. Даже Лев едва не споткнулся за два шага до рояля. Аня подкидывала в руке серебряную монету и ухмылялась, как настоящая Миледи, наступившая Д`Артаньяну шпилькой на яйца.

— Вы считаете, Лео сделает музыку лучше? Ва бене! Пари! — просиял Бонни.

Пока Лев двигал концертмейстера от рояля, а остальная публика, включая Милену, офигевала, Бонни и Аня торжественно пожали друг другу руки и уселись рядышком на первом ряду. Артур тоже, не будь дурак, присел прямо на сцене, на один из элементов выгородки. Репетиция только началась, а организм уже протестовал против неадекватных нагрузок, то есть хореографии, мать ее.

Лева же... Сев за рояль и демонстративно сосредоточившись на себе и только на себе, он коснулся клавиш...

Да. Это было лучше. Seriously, лучше. Аня однозначно выиграла свой доллар. Но...

До шедевров Дунаевского это не дотягивало от слова «никак». Лев сымпровизировал качественный, но проходной саундтрек в американской стилистике, вписывающийся в музыкальную концепцию «Трех мушкетеров» примерно как седло на корову.

Что, впрочем, не помешало Ане, Милене, Ивану и Сергею ему аплодировать и всячески восхищаться. Бонни тоже был если не восторге, то по крайней мере признал, что вариант Льва звучит аутентичнее...

— ...возьмем твой вариант, Лео. Распиши партии...

— Нет, — неожиданно для самого себя заявил Артур.

Все резко заткнулись и уставились на него. Недоуменно — все, и яростно — Лев, которого подло столкнули с лавров. Он побледнел, сжал губы...

— Тебе что-то не нравится, Арчи? — почти мягко поинтересовался Бонни, на полсекунды опередив уже открывшего рот для отповеди Льва.

— Такое же пафосное голливудское дерьмо. Извини, Лева, но ты — не композитор.

Лев побелел. А Артура несло. Да, он знал, что Лев ему не простит. Что у Льва это — самое болезненное место. Что Лев сто раз пытался писать песни для квартета, и все сто раз получалось совершенно то же самое: пафосное, глянцево-высококачественное, никакущее дерьмо. Ни одной своей песни в репертуаре «Крещендо» так и не появилось.

— И что же ты предлагаешь, Арчи? Вариант оставить музыку из фильма не рассматривается, — ухмыльнулся Бонни невесть чему и обернулся к Ане: — Белиссима, рискнешь поставить доллар на Арчи? Я — рискну. Лео, пари!

— Какое еще пари? — непослушными губами переспросил Лев.

— Разумеется, что Арчи принесет самый лучший дуэт. Ведь ему же его исполнять. Так, Арчи?

— Именно, — кивнул Артур, ощущая, как под ногами качается сцена, а сам он летит высоко-высоко в облаках. — Только я его не принесу, Бонни. Я его напишу.

— Артур, это уже слишком, — примирительно сказал Иван. — Мне кажется...

— Кажется — прими галоперидол, — с холодной яростью посоветовал Лев. — Я принимаю ставку, Бонни. Доллар.

— Я тоже рискну и поставлю на Артура, — звонко и так же холодно сказала Аня. Но Артур не успел даже обрадоваться ее поддержке, как она добавила: — Раз наша дочь пишет отличную музыку, может быть, и ее отец на что-то способен.

— Ваша дочь пишет? Великолепно! Прекрасно! Итак, Серджио, Ивен, на кого ставите?

— Я воздержусь, — покачал головой Сергей.

— Я тоже. Приберегу твой рецепт на галоперидол до...

— До понедельника, — помог ему определиться с датами Артур. — Ставить на себя не запрещено условиями тотализатора?

— Вот! Запомни это, Арчи! — опять невесть чему обрадовался Бонни. — Это — настоящий гасконец!

— Слабоумие и отвага, — тихо, но очень отчетливо прокомментировала Аня.

— Слабоумие и отвага, — поклонился ей Артур. — К вашим услугам, Миледи.

— Bravo! Брависсимо! — Бонни снова захлопал в ладоши, но тут же резко оборвал аплодисменты. — Ладно. Ставки сделаны, работаем дальше. Лео, ты уже на сцене, хочу дуэт

с Д`Артаньяном. «Есть в графском парке старый пруд...» — напел он.

И репетиция продолжилась.

Артуру же оставалось лишь надеяться, что слабоумие и отвага не покинут его, как и мелькнувшая в разгар революции идея... всего лишь тема из восьми нот... и смутный образ аранжировки... Хорошо, что успел ее мурлыкнуть под запись, пока Бонни раздавал очередные ценные указания теперь уже безногой каракатице Лео.

Что ж. Не одному Артуру страдать и позориться.

— Доченька, ты связалась с плохой компанией?

— Мама, я ее основала.

(С) Катя

Анна

Честно говоря, если бы в этот момент он подошел ко мне и сказал: «Пошли!» — я бы отправилась с ним. Хоть на край света, хоть в ЗАГС. Хотя первое предпочтительнее.

Артур взбунтовался! Красиво. Высокомерно. Пафосно. И это было так хорошо и так правильно, что мое сердце замерло на мгновение — и тут же пустилось вскачь.

Вспомни, шептала я про себя. Да вспомни, черт тебя дери! Ты сочинял, музыка рождалась под твоими пальцами и неслась, очаровывая и заколдовывая. Ты играл ничуть не хуже Левы, но потом просто забросил. И некогда, и незачем.

Вспомни!

Может, ты просто потерялся, удачно вписавшись в прибыльный проект. И самое время найти себя?

Хотя, судя по поджатым губам Левы, ой как тебе прилетит за бунт. Но вот странно. Меня отчего-то это радует. И, судя по тому, какие молнии сверкают в твоих карих глазах, ты и сам тащишься от собственного бунта. Просто не думаешь о последствиях, живешь здесь и сейчас...

— Энн! — раздается со сцены голос Бонни.

— Маэстро? — широко улыбаюсь нашему итальянскому демону-искусителю.

— Кардинал и миледи. Работаем.

Радостно киваю. А я еще не хотела приходить. Глупость какая! Получаю ноты, текст. Иду к роялю, киваю аккомпаниатору, ловлю то, как Лева морщится. Ну, как же — не он за инструментом. И... забываю обо всем. Я — женщина, которую боится сам кардинал. Наверное, потому так легко сливает.

Но тут... между мной и Бонни, точнее между Анной де Бейль (прекрасной барышней с десятком имен) и кардиналом Ришелье вспыхивает что-то такое, что... ох, просто звенящий фейерверк, рассыпающийся во все чернильное небо горящими цветами.

О-ох! Ты ж...

Мы отыграли сцену и почему-то ошеломленно уставились друг на друга. Союзники, подельники, любовники. Любовники? Как-то роман Дюма меня к этому не готовил. Хотя, как мне показалось, сценарий, по которому мы работали — тоже.

— Браво!

— Е-еху-у-у!!!

— Мама-а-а!!!

Кто тут присоединился к нам?

Маму поминала Катя, надеюсь, ей понравилось. Дочь радостно зеленела своими

короткими волосами и сверкала папиными глазами. Рядом с ней подпрыгивала на месте Маша. Интересно, поучаствовала ли пиар-менеджер в утренних деяниях вверенной ей группы?

А чуть позади девчонок стояла Олеся с весьма странным выражением лица. Как будто она только что ругалась, гневалась и кипела, а потом увидела что-то изумительно прекрасное. Только вот выражение лица перестроить не успела. И, судя по тому, как она поглядывала на девочек, отличились именно юные дарования.

— Мистер Джеральд, — улыбнулась супруга Томбасова (до сих пор поверить не могу, что наш Великий Олигарх и Небожитель женился на питерской училке). — Вы позволите похитить ваших звезд? Буквально на пару минут.

При словах о звездах Артур осторожно посмотрел на руководителя проекта — или кто там госпожа Томбасова у них? В ответ получил такой взгляд, что на него, и на меня заодно, с сочувствием посмотрели все.

— Ладно, перерыв десять минут, — буркнул гений и тут же напустился на девчонку-администратора. — Дают в этом театре кофе? Почему это такая проблема — сделать мне кофе?! Езу, за что мне такие испытания! Верни мне мою Розу, о Езу!.. Вы еще их не убили, мадам? Верните их живыми!

— Изрядно ошипанными, но непобежденными, — процитировала Олеся «Бременских музыкантов».

Мы отошли в конец зала. Смысла особого я не видела, но — надо, значит, надо.

— Скажите-ка мне, барышни, — сразу приступила к делу Олеся, вперив в девочек недобрый взгляд. — А почему вы, поперек договоренностей, не посещаете школу?

«Школа... Твою ж...» — я едва не схватилась за голову, из которой напрочь вылетела столь важная, сколь и неприятная подробность нашей с Катей жизни. С Катей и Артуром, если быть точнее.

Я глянула на него, мол, почему ты не вспомнил? Он — на меня, примерно с тем же выражением. Но оба промолчали. Ругаться из-за того, кто должен был помнить о школе — глупо.

А вот девицы-красавицы обе насупились и принялись огрызаться.

— Я была занята, — с потрясающим апломбом заявила наша.

— Ма-ам, слушай, ну правда не до того было, — чуть помягче, но тоже с интонациями «не влезай, убьет» добавила Маша.

— Ага, — крокодильски улыбнулась Олеся. Да так, что проняло даже меня.

В недобрых оскалах и в бритвенных взглядах, оказывается, госпожа Томбасова ничуть не уступает царю звезд Льву.

— Олеся, ну так получилось... — выдохнул Артур тоном «не бейте, тетенька».

Я даже позавидовала. Кающаяся Магдалина у бывшего получалась лучше, чем у меня. Да и котик из Шрека просто обзавидовался. Я мысленно поаплодировала.

— Бесит, — очень печально и даже где-то обреченно сказала Маша. — Маму это бесит. Сильно.

— Еще как бесит. А вы, значит, обе решили бросить школу в седьмом классе, — резюмировала Олеся.

— На кой черт нам эта школа! — снова выступила моя красавица.

— Вот мам, ты только не обижайся, но я поддерживаю Катю, — протянула вторая девица-красавица.

— Катя, скрипка!.. — простонал Артур, вцепляясь себе в челку. — Ты же обещала!

Я только открыла рот, чтобы тоже высказать обеим красавицам все, что думаю о Митрофанушках, как словно черт из табакерки выскочил наш бродвейский гений с недопитым кофе наперевес.

— Революция? — жизнерадостно спросил он сразу у всех. По-английски.

— Бунт на корабле, — не менее радостно сдала я всех сразу, так же по-английски.

Почему бы нет? Хуже точно не будет, а у мистера Джеральда какой-то совершенно удивительный подход к жизни. Безумный. Непостижимый. Но — действенный.

Катя с Машей тут же набычились и засверкали злыми глазами.

— Арчи сказал, вы пишете музыку. Кэти, не так ли? А с вами, Мэри, мы уже знакомы.

— Знакомы, — еще злее отозвалась Маша.

— Да, пишем! У нас серьезный проект! — оживилась моя дочь, гордая собственным приличным английским произношением. — Вы должны понять, мистер Джеральд! Вы сами музыкант! Я знаю. Я видела в сети, вы с шестнадцати лет работаете! Мы тоже не хотим терять время на всякие дурацкие школы!

— Ла-ла-ла, — покачал головой Бонни. — И что ж, вы думаете, у меня шесть классов образования?

— Ну... — синхронно протянули обе красотки явно в полной уверенности, что так оно и есть.

Бонни жизнерадостно заржал, вручил стаканчик с кофе Олесе — видимо, чтобы ей было чем занять руки и не поубивать обеих дурынд сразу. А потом, оторжавшись, обнял обеих красоток и начал перечислять дипломы, курсы, семинары и черт знает что еще — загибая пальцы. Пальцев не хватило.

— И все это — параллельно с работой. Гениальность и работоспособность необходимы, но этого недостаточно. Поверьте.

— Школы в этом списке нет! — победно заявила моя дочь, как обычно услышавшая только то, что ей хотелось услышать. Вся в папу.

— Однако сдавать на аттестат мне пришлось. Хотя признаюсь честно, в физике с химией я ровным счетом ничего не понимаю.

— Вот и эти не понимают, — встряла Олеся по-русски, и мне показалось, что по-английски она понимает не очень. — И ничего хорошего в этом нет! Человек должен быть всесторонне образован! Не смейте потакать этим двум лентяйкам!

— Мы не лентяйки! Мы работаем! — завопили обе красотки.

А Бонни вытаращился на Олесю, как на заговорившего сфинкса.

— Мы непременно обсудить область применений диплом по физика кванта в музыка, миссис Томбасофф, — перешел он на русский. — Но Мэри и Кэти прав. Делать музыка и учить школа нельзя. Нереально. Надо очень много специальный урок. Вокал, хореография, история театр и музыка, сольфеджио, фортепиано, скрипка... Ты есть играть скрипка, Кэти?

— Ну да, играю. Но...

— Скрипка есть круто! Я хотеть слушать твой музыка скрипка.

— Правда? — просияла моя дочь.

— Конечно. Я хотеть слушать ваш музыка. Моя маленький сестра Джульетта писать музыка тоже. Вы ее видеть в ю-тюб. Но она учить дома. По Интернет. Миссис Томбасофф, у вас в Россия есть школа по Интернет?

— Есть, — хмуро отозвалась Олеся. — Я считаю, что дети должны нормально учиться.

В школе. А музыку писать после.

Мы с Артуром переглянулись, не понимая: как это вообще может быть музыка — и после?

— Олеся, музыка это основное образование, а не «после», — мягко возразил Артур. — Я тоже ничего не понимаю в физике, и Аня, и Лев... И ничуть об этом не жалею.

— Артур, — нахмурилась Олеся.

— Арчи знать, что есть обучений музыкант. Арчи хороший музыкант, много работать, большой успех. Вы хотите для Мэри успех, Олесса?

— О да! — как-то хищно и одновременно нежно улыбнулась жена Томбасова. Надо запомнить ее выражение лица — для миледи, ой, как пригодится. Не лицо, а шедевр.

Мы все во главе с девчонками замерли, в ожидании чего-то грандиозного.

— А скажите мне, милые мои последователи Моцарта и прочего Баха, — учительница перевела взгляд на Машу и Катю. — А много ли вы времени провели за сольфеджио за эти две недели. Может быть, вы не забыли на занятия вокалом?

Девчонки уставились в пол. А я посмотрела на сатанеющего Артура.

— О! — улыбнулась еще шире Олеся, теперь об ее взгляд можно было не то, чтоб зарезаться, но отравиться — легко. — Значит, забросив географию, физику и химию, вы дни и ночи не отходили от инструментов? Катенька — от скрипочки? А Машенька — от рояля?

— Нет, — вынуждены были признать красавицы.

Я с сочувствием посмотрела на квартет. И даже на Леву. Учителя все-таки монстры. Хотя...

— Я сама составлю вам расписание, — пообещала им монстр из Питера. — Сама найду вам учителей. С уклоном в музыку говорите? Ладно. Это будут две самые музыкально образованные барышни. На домашнем обучении под моим контролем. И всего, включая хореографию, у них будет достаточно.

Вся четверка простонала при жутком слове «хореография». Дружно, в ноты.

— Мама, только не говори, что русский и литературу будешь у нас вести ты! — взывала Маша.

— А что? Страшно?

Страшно было даже мне. Но вот как-то спасти свою зеленоголовую жабку не хотелось. Заработали — получите.

— Составьте мне список всего, что должны знать эти юные ленивые особы, — обратилась Олеся к Бонни. — Итальянский, как я понимаю, жизненно им необходим?

— Необходим. И хореография! Шесть час в неделя минимум! — припечатал неприлично довольный Бонни.

— Мама-а!

По-моему, сказали это все. Хором. Даже Лев.

Глава двадцать первая

Задолбан. Но не сломлен

Артур

А вот в новой квартире у него рояля не оказалось. И даже задаваться вопросом — почему — Артур не стал. Вспомнил, что где-то в углу пылится гитара, которую парни подарили ему на новоселье.

Что тут еще есть, кроме полупустых, толком не обжитых комнат. За исключением, пожалуй, одной. Спальни с умопомрачительной кроватью, на которой дам перебивало... поменьше, конечно, чем в его гостиничных номерах по всему свету. Но это только потому, что в гостиницах он ночует чаще, чем дома.

Остановился на пороге, не включая свет, не в силах переступить через порог. Ощущая себя вором, пробравшимся в чужую, ненужную жизнь.

Сделал шаг назад. Захлопнул дверь. Какой смысл в этом всем, если даже музыку не написать. Ему до дрожи захотелось коснуться клавиш рояля, пройтись пассажем, с наслаждением узнавая каждый звук.

Сбежал по лестнице, завел машину и... Как-то он давно на репетиционной базе не был. А если и был, то не тем занимался. Музыка — пронзительная, живая, звучала в нем.

Артур, маясь в пробке, жалея, что нельзя просто взять — и перенестись туда, к роялю, достал телефон и стал мурлыкать все, что крутилось в этот момент у него в голове.

Как ни странно все, что мешало ему доехать, вдруг исчезло как по волшебству. Машины, светофоры, люди. Ненужные, раздражающие заторы. Осталась только дорога. И музыка, которую он выпевал уже во весь голос.

Он влетел в дом, кивнув охраннику, который настороженно вышел посмотреть, кого там принесло.

Он плыл в музыке, даже не задумываясь, что играет. В его музыке была любовь, которую он упустил. Раз за разом уничтожая все то прекрасное, что было в его жизни, а потом обвиняя кого угодно, но ничего не меняя. В какой-то момент он набрал знакомый номер.

— Да?

Даже бесконечное, строго отмеренное изумление с легким оттенком недовольства в голосе Анны — все для того, чтобы четко обозначить свою позицию — сегодня не могли ни остановить его, ни как-то сбить с настроения.

— Слушай! — приказал он.

Он играл, наслаждаясь ее рваным дыханием где-то далеко. Там, где, по ее мнению, не было ему места. Аня то замирала, то вздыхала, то чуть мурлыкала. Как будто они занимались любовью.

Артур играл как будто каплями дождя. Перебирая капли сожаления, воспоминаний о радости. Вздыхал жаждой попасть снова домой, к любимым девочками... И приправлял

легкой светлой горечью того, что это попросту невозможно, потому что осталось в прошлом.

«Я тебя люблю», — пропели звуки, отчего-то ликуя.

— Я тебя люблю, — выдохнул он.

— Я... — раздалось из трубки. И Артур победно улыбнулся, хотя Аня, упрямая как сто тысяч ослиц, его миледи, тут же недовольно буркнула: — Артур! Вот что ты за человек?!

И тут же бросила трубку.

Он рассмеялся. Порадовался, что включил запись, потому что даже под угрозами попыток не вспомнил бы ни ноты из его ночного помешательства. И даже не удивился, когда услышал ядовитые аплодисменты.

Оказывается, он не включил свет. Но ему не надо было вглядываться в кромешную темень, чтобы понять, кто это.

— Привет, Лева.

Друг молча пересек зал, бросил монету на крышку рояля. Она завертелась, покатилась. Они оба проводили взглядами ее падение на пол.

Тишина. Мгновение. Еще одно. И еще.

— Только это что угодно, только не дуэт д'Артаньяна с Констанцией, — раздался бешеный голос Льва.

— Я знаю, — вздохнул Артур. — Но разве это важно?

И он кивнул на невидимый серебряный доллар где-то у себя под ногами.

— У тебя еще есть время.

И в темноте послышались стремительные злые шаги.

...

Она стонала и кричала под ним, вцеплялась в его плечи и выдыхала рваное:

— Артур... Еще!

Еще. До изнеможения. До красных мушек перед глазами. До невозможности думать и дышать, пока...

— Я люблю тебя, — выдохнул он самое важное. Единственно важное.

Устало прижался губами к ее вздрагивающему плечу, не желая отпускать — ни Аню, ни собственное счастье. Нечаянное. Нежданное. Схватившее его за руку прямо посреди репетиции и утянувшее в чью-то случайно открытую гримерку под довольное режиссерское:

— Перерыв! Детка, где мой грейпфрутовый фреш?

Его счастье было похоже на этот фреш — сладкое, горькое, терпкое и свежее, словно в первый раз... Или в тысяча первый, как разница? С Аней, со своей любимой, единственной, самой прекрасной женщиной на свете каждый раз — как первый...

— Я люблю тебя, — повторил он во влажную черную прядь, прилипшую к белоснежной тонкой коже, и улыбнулся.

Вместо ответа Аня его поцеловала в висок, довольно вздохнула и пихнула его в плечо.

— Перерыв окончен, вставай, Д'Артаньян.

Что-то в ее голосе было странное. Но ни сил, ни желания не было разбираться, что именно. Зачем? Ведь все хорошо. Аня наконец-то приняла тот факт, что они созданы друг для друга. О, как идеально они друг другу подходят!

Нежно-нежно поцеловав ее в уголок губ, Артур поднялся и подал ей руку, помогая встать. Ей, такой разнеженной, разрозовевшейся, прекрасной и снова желанной. Аня лукаво усмехнулась, повела плечом — так, что в животе опять стало жарко, и едва успокоившийся организм потребовал продолжения банкета. Сейчас же.

— Иди ко мне, — позвал Артур и притянул ее к себе, коснулся губами губ...

— Бонни не терпит опозданий, — нравоучительно сказали ему, приложили палец к губам и отстранились.

Это фамильярное, почти интимное «Бонни» так резануло по нервам, что Артур едва не вздрогнул. Хотя Аня и была права — дразнить режиссера посреди постановочной репетиции суть идиотизм и глупость.

— Ладно, — согласился Артур, расплываясь в совершенно счастливой улыбке, и выудил из спутанной кучи одежды свои трусы. — Заедем после репетиции, купим чего-нибудь вкусненького. А хочешь, закажем из ресторана?

— Как-нибудь в другой раз, — пожала плечами Аня, надевающая репетиционные лосины, — сегодня у меня другие планы на вечер.

Улыбка стекла с него вместе с ощущением счастья и покоя.

— В смысле, тебе еще в «Оперетту»? — переспросил он в надежде, что как-то неправильно понял ее тон.

— Арчи, одевайся быстрее, — Аня почему-то назвала его так же, как звал Бонни, а не как обычно. — Перерыв закончился.

— Да причем тут перерыв! Аня, Анечка... Разве мы не...

— Если ты имеешь в виду это, — Аня опустила выразительный взгляд на его не менее выразительно выпирающее сквозь лосины достоинство, — то да. Если все остальное, то «нет».

— Но... как же... — кажется, он начал позорно заикаться и мямлить, словно застигнутый за разглядыванием неприличных картинок второклассник. — Мы ведь... Аня!

— Арчи, не усложняй. Нам обоим было хорошо, пусть так и остается дальше. И одевайся уже! Мне не нравится, когда Бонни ругается.

— Опять этот Бонни! — взвился Артур. — Ты думаешь о нем больше, чем обо мне! Почему ты ведешь себя так, словно... словно это для тебя ничего не значит?

О боже. Кажется, он исполняет не свою роль. Глупейшее ощущение перепутанного сценария. Чьи это вообще слова?! Уж точно не его! Скорее обиженной фанатки... рассчитывавшей на... О нет. Бред какой-то.

— Арчи, Арчи... — покачала головой Аня. С какой-то снисходительностью, что ли.

Эта снисходительность, до тошноты узнаваемая, его добила.

— Не называй меня так! Что вообще происходит, Аня?! То ты любишь меня, то отталкиваешь! Объясни мне...

— Ничего не происходит, милый, — нежно-нежно и ядовито-ядовито улыбнулась она. — Ровным счетом. Всего лишь хороший секс. Бонни говорит, очень полезно для творческого процесса. И знаешь, он прав. Повторим в субботу.

И, мурлыкая что-то до боли знакомое, развернулась и выскользнула из гримерки, оставив Артура полуодетым и растерянным. Да что там растерянным! На него словно лавина обрушилась.

Его Аня, его любимая нежная девочка, его огонечек, назвала то, что между ними было — просто хорошим сексом. Как это вообще возможно?! Кто ее подменил? Да что это вообще?..

«От актрисы истинных чувств не жди...» — мурлыканье в коридоре перешло в полноценную арию. Из «Сильвы».

Подрагивающими руками Артур быстро натянул майку и влез в проклятые балетки.

Внутри него было пусто и звонко до боли, и мучительным эхом отдавались слова арии, как нельзя лучше подходящие к случаю. Что-то о сердце актрисы, с которым нельзя играть.

Кажется, кто-то доигрался.

Надо ли говорить, что когда он увидел серебряный доллар, подкинутый Розой Говард и пойманный Аней, он сделал вид, что его это совершенно не касается. Вот просто вообще.

*На грабли вечно наступая
Завидую самой себе.
Какое крепкое здоровье,
Какой недюженный талант!
(С) чья — не нашла*

Анна (вчера)

Она не очень хорошо понимала, зачем пошла ужинать в «Метрополь» с Бонни и Розой. Этих двоих она тоже не очень хорошо понимала, если не сказать хуже — не понимала вообще. И не двоих, а троих. То есть слухи об очень странном семействе Говард до нее доходили, но она слухам не особо верила. А тут...

Факты были налицо. Шведская семья как она есть. И чего Аня не могла понять вот совсем-совсем, так это почему Говарды позволяют Бонни ходить налево. И не просто налево, а открыто и бессовестно иметь своих «звезд» прямо на репетициях.

Не то чтобы Бонни делал это прямо сегодня, на глазах у Розы. Но то, как вела себя Милена и как она всем развонила, что спит с самим Бонни Джеральдом — явно было не на пустом месте.

Очень, очень странные отношения.

И очень, очень любопытная леди. По ней не скажешь, что писательница и сценаристка, скорее — журналистка. Как вцепится!

Вот она и вцепилась. Ей, видите ли, страшно понадобились подробности жизни квартета и в частности Ани с Артуром.

Мало ли что ей там понадобилось. Аня не собиралась открывать душу практически незнакомке. Да еще и писательнице! Так что она переводила разговор на квартет, на совместную учебу в ЦМШ и консе, на что угодно, кроме Артура.

Пока этот гад не позвонил и не сыграл ей... О, как он играл! Еще в консе она была готова отдаться ему прямо за роялем! От того, какое у него становилось лицо во время импровизаций, ее душа пела, а с его музыкой она взлетала под самые облака...

— Я люблю тебя, — сказал он так, что сердце зашло. И не только сердце.

Как хорошо, что она не дома и не одна! А то бы сорвалась и помчалась к нему. Куда угодно. И там, где угодно, просила бы его — играй, играй для меня! Подари мне наслаждение большее, чем секс. Больше, чем любовь. Больше, чем все — твою музыку!

И плевать, что ровным счетом ничего бы это не изменило. Потому что Артур — такой, какой есть. Он не изменится.

— Ну что ты за человек такой, — почти простонала она и отключилась.

— Он тебя любит, ты любишь его. Вы есть все усложняют, — с присущей ему тактичностью носорога заявил Бонни Джеральд, задумчиво рассматривая Аню над бокалом с глинтвейном. Безалкогольным. Таким же, как у Розы.

— Усложнять? — переспросила Аня. — То есть мне надо было терпеть его выкрутасы, молчать и продолжать готовить завтраки?

— О, ты еще и готовишь завтраки! Беллссима! Арчи — придурок, — выдал Бонни, отпил свой компотик и нежно обнял Розу.

— Ага, — кивнула Роза. — Почему ты молчала, пока не сорвалась?

Спросила — и так же нежно прижалась щекой к плечу Бонни.

Прямо в ресторане. И чихать они хотели на весь мир.

Вот почему у них с Артуром не так? Где она ошиблась? Где упустила? Ведь Бонни — козел не меньший. Даже, пожалуй, даст Артуру фору. Артур по крайней мере резвился со своими фанатками лишь на гастролях, подальше от Ани. И соблюдал хоть какие-то приличия. А Бонни девочку Миленочку — чуть ли не на глазах у Розы. Но Роза словно ничего не замечает... хотя нет, очень даже замечает — иначе бы Миленочку не облили ледяным презрением, когда Бонни явился за Аней в «Оперетту».

Как все непросто! И совершенно непонятно, как Роза умудряет держать Бонни на коротком поводке. Видно же, что мистер козлогений будет прыгать через кольцо по первому же ее «але!»

Как бы научиться так же, а?

— Так почему, Ань? — настырно допытывалась Роза.

— Почему... не знаю. Так получилось. Просто все покатилося как-то разом. Этот его роман с Даной, и прослушивание...

— Арчи сказать кастинг? — уточнил Бонни. — Или сказала та... как ее звать, Мадонна?

— Дана ее звать, — подсказала Роза. — Не похоже на Артура вызывать тебя на кастинг, он в тебе уверен.

Аня поморщилась. Вспоминать об унижении было больно... но... уже как-то не так сильно.

— Неважно. Что было, то прошло. Не хочу об этом говорить.

— Вот и зря. Тебе нужно, — покачала головой Роза. — Ты его любишь.

— У нас ничего не выйдет. Я не готова снова быть ему милой послушной женошкой, забыть о собственной карьере и бесконечно терпеть и прощать. Хватит.

— Да-да! Хватит! — довольно кивнул Бонни. — Ты делать скандал, ты бить его по морда, а потом заниматься любовью. Молчать плохо.

— Не хочу я скандалить, — передернулась Аня. — Это утомительно и бесполезно.

— А чего ты хочешь? — опять вцепилась в нее Роза. — Ты сама знаешь, чего ты хочешь на самом деле, для себя?

— Я не... — привычно закрылась Аня, но тут в мозгу словно что-то щелкнуло. — Знаю. Я-то знаю, но...

— Но — потом. Что ты хочешь, скажи вслух.

— Я хочу петь. У тебя, Бонни. Я об этом мечтала лет десять. Быть звездой Бонни Джеральда, получить «Тони», прогреметь как Брюно Пельтье в «Нотр Дам». Как Барбара Стрейзанд в «Кошках».

Бонни довольно кивнул, но Роза не отставала:

— Супер. А что еще?

— Хочу вырастить дочь.

— Тоже супер. А для себя, Ань? И с Артуром — что тебе нужно на самом деле?

— Да ничего, — снова поморщилась Аня. — Пошел он... Это уже не любовь, а

издевательство.

— Тем не менее, тебе не все равно. Ну, чего ты такого хочешь, о чем никак не можешь сказать?

— Ничего такого я не хочу, — начала злиться Аня.

— Ну... вот прямо совсем.

— Вот прямо совсем.

— То есть поиметь его ты хочешь, а терпеть его законы — нет?

— Да, хочу, — совсем разозлилась Аня. — Почему к хорошему сексу обязательно прилагается вынос мозга? Как меня это достало! Не хочу думать об этом козле! Вообще никогда!

— Так в чем проблема? — хмыкнула Роза. — Хотя да, ты же хорошая девочка... Ставлю доллар, что тебе слабо отыметь Артура завтра на репетиции. Просто так, без выноса мозга, чисто для удовольствия и сохранности нервов.

— Хороший секс есть польза для творческий процесс, — кивнул Бонни со знанием дела, был укушен Розой за ухо и...

— Больной ублюдок, — шепнула та своему гению так, что стало совершенно понятно, чем именно они займутся, едва выйдя из ресторана.

— Доллар, говоришь. — Аня одним махом допила оставшийся в бокале глинтвейн. Нормальный, с хорошим содержанием алкоголя. — Ставлю доллар, что завтра на репетиции я его трахну. И не буду париться по этому поводу!

— Вот теперь я видеть Миледи. Белиссима!

— Доллар, значит, зажил? — усмехнулась Аня, ощущая себя практически леди Винтер.

— Си. Я есть бедный сицилийский парень. Я не разбрасывать доллар направо и налево.

— Жлоб ты, Бонни Джеральд, — припечатала Аня и подозвала официанта: — Повторите.

— Кажется, бедный сицилийский парень хотел сказать, что верит в тебя, — сказала Роза и тоже велела официанту повторить.

Один только Бонни сидел довольный и шурился, как китайский болванчик. Его жизнь явно была прекрасна.

Так какого черта Аня не может себе позволить того же? В конце концов, совсем не обязательно устраивать мозговывнос, когда можно просто получить удовольствие. Ведь Артур поступал именно так. И она — ничуть его не хуже.

Пора привыкать быть звездой.

...

Вот почему без выноса мозга не получилось? Вот почему я спиной чувствовала — нет, не злость, не ярость, не отчаяние. Боль. И почему я должна была ощущать эту боль, как свою собственную, корчась где-то в глубине души. И рыдая, свернувшись в калачик?

Дура. Как она есть.

Осталось прокричать об этом всем присутствующим и кинуться на шею Артуру, омыв слезами...

Ну. Уж. Нет!

Мысленно я рывкнула на нечто, страдающее внутри. И вышла звездой из гремерки, под любимую Сильву.

Довольно страданий. Хватит! Хватит. Пусть наконец каждый получит, что заслужил.

Концертмейстер подыграл мне. Рояль зазвенел.

«Что же недаром сам черт придумал нас!» Замереть в позе: спину прогнуть, нога вперед, руку победно вздеть перед собой.

«Частица черта в нас...»

Подойти к Розе и Бонни за монеткой. Я же выиграла — честно. Значит. Пусть отдает. Я посмотрела в черные глаза змея-искусителя, звездного Мефистофиля, и вдруг увидела в них... сожаление.

Вздрогнула.

После этого на выразительные взгляды квартетовцев можно было не обращать внимания. Особенно на один, зеленый и яростный. Я ответила своим, веселым. Глаза в глаза. «Что, Лева? Только тебе можно чморить Артура? Это твоя должностная обязанность и эстетическое, почти эротическое удовольствие?»

С наслаждением осознать, что он отвел глаза, но не успеть сполна насладиться этой победой, потому что Лева технично спихнул с табуретки у рояля концертмейстера. Короткий взгляд Левы на Ивана и Сергея. Вступление — буквально одним аккордом...

— Утомленное... — начал Лева.

— Солнце... — откликнулись тенор и бас.

Все-таки в многоголосье они входят — просто сказка.

— Нежно с морем прощалоось...

— В этот час ты призналась, что нет любви... — раздалось у меня за спиной бархатное и чувственное. И чуть насмешливое, что ударило по нервам не хуже электрического тока.

Кивок Льва. И... Иван делает шаг — мягкий, стелющийся (ох, не зря их гоняли все это время хореографы с Бонни во главе). Сергей скользит к нему. И... пошли... Танго...

Лева сливается в страсти с роялем, парни — в экстазе друг с другом. А как Ваня на руки Сергею падать умеет! И растяжка — просто прелесть, оказывается. А этот резкий, точно в такт поворот головы Сергея. Оооо. А говорят, он танцевать не умеет и двигается как медведь. Бессовестно врут! Бонни протягивает руку Розе. Она, смеясь, тянется к нему. Рывок — больше обозначенный, чем резкий. И они начинают кружить. Тут нет объятий. Лишь легкое прикосновение — и тут же полшага назад. Глаза в глаза. Забыв... не то, чтоб про нас. Вообще — про всю вселенную и ее окрестности.

— Миледи?

Артур по-прежнему стоит у меня за спиной. Я, словно заколдованная, оборачиваюсь к нему. И... пропадаю.

Он с легким поклоном протягивает мне руку. Все-таки он — магическое существо. Я вкладываю свою — пальцы у меня подрагивают.

Рояль вдруг переходит на Пьяцоллу. Наши с Артуром вздохи сливаются...

Танго. Пожалуй, это именно то, что нам надо. Как там принято говорить? Разбитых сердец? Затаскано, но верно.

Он ведет, а я каждый такт помню о том, что он — человек, который сделал мне больно, которому сегодня отплатила я. Наконец-то. Но... Я приникаю к нему, оплетаю то руками, то ногами. Вдруг вспоминаю... все вспоминаю. И отстраняюсь. Поворот... и снова его руки, которые не отпускают, его тело, что умеет дарить мне ни с чем не сравнимое наслаждение. Такое же, как музыка...

Мы смотрим друг другу в глаза.

Что он может прочитать в моих? Не знаю. Главное, чтобы не сожаление. Потому что я

ни о чем не жалею. Ни о чем, сказала! Его же взгляд... просто непроницаем. Потому что в нем — ночь и тьма.

Говорят, месть — это блюдо, которое едят холодным. Но от этого оно не перестает быть горьким.

Лева вдруг замирает посередине ноты. И мы вместе с ним, как будто у нас разом закончился запас батареек.

Останавливаются, с тревогой глядя на Артура, Сергея и Иван. Как все же бывшему повезло с друзьями.

Смеясь, отстраняются Роза и Бонни.

Я вдруг ловлю на себе взгляд Милены. Полный недоумения и ненависти. Оказывается, и она здесь. Ей-то что? До всего, что здесь происходит? До всего, что я разрушила сама?

— Господа музыканты! — раздается голос Бонни. — Это все прекрасно, но мюзикл сам себя не поставит. Работаем. Арчи?

Бывший отводить от меня глаза, несколько раз моргает, словно просыпается.

— Что с музыкой, Арчи.

Я мысленно издаю стон. Разве не хватит дурацких споров? Ни к чему хорошему они не приведут.

Но Артур идет. Как победитель. Как звезда. Спокойно и уверенно. Как в замедленном кино вижу, как поднимается со своего места Лева, как Иван протягивает телефон с включенным метрономом. Репетировали они эту сцену что ли.

Дверь в зал хлопает так, что мы все подпрыгиваем.

— Да вашу ж мать, парни! Вы что творите!!! Аня, привет.

А голос-то какой! Голос. Перекрывает весь зал. Сразу слышно школу!

— Привет, Миша, — отвечаю я растерянно директору одной из концертных площадок, тоже, кстати, нашему однокурснику.

— Лева. Парни. Я вас урюю.

— Да что случилось? — Сергей растерянно оглядывает остальных. Те явно не понимают тоже. У Левы, однако, есть какие-то проблески сознания, но он не хочет в них верить и только мотает головой.

Миша смотрит на нас всех. Матом. Потом выдыхает. Усаживается на последний ряд — это получается у него изумительно. Жаль, что не выступает, а посвятил себя деньгам и организаторскому таланту.

— Скажите-ка мне, птицы певчие. Какое сегодня число?

И звучит теперь он нежно-нежно. Как серебряный колокольчик.

Лева хватается за голову.

— И вам это число ни о чем не говорит? Ни о каком концерте, на который распроданы все билеты?

Артур торжественно изображает похоронный марш, Иван вступает нежными переливами, а Сергей — как ему и полагается, басом.

— Придурки, — резюмирует Миша. — Придурки, которые еще и трубку не берут.

Лева задумывается. И с вариациями от танго присоединяется к похоронному маршу.

— Идите, пойте, ур-роды! — раздается бессмертное.

И квартет исчезает. Как его тут, на репетиции мюзикла, и не было. Одна я остаюсь, как дура, со своими двумя серебряными долларами, и устало смотрю на Бонни Джеральда. А тот, проводив взглядом квартет, оборачивается ко мне.

— М-да, — произносит он с иронической печалью, в точности как это сказал бы кардинал Ришелье. — Настоящие мушкетеры, спаси нас Пресвятая дева от них.

*Пасмурно в Гаскони,
За окошком дождь.
Песню напевает
Под Боярским лошадь
(С) poltergeist*

Артур

Разумеется, они застряли в пробке прямо на Большой Дмитровке. До концертного зала «Россия» всего-то десяток кварталов, но весь центр встал намертво.

— И вот почему никто ни о чем не вспомнил? — проворчал Лева.

Иван нервно глянул на часы.

— Полтора часа до выхода. Черт! И не объехать...

— А Олеся могла бы нас пнуть! — сообразил на кого переложить ответственность Лева.

— Ты Олесю не трогай, — безмятежно, не открывая глаз, посоветовал Сергей. — Не до тебя ей сейчас.

Лева вскинулся было, но видимо вспомнил, что было два дня назад, и... замолчал.

Артур в поиски виновных не лез. Ему было все равно — Чубайс виноват, америкосы или марсиане. Пусть концерт катится к черту вместе со всем миром, который рухнул.

Аня... Аня. Как она могла? Вот так?..

Ответ «как» напрашивался сам собой, но был настолько мерзким, что если бы сейчас на Москву упал астероид, Артур бы этому порадовался. Наверное.

— Мы опоздаем. Опоздаем. Иван, сделай же что-нибудь! — нудел Лев.

Злобно нудел. И злобно поглядывал то на коллег, то на улицу — где стояло все. Стройными рядами. И снова нудел.

— Заткнулся бы ты, Лев. И так тошно, — почти вежливо попросил Иван.

— Угу, — поддержал его Сергей.

— А ты молчи! — рявкнул на него Лев и зачем-то полез в смартфон. Не иначе, любоваться на красное Бульварное, красное Садовое, красную Тверскую и красное все. Красную Москву, мать ее виолончель.

Барабанная дробь, отбиваемая Иваном по рулю, уже подозрительно напоминала «Танец с саблями». Сергей сложил руки на груди и отвернулся к окну. Лев же повернулся к Артуру и собрался сказать гадость.

Выслушивать гадости Артур не хотел, ругаться со Львом — тем более не хотел. Так что пришлось вынырнуть из тьмы и мрака, где оставила его Аня, и превентивно уронить:

— Когда ты в последний раз ездил на метро, Лев?

— А?.. — опешил царь звезд.

— На метро, говорю. Как все нормальные люди.

— Э... — интеллектом злой Лев не блистал.

— А машину куда девать? — в отличие от Льва Иван соображал быстрее. — Я ее тут не брошу!

— Подарить сирым и убогим гаишникам, — проворчал Сергей. — Вылезайте, господа артисты. Будем вспоминать, как ходят пешком.

— Тут даже припарковаться негде! — возмутился Иван.

— Не тупи, — отмер Лев. — Кто-нибудь из охраны ее пригонит.

— Как раз к окончанию концерта, — буркнул Артур и первым вылез из машины. — Погнались, авось успеем.

От московского метро в час пик они все определенно отвыкли. От пробежек по толпе — тоже. Зато проветрились. У Артура даже тоска с печалью выветрилась, когда толпа внесла их в вагон. По счастью, идущий в нужную сторону.

— В чем концерт-то будем петь? — спросил прижатый к дверям чьей-то мощной грудью Лев.

— Миша что-нибудь придумает, — отмахнулся Артур.

— Вы как знаете, а я буду запасной костюм возить в багажнике. С этим мюзиклом мать родную забудешь, — сказал Иван.

— А к майским сделаем ретро-программу с этим танго, — мечтательно произнес Лев. — Вы с Сергеем смотрелись — просто вау!

— Шутки у тебя, — проворчал Сергей.

— А я не шучу. Зря, что ли, мы выучили жуткое слово «хореография».

Иван с Сергеем обреченно переглянулись, а Артур... заржал. Немного нервно, зато от чистого сердца. Комедия абсурда же!

— А ты готовься музыку к песням писать, — недобро сверкнул зелеными глазами Лев. — Тексты... Ира напишет. Или еще где найдем.

Уткнувшиеся в смартфоны москвичи и гости столицы их, по счастью, не узнали и на слова о концертах не отреагировали. Слава макаронному монстру, из метро они выскочили хоть и слегка помятые, но целые и почти вовремя. Как в старые добрые времена, за полчаса до начала. Добежали до места... и на этом счастливое инкогнито закончилось. Потому что к служебному входу было не протолкаться. Толпа фанаток стояла уверенно и прочно, ожидая чудесного явления кумиров и не обращая внимания на каких-то запыхавшихся мужиков.

— Спаси и сохрани, — обреченно шепнул Лев, прежде чем просиять привычной звездной улыбкой и во всю глотку гаркнуть: — Добрый вечер! Мы пришли!

Что было потом — можно снимать в фильме ужасов. А за преодоление полосы препятствий, усложненной акустическими эффектами типа «визг ультразвуковой», им всем следовало бы выдать по медали. Большой. Шоколадной. И отдельно по грамоте за то, что никого из виснувших на них фанаток не убили и даже не обматерили. Вместо этого они улыбались, кивали, обещали фотосессию после концерта, сто песен по заявкам и луну с неба, и ввинчивались в неподатливую толпу...

— ...как хрен намащенный, — прокомментировал Сергей, когда за ними наконец-то захлопнулась дверь служебного входа. — Шарф сперли, заразы.

— Радуйся, что им же не придушили, — проворчал Иван, пытаясь приладить на место полуоторванный рукав пальто.

— Мы живы, господа мушкетеры, — хмыкнул Артур, потерявший на полосе препятствий перчатки и едва не изнасилованный особенно яркой почитательницей, — и это уже везение. Шарф тоже умыкнули, кстати.

— Помаду с рожки сотри, Д'Артаньян, — буркнул Сергей.

— Сам дурак, — жизнерадостно отозвался Артур.

— Что стоим, кого ждем? — стягивая пальто, спросил Лев. — До выхода двадцать минут!

Оркестранты встретили их гоготом, пианист — радостной ухмылкой, а администратор — вздохом облегчения и запахом валокордина. Или коньяка? Или коньяка с валокордином? Артуру даже показалось, что где-то в оркестре перешли из руки в руки несколько серебряных долларов. По счастью, показалось. Потому что покажи ему сейчас кто-то клятый доллар — убил бы. И суд бы его оправдал.

— А мы думали, вам не досуг, — меланхолично заметил дирижер.

Лева даже отвечать не стал — не стоит грубить уважаемому человеку, от которого многое зависит.

— Пробуем микрофоны, — скомандовал он. — И как бы понять, в чем работаем?

Вопрос разрешился на удивление быстро. Все тот же навалокординенный администратор пригнал целую толпу костюмеров с белыми пиджаками и распорядился:

— Меряем, господа, меряем! В темпе!

— Чужие?.. — возмутился Лев.

— Да вы хоть понимаете, как вам повезло, что «Хор Турецкого» забыл вчера свои костюмы?! Во полном составе. Ваши не доехали! Где ваш менеджер? Кто вообще отвечает за все это безобразие?! Вы меня в гроб вгоните!

Выражение лица Льва, когда на него надели пиджак конкурента проклятого (зачеркнуто) дорогого коллеги, надо было видеть. А лучше — писать. Маслом. Но он даже слова не сказал, хоть тех слов у него был в кармане миллион, и все нецензурные. Зато на первое отделение они вышли при полном параде, всего с пятиминутным опозданием, что и за опоздание-то не считается. С учетом того, что были они все четверо просто сияющие любовью ко всему миру — тем более.

Правда, без распевки. И без нот. И в уличных ботинках. Но это уже, право, такие мелочи! Главное, что концерт они отпели идеально, публика писала кипятком от восторга, четырежды вызывала их на бис — и четвертым бисом Лев заиграл «Утомленное солнце». Скотина, а и черт с ним. Концертного адреналина было слишком много, чтобы Артур мог испытывать хоть что-то, кроме полетного восторга.

Он даже Бонни Джеральду, который поджидал их за кулисами после концерта, улыбнулся как лучшему другу и родному брату. Да что там, он даже не дал ему в рожу, когда после короткой фотосессии и раздачи автографов Бонни схватил его за рукав и потащил обратно на сцену. К роялю.

Он только спросил:

— За каким хреном?

— Ты обещал сегодня новую музыку. Играй.

— Ты сумасшедший, ты в курсе?

— Конечно, — радостно согласился Бонни и повторил: — Играй.

Обведя взглядом пустой зал, в котором осталось лишь несколько случайно задержавшихся зрителей и уже начали шуровать уборщики, Артур пожал плечами. Ладно. Почему бы нет?

И заиграл. Совсем не то, что писал вчера, а то, что рождалось прямо сейчас — после концерта, после безумной пробежки через толпу фанаток, после Аниного «просто секс»,

после... Всего. Сумасшедшего. Дня.

А когда снял руки с клавиатуры — услышал тишину. Живую, дышащую тишину зала, полного замершей публики. И сначала тихое, а потом — все громче и громче: браво! Беллссимо! И Левино внезапное:

— Я всегда говорил, что ты — чертов гений, Артур.

— Вы великолепны! BRAVO! — резким диссонансом, манерным сопрано. — Артур, это ваша песня?

Он обернулся на голос. Смутно знакомый. Или незнакомый, пофиг. Главное, голос был чужим и ненужным. Обернулся, вежливо улыбнулся идущей по сцене девице. Объективно красивой. Вроде даже знакомой. По крайней мере, он помнил, как она выглядит голой. Или не помнил, просто они все одинаковые.

— Это к нашему мюзиклу, — кивнул он.

— Просто потрясающе! Не знала, что вы пишете музыку! Ах, Арту-ур... — в голосе незнакомки послышались соблазнительно-мурлыкающие нотки. — Я так рада видеть тебя снова...

А, все же знакомка. Пофиг.

— Извини, я сегодня устал, — все еще вежливо, но уже недовольно отозвался Артур и стряхнул с плеч чужую руку с хищным перламутровым маникюром.

— Синьора, вы есть мешать. Уйти вон, — совсем не вежливо, а очень даже тоном злобного сержанта рывкнул Бонни.

Где-то неподалеку хмыкнул Лев, привыкший не обращать внимания на Артуровых девиц. Как-то их, этих девиц, за последний год стало слишком много, но вот беда — при этом ни одной, чье имя хотелось бы запомнить.

Ни одной... Анны.

— Арту-ур, что это за злобный дядька? — капризно протянула девица, прижимаясь грудью к его спине и обдавая запахом приторных духов.

— Очень злой режиссер. Иди, детка, иди.

— Ну ла-адно, я подожду...

— Нет, — получилось резче, чем стоило бы, но куда мягче, чем хотелось. — Не жди. Уходи и не приходи больше.

— Арту-урчик, ми-илый, не будь такой букой. Я сделаю тебе массажик...

Резко вскочив с табурета, Артур развернулся к томной девице.

— Никаких Артурчиков и массажиков. Уходи.

— Ну Арту-ур...

— Есть тут охрана? — очень зло встрял Бонни. — Вывести этот синьора немедленно!

Девицу, обиженно хлопающую коровьими ресницами и колыхающую силиконовой грудью, в самом деле вывели. А Артур устало сел обратно к роялю, побежал пальцами по клавишам. Лениво прислушался к разговору Бонни со Львом — они обсуждали только что симпровизированный дуэт. И вдруг понял, что нужно делать. Так просто! Идеально просто! И почему он, дурак, раньше не додумался?

Он вскочил из-за рояля, одержимый гениальной идеей. Кивком попрощался с Бонни и ребятами, на ходу нацепил куртку прямо на концертный костюм, вызвал Яндекс-такси. В машине прикрыл глаза, чувствуя, как губы неудержимо разъезжаются в счастливой улыбке.

Он это сделает, и Аня не устоит. Пусть она сколько угодно заявляет, что между ними только секс и ничего кроме секса. Чушь это все. Просто ей нужны доказательства его любви.

Ухаживания. Цветы. Подарки. Ужины в ресторанах. Красивые признания. Все то, что они не успели, когда были юными студентами. Все то, что было принесено в жертву его карьере и успеху. То, чего хочет каждая женщина. Это же так просто! И он ни за что не отступит. Он завоюет ее, свою Миледи!

— Э, приехали. Спишь, что ли? Приехали, говорю, — вывел его из полудремы голос таксиста.

— А... ага. Сколько я должен?

— Сколько не жалко.

Сунув таксисту какую-то купюру, Артур вылез из машины во дворе... мог бы сказать «своего дома», но это было бы откровенным враньем. Во дворе нового элитного дома, так и не ставшего своим. Пройдя несколько шагов до подъезда, машинально приложил ключ к замку, и тут...

— Артур! — послышалось за его спиной одновременно со звуком захлопнувшейся дверцы авто. — Артур!

Глава двадцать четвертая

Аня

Она проснулась с ужасной головной болью, отчаянным сушняком и ощущением ужасной ошибки. Катастрофической. Непоправимой. А первым звуком, который она услышала сквозь уходящий сон, было неприлично довольное мурлыканье «Утомленного солнца». Откуда-то из соседней комнаты. Или с кухни. Чужой кухни. И звяканье чужой посуды. И запах чужого... или не совсем чужого кофе? Именно такого, какой она любит, с розовым перцем и черным кардамоном.

С трудом разлепив глаза, она оглядела незнакомую комнату. Большую, светлую, безликую и какую-то нежилую, словно гостиничный номер. И зажмурилась обратно, потому что в памяти начали всплывать картинки прошлого вечера — вроде ответа на вопрос «как она докатилась до жизни такой».

Первой картинкой был оторванный фанатками рукав пальто и перемазанное губной помадой лицо Артура. Этот проклятый рукав висел перед глазами, как красная тряпка перед быком, и действовал так же. Убийственно. Аня попыталась отогнать воспоминание вместе со злостью и обидой, и ему на смену пришел домашний скандалчик, устроенный Катериной. Юная звезда, отданная в безжалостные лапы репетиторов, высказала матери все, что думала о родительском произволе в целом и о «хорографии» в частности. В выражениях и эмоциях девочка не стеснялась, а учитывая, как она при этом была похожа на злого папу...

Орать на нее в ответ Аня не стала. Ничего объяснять мирно и спокойно — тоже. Сил не было. Ни на что не было, если честно. Поэтому она позорно сбежала. Молча. Даже дверью не хлопнула. И расплакалась — в лифте. От усталости, обиды и бессилия.

Вот почему, а? Почему у нее все через одно место? Мюзикл-мечта не радует, мечь Артуру — вообще ужас какой-то. Ей следовало торжествовать и наслаждаться его побитым видом, а она... а ей... ей стало стыдно. Отвратительно, отчаянно стыдно. И страшно, что после этой чертовой мести все, что еще могло сложиться, сломается окончательно. Что Артур больше никогда не скажет ей «люблю», никогда...

Аня зажмурилась и накрылась одеялом с головой, потому что перед глазами всплыла вторая картинка.

Бар «Последняя струна», столик у окна, фанатский сайт «Крещендо» в смартфоне и бутылка мартини. Боже, какое же было жалкое зрелище! Одинокая заплаканная женщина тет-а-тет с выпивкой. Тет-а-тет, правда, не продлился долго. Ведь женщина с мартини — это почти как женщина под красным фонарем, только бесплатная. Именно с таким выражением морды к ней вчера и клеились. Двое... или трое... Неважно. Она всех послала. Последнего кажется даже матом, итальянским. Почему-то ее вчера пробило на итальянский мат. Кажется, после того как она увидела на сайте этот самый чертов оторванный рукав...

Вспомнилось, как она сбежала от последнего «ухажера», поймала такси и велела ехать... сюда. По дороге репетируя речь. Обвинительную. Состоящую больше чем наполовину все из того же итальянского мата. Боже. Стыдно-то как!

Явилась, как озабоченная фанатка, выяснять отношения. Наорала. Разрыдалась. Снова наорала. Даже по морде съездила, что-то крича про чертов оторванный рукав. Правда,

промазала. И сама свалилась — поскользнулась на свежем льду. Коленка до сих пор болит. Хорошо, ее вовремя поймали и не позволили ничего себе сломать. Хотя может и не сломала бы. Пьяным и дуракам везет. А она вчера именно такой и была — пьяной дурой. Дался ей этот рукав!

Она бы зажмурилась сильнее, но было уже некуда. Оставалось разве что сбежать, пока он где-то там мурлыкает и варит кофе. Тихо-тихо сбежать...

Высунувшись из-под одеяла и морщась от слишком яркого света, Аня попыталась найти взглядом свою одежду... хм... как-то она совсем не помнила, каким образом оказалась раздетой. И что вообще было потом, после того как ее на руках несли в квартиру, а она вырывалась и орала что-то... а черт бы помнил, что именно! Но кажется там опять фигурировали фанатки, помада и рукав...

«За что, за что, о боже мой!» — тут же зазвучали в голове куплеты из «Летучей мыши». Очень, очень подходящие к случаю.

— Анечка, — послышалось тихое от двери, — с добрым утром.

Аня вздрогнула, волевым усилием заставила себя выпрямиться (а не забиться под подушку) и независимо поглядеть на Артура, вошедшего в комнату.

Бывший был одет в одни лишь трусы и выглядел... да как он смеет, зараза, так выглядеть, когда у нее похмелье? Свежий, чисто выбритый, бодрый и довольный жизнью, как... как... сволочь! Мерзавец! Еще и кофе ей принес! С миндальными пирожными! И мензурку с какой-то шипучей дрянью, наверняка от похмелья. А чтобы мало не показалось, на краю подноса еще и роза лежала. Белая. Негодяй!

Негодяй присел на край кровати, нежно улыбнулся и, поставив поднос себе на колени, протянул ей мензурку.

Аня ее царственно приняла и выпила антипохмельную дрянь. Прикрыла глаза — всего на мгновение. Не потому что ей было стыдно, а... а просто так. И почему-то не возмутилась, когда ее осторожно поцеловали в кончик носа. Только вздохнула.

Организм замер в размышлении: подействует шипучая дрянь или расстаться с ней немедленно?

— Кофейку или сначала тазик? — непринужденно осведомился Артур, касаясь прохладной ладонью ее лба.

— Кофейку, — почти не сипло ответила Аня, открывая глаза: организм определился, и тошнота отступила.

Артур смотрел на нее без малейшего ехидства. Хорошо смотрел, открыто и спокойно. Так, словно она вчера не устроила ему... то что устроила.

«За что, за что, о боже мой?!»

— Я... извини, — пробормотала она после пары глотков кофе и отвела взгляд. — Не стоило мне...

— Стоило, Ань, — очень серьезно оборвал ее Артур. — Жаль только что вчера, а не пару лет назад.

Аня передернула плечами. Пару лет назад ей казалось, что они справятся. Каким-то чудом все наладится без скандалов, что Артур поймет, изменится. Ужасно глупо.

Особенно глупо то, что она даже толком не помнит, что вчера ему наговорила. Ну кроме проклятого оторванного рукава. Как-то она совсем потеряла самоконтроль.

— Прости меня, Анют. Я такой дурак, я с ума сойти какой дурак. Хуже Д`Артаньяна.

— Хуже, — согласилась Аня. — Вокалист ты, и в голове у тебя резонаторы.

Артур только плечами пожал. Ну, вокалист. Ну, резонаторы.

— Я тебя люблю, — сказал он самое главное. — Ты только меня не прогоняй.

Теперь уже она пожала плечами. Толку-то его прогонять. Если сама приперлась.

— Вкусный кофе, — сказала она, только чтобы что-нибудь сказать.

На «Я тоже тебя люблю» она пока была не готова, как и на «Возвращайся домой, придурок».

— Ань, давай сегодня сходим куда-нибудь поужинать. После репетиции.

О боже. Репетиция. Сегодня — опять! Две штуки! Сначала в Оперетте, потом с Бонни. Если она после этого сможет на ногах стоять, уже будет чудом. А дома — Катя с декларацией независимости и воплями на тему «херографии». Впрочем... а черт с ними, с воплями. Она не обязана их слушать.

— Не поздновато ли ты зовешь меня на свидание? — все еще не в силах расслабиться и не искать подвоха, спросила она.

— Сходить на свидание с самой красивой женщиной на свете никогда не поздно, — заявил Артур и убедительности ради поцеловал ее руку.

Ох, как поцеловал... Неторопливо, уверенно коснулся сначала пальцев, а потом перевернул кисть и провел губами по запястью, там где пульс. Ане тут же захотелось запустить пальцы ему в волосы, притянуть его к себе и...

— Ладно, сходим... Артур... Ох, Артур!..

«Шествие троллей» в металлической аранжировке раздалось, когда Аня напрочь позабыла и о репетиции, и о нечищенных зубах, и о всяких глупых ссорах. Она вздрогнула, оттолкнула Артура — но он и сам отстранился, неохотно и с сердитым ворчанием:

— Я убью тебя, лодочник!* — наверняка имея в виду Бонни Джеральда. Или Леву. В общем, работу, которая жизнь. И, уже нащарив телефон на тумбочке, но до того как принять вызов, обернулся к Ане: — Вечер — наш. Обещаешь?

— Обещаю.

...

— Вот что ты смеешься? — недовольно проворчала женщина его мечты. — И вообще, останови машину!

Теперь рассмеялся Артур.

— Останови, говорю, повторила Аня. — Я выйду за квартал. Чтобы никто не видел!

Его женщина. Вредная, скандалящая, вывалившая вчера на него все беды мира, включая бунт дочери, ревность к фанаткам — какие, оказывается, стойкие помады нынче! Еще было что-то про муки совести самой Анны, в которых виноват тоже он. Ладно, согласен. Он на все был согласен вчера, потому что жена пришла сама. Видимо, донести до него, насколько он ей безразличен.

И еще она сказала, что накануне приехала его караулить, чтобы запалить с фанаткой и уж точно перестать переживать из-за мести. И понять, что все она сделала правильно. Отомстила по делу! А он, подлец такой, и тут ее обломал. Вот что он за человек. Гад ведь, а не человек!

Он нес ее на руках. К себе. Как первобытный охотник. И чувствовал он себя при этом совершенно счастливым.

Главное, чтобы Аня про эти красоты свои не вспомнила. А то и в этих ее «бедах» останется виноват он. Подлец же.

И даже от этой мысли он улыбался.

Артур старательно прижался к тротуару, включил аварийку и развернулся к жене.

— Съешь лимон! — незамедлительно приказала Аня.

— Не поможет. — Он отстегнулся и обнял ее.

— Я пойду, — пробормотала жена. И вдруг ему показалось, что она смущена. Что?

Такое бывает?

— Ань. Ну... Ты чего?

— Я боюсь, — вдруг тихо проговорила она.

— Чего?

— Не знаю.

Он чувствовал, как Аня чуть вздрагивает в его объятиях. Что ее что-то гнетет.

— Эй.

Артур нежно коснулся ее подбородка. Погладил. Приподнял, заставляя посмотреть себе в глаза. И ведь знал же, что Аня этого терпеть не может. Как и любой намек на снисходительность и покровительство, но...

— Все будет хорошо, — приказал он. Потому что просто был в этом уверен. — Главное, мы вместе.

Сказал — и замер на мгновение, потому что вдруг показалось, что Аня снова начнет протестовать, ослиться и бараниться...

Но она вдруг вздохнула, отпрянула, щелкнула зубами у самых его пальцев — ну, чтобы уж совсем не зарывался. И вдруг прильнула к нему.

— Только не надо пока говорить всем, — пробормотала она. — Снова кинутся помогать, и снова получится какая-нибудь фигня.

Он хотел было заспорить, потому что это было не совсем справедливо к тем людям, что поддерживали его все это время, которые дали шанс им с Аней быть снова вместе. Которые мюзикл затеяли, в конце концов, чтобы он и Аня... Но спустя мгновение, мысленно попросив прощение у всей честной компании, почти беззвучно выдохнул:

— Счастье любит тишину.

Он провожал ищущую к «Оперетте» Аню взглядом, снова улыбаясь от того, какой он все-таки счастливчик.

А на репетиции он старательно двигался по сцене, повторяя движения за Бонни. О, его бедная спина. И правда, «хорография», надо поговорить с дочерью.

Он улыбался Леве, добешивая того до края — и ничего не мог с собой поделаться, хотя и Ванька, и Сергей всеми своими сверхвыразительными жестами и пантомимами объясняли: угомонись. Видишь, маэстро не в духе.

Он пел с Констанцией дуэт, с удовольствием отыгрывая все, что хотел от него Бонни. Главное, чтобы эта белошвейка не поняла его неправильно. А то еще отбиваться придется, как вчера от фанаток. Следы ее помады Аня так просто ему не простит.

— Привет. — Услышал он спустя несколько часов. Голос, который ждал. — Как вы тут?

— Армагеддец, — первым ответил Иван.

А Артур, пользуясь тем, что режиссер чертовски занят, подошел и взял ее руку в свою, прикоснулся губами к ладони.

— Мы же договаривались, — прошипела любимая, розовея скулами и ушками.

— А, не парься. На нас все равно никто не смотрит. Им не до того.

И это была святая правда, потому что Лева снова сцепился с Бонни. Артур даже не понял, по какому именно поводу. Вот все было отлично, они сделали очередную сцену,

Артур сходил за кофе, а когда вернулся...

— Да твою через... — донесся великолепно поставленный баритон Льва.

Ого! Парнями переглянулись. А Артур так поразился, что даже от поглаживания Аниной ладонки отвлекся! Вот такое вот услышать от пафосного Левушки, редкостного сноба, до офонарения гордящегося тем, что все люди как люди, а он натуральный принц и не позволяет себе обсцентную лексику! Зато как Левушка поджимает губы, слыша ее от кого-либо! Особо поджимает, когда от Олеси.

— Ты это слышал? — тихо спросил Иван у Сергея, уже записывая Левины тирады на телефон.

Конечно, для личного пользования. Олесю же порадовать надо. Да и в последний раз они забивались, что Лев сорвется на мюзикле. Классически забивались, на сто баксов, без изысков с серебряными монетами.

В ответ на Левину характеристику Бонни схватился за табуретку. Крепкую такую, из тех, что изображали мебель в мушкетерском трактире.

— Эй-эй! Парни! Вы чего? — привстал бас.

Бонни в ответ высказался на жгучей смеси языков, но всем стало понятно, где он видел видение русского непрофессионала в трактовке мизансцены. Лева прищурился, убийственно сверкнул глазами. И другая табуретка оказалась уже у него в руках.

— Они друг друга не поубивают? — озабоченно спросила Аня, пригнувшись от очередного особо экспрессивного пассажа, сопровождаемого грохотом чего-то обрушившегося.

— Эй, парни, не ломайте декорации! — крикнул Сергей.

Не помогло. Эти двое орали друг на друга, как помоечные коты в марте, и у Бонни в руках снова была табуретка, которой он замахивался на Льва.

— Слушай, ты! — на сцену выскочил Сергей, в руках у которого оказалась невесть откуда взявшаяся бутылка с водой.

Миг — и знаменитый итальянец оказался мокрым как помоечный кот. О, как замечательно газированная вода стекала с его роскошных кудрей! Шипя и пузырясь!

Бонни странно так посмотрел на баса...

Даже несмотря на солнечный пофигизм, осенивший Артура с самого утра, он уже стоял за плечом у боевого товарища. И ждал отмашки, чтобы прижать к ногтю распоясавшегося итальяшку. И Ванька, с непростым, серьезным лицом, тоже был рядом.

— Вы чего? — спросил у них Бонни. — Вы...

И заржал.

А Лев — покрутил пальцем у виска и заорал на баса, не сбавляя громкости:

— Совсем ...? Ты что ... творишь? Не видишь, ..., мы работаем, ...!

— Чего-чего вы делаете? — переспросил обалдевший Сергей.

— Работаем мы! Иди-иди. Не мешай творческому процессу, — чуть менее матерно поддержал Льва Бонни.

Артур недоуменно переглянулся с Аней. Это ледовое побоище у них называется «творческий процесс»? Мать твою виолончель!

— Э... ухажу, ухажу... И вообще — да пошли вы оба! — Сергей поднял руки, отступил на шаг и тоже заржал. Потому что эти двое, едва одарив его грозными взглядами, снова схватили табуретку — и продолжили с того же места. Сначала вполголоса, видимо, настраиваясь, а потом — во всю мощь двух отлично поставленных голосов.

— Дурдом, — прокомментировала Аня.

— Да пусть, — махнул рукой Артур и спрыгнул со сцены в зал, к Ане. — Хоть кофейку выпить, пока у них творческий процесс...

— Ну наконец вы помирились, — словно черт из табакерки возник рядом Иван. Довольный, словно в лотерею выиграл.

— Мы... э... — синхронно отскочили друг от друга Артур с Аней.

— Шифруетесь? И правильно, — кивнул Ваня. — Я никому не скажу.

И похлопал Артура по плечу.

Почему в этот момент Артур почувствовал себя конченным придурком? Зато — счастливым придурком.

— Ладно, можешь принести мне кофе, — насмешливо фыркнула на него Аня и уселась на первый ряд, дальше любоваться бесплатным представлением.

Правда, кофе они выпить не успели — их обоих, стоило Артуру вернуться в зал, сразу же припахал Бонни. И пахали они часа, наверное, два. Или три. В режиме «десять минут до канадской границы». А когда Бонни смилостивился и отпустил Д`Артаньяна с Миледи со сцены, и они без сил рухнули в кресла в зрительном зале, у Сергея зазвонил телефон.

— Слушай, мне не очень удобно говорить, — начал было бас. Причем ясно было, что неудобно ему говорить, потому что два гения снова сцепились. И снова не выбирая выражений.

— Кто поет? Девчонка? В вашем притоне? — вдруг голос Сергея стал серьезным и хмурым. — Артур, глянь. Наши же.

Артур вздрогнул от неожиданной беспомощности, что резануло как бритвой слух.

Потом кинул взгляд в телефон...

— Твою ж! — пробормотал он.

Видео было отвратное, звук ужасный, но ужаснее всего было то, что на этом видео в самом деле были Катя и Маша. Катя с гитарой, Маша с микрофоном, двое мальчишек с клавишами и ударными, и все это под пьяный гогот и пивное бульканье.

— Что это? Где? — подскочил Артур.

Аня рядом только охнула и схватилась за голову.

— Байкерский клуб на Воробьевых. Что их туда понесло? — поморщился Сергей.

— Откуда я знаю! Адрес скажи!..

— Что происходит? Это Маша? — влез Бонни. — Это Кэти?

— Звоним Олегу, — сразу предложил Сергей, — просим подтянуть парней и вытаскиваем дурынд этих?

— Сейчас же! — в голосе Ани звучала отчетливая паника.

Артур и сам запаниковал. Чем грозит двум девчонкам выступление в подобном притоне, он даже представлять не хотел. Не зря же приятель Серого позвонил предупредить!

— Что стоим? Поехали! — внезапно распорядился Бонни. — Нельзя вмешивать охрану! Их же работать больше никуда не позовут, — и добавил по-русски: — Без охрана! Надо ехать сам!

И они рванули.

* «Я убью тебя, лодочник» — цитата из песни профессора Лебединского.

*Планы на день: не косячить.
Держаться. И не косячить.
Задействовать все резервы. И не косячить.
ЧЕРТ! ЧЕРТ! ЧЕРТ.
Не усугублять.*

Маша

За каким терцквартаккордом — не сказать покрепче — она согласилась на эту авантюру? К тому же, в отличие от Кати, прекрасно осознавая, что уж прилетит так прилетит.

Со всех сторон. И родители Кати в перечне тех, кто будет остро жаждать девичьей крови — не самые страшные существа. Да и Машина собственная мама... Гм... А вот Томбасов и вся его злобная охрана...

Хотя... Бунт, он такой. Потому что... Да в конце концов! Мама включила училку, и договориться с ней стало просто невозможно! А теперь она и вовсе исчезла. А у Маши...

От тряски на заднем сидении древней лады-универсал, на которой они ехали в клуб, у Маши болела каждая мышца. И каждая кость тоже! Осталось только погуглить, могут ли кости болеть...

А, по фигу мнение Гугла! Шесть раз в неделю по два часа хореографии — тут не только кости, тут волосы — и те заболят!

Кто б знал, что бунт против школы выльется в такое вот! Она на такое не подписывалась! Черт же ее дернул поддержать Катю в дурацком мятеже. Она что? Маму не знает?

Главное, было б против чего бунтовать-то! Учеба по минимуму — чисто приличия соблюсти. Учителя, с которыми, если не быковать, вполне можно было договориться. Вполне достаточно свободного времени. И на ее любимый пиар хватало, и на занятия музыкой. И даже на доску два раза в неделю. Как ее записал Ваня с лета — так она неуклонно и занималась.

А тут. Обложили же! Шесть раз в неделю хореография, и по два часа в день инструмент! Без выходных! Вот как бы она фортепиано не любила, но превращать ее в Леву?.. Ы-ы-ы! Плюс вокал. Плюс сольфеджио и прочая теория музыки. От заката до рассвета.

И все это на двоих. Не на тридцать человек, когда учителю просто не до тебя и списать можно! А тут? Попробуй, спиши хореографию! У-у-у!

Она убьет Катю.

Точно.

Вот после этого приключения и убьет.

— Не кисни! — пихнула ее в бок будущая жертва.

Глаза ее горели темным огнем нездорового энтузиазма. И остановить эту жабу

зеленоволосую можно было, только пустив ей с горки паровоз в лоб. И то — паровоз наверняка проиграет.

— Ой, Катя, — вздохнула Маша тихо-тихо, чтобы не привлекать внимания Дениса с Пашей.

— Да ладно тебе! Отработаем в клубе, наснимаем материала. Смонтируем отпадный клипешник! Нужно как раз что-нибудь этакое, улетное! — Катя выписала руками в воздухе странную фигуру, подозрительно напоминающую скрипичный ключ. — Весь городской материал — отстой. Нерва совершенно нет. И вообще голимый стандарт. А тут будет супер.

— Супер, — обречено кивнула Маша.

— Твои точно отснимут материал?

— Да. Приехали уже из Питера.

— О. Супер. Вот мы все и провернем! Смотри, как классно все выходит. Твои умотали куда-то. Мои... — тут голос у Кати дрогнул, а нездоровый оптимизм сменился такой же нездоровой злостью: — Опять переругались. Придурки старые. Им ни до кого...

— Да помирятся, Кать, — попробовала утешить ее Маша.

— П-фе! — выразила свое отношение к предкам Катя, тряхнула зеленой головой и с нагужной радостью продолжила: — Ты смотри, как все удачно! Из консы мы слиняли, нас до полуночи не хватятся.

Маша хмыкнула. Такой наивности, как отсутствие наружного наблюдения в консе, где они с Катей занимались фортепиано и вокалом, она от Петра Ивановича не ожидала. Как будто им по пять лет и они не в курсе, что камер внутри консы нет, а контроль идет только через смартфоны. Тоже мне, проблема, попросить девчонок-студенток потаскать телефоны с собой! Они ж не дуры, положить их в аудитории — неподвижный сигнал быстро привлечет ненужное внимание. Короче, лопухнулся Петр Иванович.

— Ох, что нам Петр Иваныч устроит...

— Не дрожи. Никто и не узнает! Приедем в клуб, отыграем. Пашка молодец, а? Как быстро договорился о выступлении! Так вот — мы отработаем, наснимаем — и домой. У наших репетиция до ночи, дурдом, о нас и не вспомнят!

— Ага... Не вспомнят, как же... — Что-то Маша себя чувствовала старушкой на лавочке, прям так и тянуло покаркать.

— Ой, не пессимизди! — опять фыркнула Катя. — С нами же парни, зря что ли мы с мамой их усилки и гитары с детской площадки перли. Учись, как заводить полезные знакомства! Где бы мы еще нашли такого отличного клавишника! А Денис на ударных — вообще бог, скажи!

— Угу, — буркнула Маша, покосившись на Дэна.

Ладно-ладно. Тут Катька права. Парни в самом деле — супер.

— И вообще, — продолжала моральную подготовку Катя, — вот папа. Он нас поймет. Сам же так начинал!

У Маши были свои мысли о том, как Артур отнесется к их вылазке. Если узнает, конечно. Но с другой стороны... Вот лично у нее — бунт. Да и Катька с ее идеей клипа — чертов гений.

Это ж не любимая мамой бардятина в стиле «Солнышко лесное» и не вечный «Олень» квартета. Это... классно. Крышесносно. До мурашек размером со слона. И вообще — им так уши подвынесли с некой Джульеттой, у которой миллионы просмотров между сольфеджио и хореографией, что ответить так, чтобы все вздрогнули — уже дело принципа!

Так что бунт. Жестокий и беспощадный.

И Катя права. Отлично же все! Из консы свалили легко и непринужденно, мимо охраны прошли в середине студенческой компании, в чужих куртках. Даже слишком как-то легко. Маша каждый момент ждала, что сейчас из-за спины вынырнут люди в черном с непростыми лицами.

И что больше всего ее нервировало — это реакция мамы на цвет волос. Вот пойти по стопам Кати окончательно, то есть отпилить косу, да еще и сбрить половину головы под еж... Как советовал стилист. Вот на это ее не хватило. А вот выкрасить волосы в радикально-фиолетовый с золотыми и черными прядями — да. Хватило. И смелости, и денег на карте.

На самом деле, ей самой понравилось. Ну и содрогания от суммы, которую она отдала, были больше, чем от содрогания от будущей реакции мамы.

Так. Хватит! Она самостоятельная, обеспечивающая сама себя барышня. Музыкант. Продюсер. Потому как Катины идеи оплачены были с ее зарплатной карты. И она считает, что это — идеальное вложение капитала. Главное, чтоб не запалили раньше времени!

— Приехали, — сообщил радостный (ох, не к добру!) Дениска. — Вылезаем, красавицы, разбираем инструменты.

Клуб был ужасен. Контингент — просто атас. Стремные бородатые дядьки с пивом, а перед входом — выставка байков.

Но трудности Машу не смущали. В конце концов, ввязались в бой — а там куда кривая вывезет. Лишь бы для начала уболтать администратора, изрядно татуированную крашеную блондинку в черной коже, что им есть восемнадцать. Как представил ее Пашка:

— Анжела, это Маша и Катя, учимся вместе.

— Ну, учитесь-учитесь, — устало махнула рукой она. — За девиц отвечаешь сам. Предупредил их, что зеленым мы не платим? Ваши — только чаевые, — строго глянула она на девчонок.

Маша с Катей кивнули.

— Половина от суммы, — скривилась блондинка.

— Хорошо! — радостно выпалила Катя раньше, чем Маша успела наступить ей на ногу.

— Ты!.. — разъяренно зашипела на нее Маша, одаря фирменным Левиным взглядом, который суть отличное оружие ближнего и дальнего боя, и тут же озвучила его первый и главный принцип: — Бесплатно только птички поют!

Катя подняла руки вверх, признавая поражение, и умчалась вслед за Пашкой и Дениской, отстраиваться. А пиар-менеджер «Крещендо» медленно повернулась к администратору. Та смотрела на нее, не скрывая улыбки. Лицо вдруг перестало быть насупленным и усталым.

— Первое выступление? — спросила администратор.

— Ну первое, — неохотно признала Маша.

— Вот что я тебе скажу, девочка. За первое выступление обычно дают просто еду. А с учетом того, что вы — молоденькие, свеженькие, явно богатенькие, и от вас можно поиметь кучу проблем. Да и охрана будет на измене... Я щедра. Пожалуй, что и необоснованно.

Маша подумала. И, тяжело вздохнув, согласилась. И потом. Что-то подобное она от квартета слышала. Да и парни из консы пели в переходе не только для отработки навыков общения со зрителями.

Кстати, надо Кате дать шикарную идею: второй клип надо писать или в переходе, или в

метро! Там тоже типажей набрать можно.

Но это в том случае, если их не прибьет собственная охрана. Которая, скрестим пальцы на счастье, вообще ни о чем не узнает!

Так. А теперь осталось завести публику, чтобы на видео местные завсегдатаи получились отменно. Но это уж зависит от того, зайдет им музыка, или... Стоп! Никаких или! Работаем. Где там питерские приятели с телефонами? Которые должны все это действие снимать тайно, чтобы получился полный эффект погружения и присутствия.

Главное, чтобы не полный... вперед.

Как там Катя говорила — не пессимиздить?

...

— Театр уж полон, ложи, так сказать...

Машка со вздохом оглядела клуб. Огромные как на подбор дубы. Мужики, с любопытством поглядывающие на них. Кожанки, татухи, банданы. И рев мотоциклов, доносящийся сюда, в импровизированный концертный зал. Питерские приятели как-то потерялись совсем в этом рассаднике, ох, брутальности.

— Класс, — шепнула за спиной Катя. — Машка, прикинь, какая картинка будет.

Маша снова не смогла удержать вдоха. В ком-то пиар-менеджер и продюсер подышало в муках.

— Работаем, — к ней, стоящей на полшага позади, развернулась Катя.

Погнали.

Первый аккорд, второй — они сегодня с гитарами. Баса бы им еще хорошего — и вообще б зашибись.

А потом — Бунт. Зло. Несправедливость этого мира, подростки и взрослые — никогда не понимающие... Отчаяние. Жажда любви. И зеленые волосы как символ непонимания.

Черт, как классно-то!

Это все того стоило. Музыка должна жить! А такая!!!

С трудом открыть глаза, приходя в себя после потока магии, в который попали.

Увидеть замершую тусовку мужиков, что на мгновение — пусть хотя бы на мгновение, но замерли, перестали пить свое долбанное пиво и прислушались. Хлопки... Но... вежливые. Маша-то более чем способна различить, когда бьют в ладоши в полном экстазе, совершенно забыв обо всем, даже о себе.

Катя обернулась в растерянности. Встретилась взглядом с Машей и поклонилась, прижав руки к груди.

— Спасибо!!!

То-то! Работаем! Помидорами не забрасывают — уже хлеб!

Маша оглядела зал. И вдруг ее осенило! главное, чтобы парни знали. Планшет, аккорды. Главное — текст. Там же до черта куплетов.

— Катька, — бросила в напряженную спину юного гения. — Разогреваем! «Беспечный ангел».

Первый удар барабанщика — как первый удар сердца. Первый аккорд — как узнавание. «Мы с тобой одной крови»!

«Мы всегда обкатываем песни, — вспомнила она слова Левы. — Мы можем предлагать все что нам нравится. Вопрос, зайдет публике или нет». Как-то они с Катей этого не учли.

Заканчивали они уже в полном единении с публикой. Старая добрая «Ария» — хорошо, что с такой мамой как у нее все будешь знать. Особенно, если под эту самую «Арию» уборку

делать каждую субботу. Да еще и Гарика Сукачева для бодрости духа.

А вот Катька откуда знает? У нее ж семья консерваторская. Надо будет попытаться.

— Это треш! — развернулась к ней Катя. Огоньки в ее глазах стремительно гасли.

— Пой, зар-раза! — донеслось от кого-то из парней. И это подействовало на девчонок просто волшебным образом. Чародейски.

А вот если чередовать Катькины опусы с чем-то древним... Что ж, попробуем?

Попробовали — пошло очень даже ничего. Даже увлеклись. И все было почти здорово. Пока...

Он был здоровенным. Нет, гигантским, как тираннозавр. Лысым. С рыжей бородой. Такому бы в «Викингах» сниматься без грима! И он шел к ним. Решительно и неумолимо.

Ой мама-а... Кажется, у кого-то задрожали коленки. И кому-то резко захотелось спрятаться за Дениской и его ударной установкой. А для верности загородиться Пашкой и его «Ямахой». С публикой же пусть общается Катьку, она ж хотела, вот и пусть. Общается. И вообще, где уже Петр Иванович? Почему он до сих пор их не нашел?! А то как обещать, он горазд, а как тираннозавр бородатый — так и где?..

— Девочки... — пробасил тираннозавр.

— Да, — пролепетали они хором.

«Не бейте, дяденька», — так и просилось на язык. Но Маша все-таки открыла глаза. Героически!

— А вы «Милую мою» знаете? — умильно улыбнулся тираннозавр.

Вот он, когнитивный диссонанс. Теперь Маша точно знала, как он выглядит. Рыжий и лысый тираннозавр с умильной улыбочкой.

— Да... — громко и звонко ответила Маша, пока Катька шипела что-то под нос. Маме бы понравилось. Ну, после того, как она погрозила бы помыть ей рот мылом. — Мы знаем.

— И «Оленей» знаем, — с нехорошими интонациями встряла Катька.

— О! Еще одна моя любимая песня!

Рыжий тираннозавр просто растекся в улыбке. Прямо как Чеширский Кот. Нет. Чеширский тираннозавр. Бр-р! Ужас!

— Е-е-е-е!!! — разразились аплодисментами остальные дубы татуированные.

Гвалт. Свист. Занавес.

— Ничего и они не понимают в музыке, — проворчала Катя. — Придурки.

Но Машка махнула рукой, хотя в данный момент больше подошел бы фейспалм. Но — нет уж. Не дождетесь! Погнали!

Надо бы, кстати, сделать хоть нормальную аранжировку этого китча. В Катькиной манере. Раз уж людям так нравится. Хотя с чего, а? Жуть же!

Но в целом, если разбавлять нормальную музыку жутким бесячим старьем, жить можно.

Ага. Можно. Было. Ровно до того момента, как распахнулась входная дверь, простонав горькую песню о том, что не надо ее срывать с петель, она еще жить хочет! И на пороге нарисовалась разношерстная компания.

Трое — нормальные такие байкеры. Джинсы, косухи, щетина. Морды знакомые: Сергей, мерзкий итальянец и английская шишка, Томбасова дорогой бизнес-партнер.

И еще трое. Тоже джинсы, толстовки-куртки, гриндерсы. Правда, выглядели все равно так, словно приперлись в смокингах на прием к президенту. Лев, Иван и — Артур. Ой. Ой-ой-ой. Кто бы мог подумать, что милого, безобидного Катькиного папу можно испугаться сильнее, чем викинга-тираннозавра, идущего на таран?

Ой-ой. Этот же всех байкеров земного шара положит насмерть. Одним взглядом. А уж Машу с Катькой...

Капец им.

К живописной группе кинулся какой-то мужик, местный судя по всему. Он успокаивающе поднял руки. Типа, все в порядке, парни. И даже под контролем. Артур отстранил его легким движением руки и сделал шаг вперед.

Маша немножко пригнулась. Инстинктивно. И только собралась оглянуться в поисках путей отступления, как за спиной раздалось неуверенное Катькино:

— «Надо мною тишина...»

Байкеры, только успевшие вдохнуть после эпического явления, снова замерли. В предвкушении. А Денька с Пашкой тут же подхватили — клавиши, ударные. Маша тоже. Слажено, четко. Словно всю жизнь «Я свободен» репетировали.

Артур замер. А Маша вдруг вспомнила, что это его любимая песня. Как он там говорил: «Может, я всю жизнь ее с Кипеловым мечтал спеть».

— «Небо, полное огня», — словно против воли подхватил он. Без микрофона.

На мгновение стало завидно. Потому что такое ощущение, Артуру этот микрофон вообще не нужен.

Со вздохом к сцене подошел Сергей, запрыгнул и протянул руку:

— Гитару дай, Марусь. Бас нужен.

Маша отдала. Без звука уступила свое место у микрофона. Катя тоже ушла на подпевки. А Артур, Лев и Иван непринужденно уселись на край невысокого подиума. Вступили. Словно всю жизнь репетировали. И...

В клубе что-то изменилось. Что-то такое, неуловимое. До чего им с Катькой... А! Не пессимиздеть! Будет и у них с Катькой такое!

А когда смолкли последние звуки, когда все смогли дышать — ну, хотя бы через раз, когда отзвучал шквал аплодисментов, просто сносящий с ног, взрывающийся в голове, то... все услышали во дворе...

— Хрясь. Бам. Мать-мать!

И что-то выразительно английское.

Типа — не положено.

— Скот. У нас там девчонки. Они пропали... — на чистом русском.

И снова английский. Что-то вроде «пройдите прочь, сэр».

Маша посмотрела на Катю. Катя ответила ей недоумевающим взглядом. Обе глянули на невозмутимого английского лорда, уже присевшего за столик к местным байкерам и явно ощущающего себя там как дома. Мерзавец итальянский торчал за тем же столом и уже потреблял что-то из огромной кружки, при этом бурно объясняя что-то с помощью свободной руки и смеси русского итальянского и английского.

— Ах ты ж, рожа импортная, — донеслось с улицы. — Сэркает он. Парни, а давайте уже...

Дальше следовали замечательные обещания несдержанно-эротического характера.

— О-о! — воспряли байкеры и дружно уставились в окна. Даже стулья развернули для лучшего обзора и потребовали еще пива.

Тот, что заказывал девчонкам «Милую мою» с восторгом хлопнул в ладоши. И проговорил:

— Вы это... Девочки, приходите еще.

Артур, которому уже поднесла кружку за счет заведения готичная администраторша в черной коже, зарычал.

— Ну, чего ты дрыгаешься, папаша, — кто-то из дубов татуированных похлопал тенора по плечу. — Что ж мы, не видим, девки малые совсем. Свои такие же.

— Ду-уры, — с нежностью пробасил другой, обнимая за плечи Артура и подталкивая к выходу.

— Но поют хорошо.

— Особенно оленя. Душевно так.

Первым заржал... Лева.

Зараза эдакая. Вот от кого?.. Предатель! И эти хороши, Иван с Сергеем! Приехали за ними, а сами? Сами — куда? Что им, отсюда плохо видно, как во дворе дерутся?

— Еще спеть в «Лесу родилась елочка», — прошипела несгибаемая Катя, — и все. Позора не оберешься.

— Не говори «гоп», пока нового года не работала, — меланхолично заметил клавишник.

Взрослые же, завсегдатаи вперемешку с квартетом и иностранцами, высыпали во двор — с пивом, хохотом и азартным «ставлю на наших!»

— Может, тут и запремся? — спросила Маша, приблизительно представляя, что происходит снаружи.

Ну, это не говоря о том, что голос Вадима она опознала. Да и английских безопасников тоже видела. Странно, что еще мама не ворвалась. Вот тогда им всем точно армагеддец. Полный.

— Ага-ага, — разумно возразила Катя. — Чтобы следующим раундом чемпионата был взлом клуба и спасение нас на скорость? Нет уж. Кстати, смотри-ка, что это они там с байками делают?

Девчонки только успели прилипнуть к окнам, потому что интересно же! Когда еще увидишь, как русские с англичанами устраивают экстремальное шоу на свежем воздухе!

В общем, они с Катькой обернулись, только когда грохнула открывшаяся дверь и в клуб заглянул злобный Томбасов. Которого, ой бли-ин! И в Москве-то быть не должно! Как и мамы, слава всем макаронным монстрам... или уже не слава?..

— Ну привет, звезды, — протянул он... со странной интонацией.

— А мы тут... это... — проямлила Маша, отступая.

— Примус починаем, — насмешливо добавил Дениска, невзначай так загораживая Катьку собой.

О как! Не знает еще, что за зверь Томбасов. Иначе бы уже лез под стол от одной этой интонации.

Маша и сама бы влезла. Если бы успела.

Если бы за окном не послышался визг тормозов, мат-перемат, а затем звонкое такое, командное и ужасно знакомое:

— Стоять! Что здесь происходит? Где моя дочь?!

— Ой, мама... — невольно прошептала Маша и с чувством глубокого злорадства отметила, как побледнел Великий и Ужасный Томбасов.

Глава двадцать шестая

(Диалог Артура и Ани))

— Любимая, я сделаю все ради тебя.

— Подари мне розового летающего единорожка.

— Слушай, а вот это не могу.

— Что? Артууурррр!!!

Аня

Я и глазом не успела моргнуть, как осталась одна. Артур все же успел прижать к себе, сообщить: «Не переживай, я все решу». И... Все.

Была толпа мужиков. Нет толпы мужиков. Исчезли, как отряд Бэтменов с места преступления. Простите, с места очередных свершений.

Когда я, очнувшись, бросилась вслед за ними, выскочила через служебный вход, то... обнаружила уносящиеся вдаль три мотоцикла. По два «всадника» на каждом. Д'Артаньяны чертовы!

— Клуб хоть где?! — заорала я в отчаянии. — Уроды!..

Гудение возмущенных машин, вынужденных пропустить взбесившихся байкеров, было мне ответом. Перекрывая его, к какофонии прибавилась отборная площадная ругань. Моя. И... снова ровное гудение мегаполиса, который через одно пролетевшее мимо мгновение уже и думать забыл о том, что у кого-то из его букашек что-то там случилось. Дикое, выматывающее чувство беспомощности. До влажной липкой кожи между лопатками. До трясущихся упавших рук.

— Да что ж...

— Держи, — из дверей высунулась Милена с моим пальто. — Простудишься.

— Спасибо.

Я на мгновение закрыла глаза. Что? Что делать? Куда бежать. Девчонки. Что с ними?

— Мужики, — с презрением процедила Милена. — Все для них, все как они решили... Ненавижу.

Я даже вздрогнула. Вынырнула из липкой черноты и посмотрела на девицу-красавицу. Ее-то с чего бомбит?

— Не ожидала? — Милена смотрела с вызовом. — Их ненавижу, тебе — завидую.

— Мне-то с чего?

Меня вдруг затрясло, озноб пробрал до кончиков пальцев, даже дышать стало трудно. Поплотнее закуталась в пальто — вдруг поможет.

— Как ты всех построила. И дочка твоя такая же. Раз, и все запрыгали... А вот ради меня так... Никто и никогда...

Девчонка махнула рукой. Вот дурочка.

Я покачала головой — и пошла к шлагбауму, отгораживающему театральную стоянку от Большой Дмитровки.

— Постой, — донеслось мне в спину.

— Что? — я позволила ей себя догнать.

— Вот они где.

Вот она, пропасть между поколениями. Милена потыкала пальчиком в телефончик — и все нашла. А ведь всего-то на десяток лет меня младше.

— Спасибо! — кивнула я.

И принялась заказывать такси. Воробьевы горы, клуб «У Гуннара», обитель махровых байкеров. По пятницам — живая музыка. Хоть бы с дурындами ничего не случилось. Я вот сейчас доеду — и устрою всем им эту музыку. Мертвую только!

К самому клубу пробиться не удалось. Машины перегораживали подъезд совершенно, такое ощущение, что кто-то решил строить баррикаду, но потом отвлекся и все просто побросал как пришлось.

— Не проеду. Машину только побью, — сообщил мне водитель то, что я и без него понимала. — Куда это нас занесло? Учения, что ли, или кино снимают?

— Кино. Сколько с меня? — буркнула я, напряженно вглядываясь в творящийся вокруг клуба бедлам.

Понять, почему и зачем дерутся серьезные дядьки в черном и чему так радуется целая толпа бородатых мужиков с пивными кружками, не удалось. Для чего-то по-настоящему серьезного слишком довольные у всех рожки, да и ментов не видно. Я всмотрелась до боли в глазах. Ну, конечно. Вон он, Артур. Кто бы сомневался, в этой пивной толпе, а не рядом с дочерью. Где она вообще?

Водитель назвал сумму, напомнил, что оплата картой — но я уже не слушала. Выскочив из такси, я помчалась к клубу. Визг позади меня был такой, что я чудом отпрыгнула, отскочила, как заяц. Мимо меня пронеслась машина, не побоюсь сказать, на двух левых колесах. Как в каком-то боевике. Каскадеров они вызвали, что ли? Пока я, замерев, пыталась снова начать дышать, машина хитро сумела вылавировать между стоящими кое-как авто (ну надо же, а таксист уверял, что это невозможно) и, завизжав тормозами, остановилась, а из нее выскочила... Олеся. Точно, Олеся!

Я завороченно смотрела как, она перепрыгнула шлагбаум — хотя вход был рядом. Тут ей под ноги выкатились двое. Люди в черном — и чего они не поделили, не понятно. Но тут они попали. Олеся от души пнула обоих. И тут же над стоянкой поплыл исконно-посконный, родной, без примеси всякой итальянской гадости, русский мат. О как. И вот так. Интересно как. А еще и учитель! От нее так и шаршило яростью с примесью страха за родную деточку — всем тем, чем и я готова была щедро делиться с этим миром.

Олеся бросилась через стоянку. Расстегнутое пальто развевалось, как рыцарский плащ, волосы полоскались на зимнем ветру, а вокруг все горело и взрывалось.

Я кинулась ей на помощь — ведь убьют и не заметят. Ан нет. Откатились, вскочили с виноватыми рожами. А еще двое подбежали, принялись что-то ей втолковывать. Один — вылитый агент Смит из «Матрицы», даже очки и витой проводок за ухом такой же. Второй — Петр Иванович. Наш, родной. То есть Томбасовский.

— Олеся Владимировна, не волнуйтесь вы так, все под контролем... — попытался вякнуть Петр Иванович, на что получил забористый многоэтажный мат. Филолога сразу слышно.

— Олеся! — изо всех сил крикнула я, окончательно переставая понимать, что тут происходит. Развлекаются мужики, что ли? С ума сошли?

Когда я добежала, то поняла, что все замерли. И сражавшиеся люди в черном, и восторженные байкеры, и «любимый» квартет в полном составе. Примкнувший к ним английский лорд и наш гениальный режиссер. Притихший. Оба притихшие. Олеся остановилась ровно напротив них и выдала такое, что даже ко всему привычные байкеры заслушались. И по-моему, начали конспектировать. А лорд и режиссер — о чудо чудное! — словно бы даже усовестились.

Еще бы. Олеся была бела, как смерть, и настолько перепугана за свою дочь, что готова была переубивать всю эту толпу голыми руками. И я, честно говоря, очень хотела оказать ей посильную помощь.

Где Катя?!

— ...Где моя дочь? — закончила Олеся непере译имый шедевр русской словесности.

Над клубом повисла мертвая тишина, здоровенные дядьки-байкеры и вмиг сплотившие ряды русские и английские безопасники... потупились. Смутились, мерзавцы.

— Олеся! — позвала я ее, потому что в окне клуба заметила мелькнувшую в окне любопытную и совершенно бесстыжую мордашку Кати. Живой и здоровой. Вроде. Так что убивать режиссера и одного из спонсоров, только потому что они подвернулись под руку, было как-то не хорошо. Хотя — заслужили. Оба.

— Олеся, — шагнул к ней лорд Говард. — Все хорошо...

Храбр. Ничего не скажешь.

— Ма-ам, ну, ма-ам! — донеслось от входа в клуб. — Ну, ты чего?!

К Олесе вынеслась Маша, за ней показалась...

— Катя! — закричала я. — Ах ты!.. Зараза...

Кажется, я все же перепугалась сильнее, чем мне казалось. Потому что коленки ослабли. От облегчения.

— Мама? — как-то неуверенно подала голос моя зеленая жабка.

Вот тут ко мне, широко расставив руки, кинулся Артур. И как-то мне показалось, что не для того, чтобы обнять и успокоить. А именно для того, чтобы... дочь собой закрывать... Грудью. От злобной меня.

Вот... ведь... все, что сказала Олеся! Заразы. Я остановилась, и слезы закипели у меня на глазах.

— Аня, — обнял меня этот гад. — Все же хорошо. Ну, что ты переполошилась.

Я сейчас. Вот сейчас только вдохну. И...

— Мамочка. Со мной все в порядке, — между тем приговаривала Маша, глядя Олесю по голове. — Мам, ну что вы все панику устроили. Нормально же все! Подумаешь, спели в клубе, мы ж... Ну ма-ам, не плачь!

Олеся молча дрожала и прижимала к себе дочь, как потерянное сокровище. При этом она явно не воспринимала ничего из окружающей реальности. Ничего и никого, кроме Маши.

Мужчины, которых тут собралось ой как немало, все сплошь брутальные мачо, смотрели на действие в полной растерянности. Тут я зацепилась взглядом за Томбасова. Наш великий и ужасный стоял на пороге клуба. И совершенно беспомощно смотрел на все, что происходило. А моя дорогая доченька храбро отступила за него. Что-то мой одуванчик зелененький, который, собственно, и заварил всю эту кашу, маму обнять не спешил.

Я отстранила Артура и шагнула вперед. С твердым намерением провести разъяснительную работу. Немедленно. Прямо здесь. Ух же зараза зеленая, не поможет тебе

папочка, даже не мечтай!..

— Может быть, не стоит их убивать? — раздалось у меня из-за плеча.

Я подпрыгнула. Отшатнулась. Оглянулась. И поняла, что к нам присоединились еще двое. О как знатно перекосило теперь и лорда Говарда, и Бонни. И... Леву. Я вдруг почувствовала, что на душе становится теплее.

Роза. А рядом с ней — Ирина. Две наши прекрасно-беременные дамы. И если Роза цвела, пахла и излучала какое-то умиротворенно-счастливое ехидство, то Ирина... Жена Левы была какая-то поникшая. Вообще, я лично в ее существовании до сих пор не верила. Потому что женатый Лева — что-то из области Голливудской фантастики. Марсиане там, атака клонов и назад в будущее.

— А нас все бросили, — сообщила Роза с раздражающе довольным видом. — Даже Аравийский сообщил милорду и помчался. Без меня!

— Вам не стоит нервничать, миледи, — на хорошем русском заявил арабский шейх, выросший за спиной Розы. — Я же сказал, милорд во всем разберется.

— Без меня? Ну нет. Мы с Ирой решили, что ни за что не пропустим такое шоу!

На слове «шоу» Олеся вздрогнула и одарила Розу убийственным взглядом.

А жена Левы вздохнула и поникла:

— Как мне нехорошо за рулем. Москва эта ваша — город, не предназначенный для вождения вообще!

— Интересно, кто все же сдал Олеся время и место концерта? Аравийский, не ты ли?

— Что вы, миледи. Без указания милорда — никогда! — изящно сдал шефа арабский красавец.

— Концерта, — выдохнула Олеся. — Как концерта? Почему я не знаю? Петр Иванович! Куда вы... Маша!

— Мама, ты только не волнуйся, — пролепетала девчонка... Я только тут заметила, что на голове и у этой дурищи какая-то яркая мешанина цветов.

— Концерта, — просипела Олеся.

— Любимая, — Томбасов все-таки начал подходить к нашей дружной группе.

— Томбасов... — тон Олеся подозрительно напоминал змеиное шипение.

— Я все объясню, — еще храбрее заявил господин олигарх.

Бешеный взгляд был ему ответом.

Тут зашевелились остальные участники мега-шоу. Хорошо, что не трагедии. Хотя, судя по настрою Олеся, до трагедии с убийством было рукой подать.

— Мама, прости, мы не думали... ну... — не поднимая глаз, пробормотала Маша, являя пример недюжинной храбрости, ведь она была к настроенной на убийство Олеся ближе всех. — Мы договорились о концерте, а Петр Иванович... короче, мы сбежали. Но ведь все хорошо!

— Сбежали? — Олеся нехорошо прищурилась на поникшего Петра Ивановича, которого тут же самоотверженно заслонил собой английский агент Смит. — На выступление, значит. В клуб...

— Пора спасать Кея и Бонни, — решительно заявила Роза. — А то попадут под раздачу. Ни за что.

— Может, и Леву тоже? — вздохнула Ирина, однако с каким-то сомнением.

Я еще раз скинула руки Артура — он снова решил, что обнимать меня — хорошая идея. И решила, что спасать его не буду. Его крокодилы — в смысле, любимая Олеся — вот пусть

сам и выкручивается.

Хотя... Мама Маши так посмотрела на дочь — что та отпрыгнула. Потом Олеся повернулась к Томбасову. Великий и ужасный наш, под уважительные взгляды остальных мужиков, сделал еще один шаг вперед.

— Олеся, я все объясню. Не нервничай.

Мы с Розой и Ириной синхронно хмыкнули. Не, ну если Олеся и до этого была на взводе, готовая без топлива стартовать к звездам, то теперь уж точно. Все. Сейчас полетит.

Но она сделала шаг назад, отвернулась. Замотала головой. Сделала еще шаг — прочь от Томбасова. Вот тут даже мне стало холодно, как будто ледяной порыв ветра дохнул — и выстудил все.

Роза... всхлипнула, что ли? Так бывает?

Замерли все. Радужноволосые девчонки, квартет, охранники и байкеры. У Томбасова опустились руки.

И тут... Олеся развернулась обратно так же решительно, как до того ворвалась на территорию клуба.

Сделала несколько летящих, стремительных шагов к Томбасову. С таким выражением лица, что Петр Иванович вместе с агентом Смитом рефлекторно дернулись наперерез.

— Й-йес! — беззвучно, явно чтобы не спугнуть, выдохнула Роза.

Но получилось настолько ликующе, что даже я, хоть и была безумно зла, невольно улыбнулась.

— Ты! — крикнула Олеся, останавливаясь напротив Томбасова, и... треснула его кулаком по груди. — Ты! Ты, рожа буржуинская, сказать не мог по-нормальному? Язык бы отсох?

— Олесенька...

— Я знаешь, что подумать успела, когда ты сорвался? Я!..

И она еще раз его стукнула. Что было силы! Я видела!!!

— Олесенька, ты не ушиблась, милая?

— Я не о концерте этом дебильном подумала!!!

Катя встрепенулась было на слове «дебильном», но Артур положил ей руку на плечо, удерживая от очередной глупости. И одновременно обнимая меня. Так, что мы с дочерью оказались в кольце его теплых рук.

— Любимая...

— И не о том, что дуры эти поперли выступать в клуб!

Дуры сникли. Так им.

— Может, валерьянки ей? — рядом со мной подала голос Ирина.

— Я же подумала, что их похитили! — на высокой ноте закончила Олеся.

Беспомощно оглядела стыдливо отворачивающихся мужиков, и вдруг... заплакала.

— Олесенька, милая, прости меня! — Томбасов наконец прижал ее к себе, поцеловал в макушку, одновременно показав кулак Маше.

И тут все начинают гомонить. Приходят в движение. Храбрый Лева начинает продвигаться к Ирине. Но тут, ловко оттеснив охрану, к нам кидается какой-то мужик. Два метра красоты шкафа с антресолями и рыжая бородаща лопатой.

— Анна! — восторженно ревет он. — Анна Половцева?!

Люди в черном подбираются и начинают нас окружать. Артур загораживает нас собой.

— Парни! Это же моя любимая певица! Какой голос! Божественный! Неземной!

Рыжебородый шкаф счастливо прищуривается.

Роза огибаает нас, делая охране жест: не вздумайте! Явно тоже обратила внимание, что безопасники готовы уронить этого любителя музыки на асфальт. Чисто по инерции. Бурлит силушка молодецкая, не выкипела еще. А сама Роза спокойно направляется к своему лорду, которого уже не надо спасать. И который довольно оглядывается вокруг, словно сам этот праздник жизни и устроил.

А я выхожу из-за спины мужа. И счастливо улыбаюсь. Вот не знаешь, где поклонника таланта встретишь.

— Мы с семьей идем на премьеру «Кошки...». А потом с женой — на «Мушкетеров». А вы автограф дадите? А с вами сфотографироваться можно?

— Конечно же можно, — отвечаю я, и слышу недовольное рычание за спиной. Оборачиваюсь. И ослепительно улыбаюсь своим. И доченьке-начинающей звездочке. И мужу — настоящей, полноценной звездице!.. Хотя, стоп! Какой муж. Мы же в разводе. Дочь умильно улыбается. Выбрала же момент, а? Вся в папу! Или в меня. А, одна сатана.

— Мам, — не обращая ни на кого внимания, спрашивает моя зараза зеленая. — А вы что — помирились?

Артур смотрит на меня. Черные глаза горят. Словно речь идет о его жизни. И смерти. Я киваю.

— Ура! — кричит дочь, кидается к нам. Начинает обнимать, тормошить. На глазах слезы. — Ура-а! Мама! Папа! Ура!!!

Ее вопль подхватывают все присутствующие. Дамы всхлипывают. Полный дурдом, в центре которого оказываемся мы с Артуром.

И мы фотографируемся. Сначала с рыжим байкером и Катей, потом к нам присоединяются Лев с женой, и Сергей с Иваном, и Томбасов с Олесей и Катей, и Говарды с Бонни... Я раздаю автографы, голова кружится. Артур подхватывает меня на руки, кто-то умный орет:

— Горько!

Мне показалось — или это Сергей рывкнул в полную силу своих легких? Я же его самым нормальным считала. Какое «горько»?! Это им что — свадьба что ли?

Но муж подхватывает меня на руки. Губы, сводящие меня с ума, касаются моих. И на какое-то время мы просто выпадаем.

— Спеть! — орет кто-то восторженно.

Я глажу лицо Артура, запускаю пальцы в его волосы — и никак не могу остановиться. Пока не слышу волшебной команды, от которой мы разом приходим в себя, готовые работать. Хотя... вот наша жабка уже ускакала.

Мы идем вслед за ней в клуб и устраиваем импровизированный концерт. Катя с Машей, о чудо, тоже включаются и даже не морщатся, когда их клавишник играет вступление к «Оленю»...

А потом мы просто сидим в клубе, набившись как селедки в бочку — к нам и охрана присоединилась — и пьем очень неплохое пиво под свиные ушки. Я молчу, прислонившись к Артуру, смотрю на него и на нашу дочь — она вместе с Машей и двумя юными консерваторскими гениями оживленно обсуждают не иначе как следующий концерт. К ним подлетают еще двое, показывают что-то. Один в телефоне, другой — в камере. Мне их не слышно, но все ясно по горящим творческим безумием глазам дочери. Артуровым глазам.

Какое это счастье...

Зато слышно, как радостные байкеры и не менее радостные безопасники во главе с отлично спевшимися лордом и нашим родным олигархом договариваются о чемпионате по пейнтболу, или во что там играют большие мальчики. Вот уже пошли по рукам серебряные доллары и стобаксовые купюры...

— Артур, ты — и пейнтбол? — уж не в силах чему-то всерьез удивляться, спрашиваю я.

Мой утонченный гений только смеется в ответ, а я снова слышу, как большие мальчики делятся на команды. Не русские против англичан, как кто-то предложил поначалу. О нет. Они честно кидают жребий, и Томбасов оказывается с Говардом в одной команде, а против них — Петр Иваныч и агент Смит. А вот араб — Аравийский, кажется, — с шефом. И Артур там же. А Лев, Иван и Сергей — в команде «Люди в черном». Байкеры тоже кидают монетку, ржут, предвкушая развлечение...

А я уже не понимаю, то ли это все взаправду, то ли я уже сплю. Впрочем, чего еще ожидать после этого безумного дня?

Последняя моя мысль перед тем, как я перестаю отличать сон от яви — не перепутать бы завтра, в какой театр бежать сначала. Кто бы мог подумать, что сбывшаяся мечта — это полный и абсолютный дурдом! Хороший такой, крепкий, основательный дурдом, полный совершенно счастливых идиотов. Или гениев. Ведь мы — однозначно гении!

И вот наконец открывается занавес, зал полон, зал дышит в ожидании чуда, смотрит на меня — а я выхожу на авансцену в неприлично облегающем кошачьем костюме, кокетливо повожу ушками и начинаю:

— Пора-пора-порадуемся на своем веку... — под восторженный свист, сквозь который побивается родной голос:

— Поехали домой, Анечка... Ты совсем спишь? Я тебя люблю.

И я, не открывая глаз и не выныривая из прекрасного сна, держусь за шею любимого мужа и кладу голову ему на плечо. Зная, что он донесет меня до машины в целостности и сохранности. Зная, что все будет хорошо.

— Я тебя люблю, — шепчу в ответ.

Зал замер. И... вот честное слово — если бы я поперек сценария оттолкнула благородного Атоса и отчаянно страдающего в этой сцене д'Артаньяна, оглядела зал и тихо проговорила: «Помогите!», то благодарные зрители снесли бы их. Вот честное слово — снесли. Вместе со сценой! И Портосом с Арамисом.

Но я, как и миледи, дама дисциплинированная. Поэтому понаблюдала за сверкнувшим мечом — отличный у нас осветитель, просто супер! Саму каждый раз жуть берет. Послушала недовольный выдох зала, который, судя по отзывам, упорно надеется на хеппи-энд. Не понимаю, правда, какой? То ли миледи надо подстроить свою мнимую смерть и в финале договориться с кардиналом, чтоб этой вечно лезущей куда не надо четверке поотрубили головы. То ли переспать одновременно и Атосом и д'Артаньяном. Никак не пойму! Но за сценарий отвечаю не я, пусть Роза с Ириной разбираются. А мушкетеры... Ха-ха! Так вам, господа Атос, д'Артаньян и примкнувшие к ним Портос и Арамис! Оставайтесь разбираться с господином кардиналом и сходить с ума от того, что вы уничтожили женщину, которую любили. Наверное, слишком сильно любили, поэтому и уничтожили.

А я все! Отдохнуть!

Благородный Арамис накинул на «труп Миледи» плащ. Ура! Уносите!

Пятый премьерный спектакль. Пятый день подряд. Билеты раскуплены на весь месяц. Наши любимые спонсоры — и Говард, и Томбасов — счастливы. Олесья с Розой сияют. И до сих пор смотрят на нас с Артуром умильно. Ну, просто как феи-крестные. Мы же... просто счастливы. Тьфу-тьфу-тьфу. Постучим о дерево. Где тут муж? В смысле, бывший, конечно. Но желающий немедленно стать настоящим. Ну, пусть уговаривает. Дело хорошее. Уговоры — не свадьба.

Самое любопытное, что в родной «Оперетте» после премьеры «Мушкетеров» меня признали звездой. Владлен ручки целовал и в любви признавался. Старался-то как! И умасливал, и улещивал. За столько лет никогда такой красоты не видела. И договор на «Принцессу цирка» принес, виляя хвостиком. И намекнул, что в следующем сезоне будут ставить для детей «Рикки-Тикки-Тави». Потому как принципы принципами, но дети — это такое, оказывается, святое! И такое количество денег и бонусов любимому театру, что только вперед и вперед. Так что роль бесстрашного мангуста — моя.

Я благодарила, ослепительно улыбалась, кокетливо хлопала ресницами и соглашалась. Но про себя думала — а не попросить ли мне роль кобры. Хотелось бы попробовать. Интересно же — как петь шипение?

С другой стороны, Милена и проведет эксперимент. Кобра досталась ей.

Две премьеры подряд — это тяжело, конечно. Но... как же это классно!

Завтра у нас перерыв. Сутки. А потом снова марафон на три недели — пока не уехал Бонни. Хотя он, спев первый спектакль и получив гонорар, сообщил, что «русский есть сумасшедший» и согласился не только на турне по Европе, но и энное количество московских представлений в течение полугода плюс подумать об участии в киноверсии. «Потому что спектакль — класс, япона мать».

Так что сейчас мушкетеры договорятся с кардиналом — вот зараза, слил миледи все-таки! И плевать на то, что женщина в моем лице ждала счастливого финала. В смысле, что

кардинал отомстит гадским мушкетерам. А то «мрачный гений Миледи, мрачный гений Миледи». На себя бы посмотрели!

— Привет! — Констанция убрала телефон.

Они с королевой и мсье де Тревилем сидели на диванчике в общей комнате отдыха в ожидании финальных поклонов.

— Привет! — улыбнулась я коллегам.

— Слушай, — спросила Анна Австрийская, в которой невозможно было узнать пигалицу, которую Лева выставил со сцены при первом знакомстве. — А что у нас за сабантуй после спектакля?

— У Сергея день рождения. Он проставляется.

— Готовность пять минут, — раздалось по громкой связи. — Мальчики и девочки! Вы — звезды!

После оваций, фотосессии со зрителями, автограф-сессии и снова оваций мы, наскоро сняв грим, но не переодев костюмы, вышли в фойе. «Вдова Клико» печалилась в пластиковых стаканчиках. Диссонанс, конечно. Но что делать. «На войне как...» Как и после спектакля — без потерь не бывает. Особенно среди тех, кто не поспешил и остался без выпивки.

— С днем рождения тебя... — затаили Иван, Артур и Лев.

Я с удовольствием к ним присоединилась четвертым голосом, а следом и вся труппа.

Сергей просиял. Еще в мушкетерском костюме, только с отмытым лицом — от театрального грима парни все как на подбор, чесались. Не привыкли, баловни судьбы.

Черноволосый, огромный, красивучий. В новом сценическом образе: усы, кокетливая эспаньолка и волосы до плеч. Никаких паричков, исключительно работа лучших специалистов по наращиванию. Говорю ж, избалованы наши мальчики — дальше некуда. Зато как ему идет! Прямо другой человек стал!

— Поздравляем! Поздравляем!!! — на три десятка голосов распевала труппа.

— Ураааа!!! — закричал Томбасов.

Машка крутила камеру на длинной палке, совалась под ноги и со сноровкой опытного папарацци расставляла мизансцены и ловила удачные ракурсы. И вот как у этой девчонки получается делать снимки и видео лучше, чем у специально приглашенных фотографов? Загадка природы.

— Спасибо! — растроганно проговорил Сергей. — Спасибо, друзья!

— Спасибо не булькает! — возвестил Томбасов и вручил другу футляр. — Держи, дружище! Шпагу не предлагаю, с ней на медведя не выйдешь. А этот красавчик — самое то.

— О! Спасибо, друг!

Бас достал из футляра охотничий карабин, явно какой-то ужасно навороченный, и просто расцвел. Чуть не поцеловался с ним. С карабином, в смысле. С Томбасовым они ограничились объятиями и хлопаньем по спинам.

Лев недовольно посмотрел на олигарха, который, по его мнению, влез без очереди. Но! Странность какая — промолчал. Олеся посмотрела на него с ласковой усмешкой. Вот кого закидоны нашего гения только веселили.

— А это от нас! — провозгласил Лева, выдержав паузу и добившись того, чтобы внимание было приковано именно к нему. Ну, и раз уж остальные члены коллектива, включая Олесю, стоят рядом, то и к ним тоже. Так уж и быть.

— Мама моя дорогая! — только и воскликнул бас, доставая из футляра гитару. Нежно-

нежно, еще нежнее, чем ружье.

— Нравится?

— Еще бы! Ну вы... это ж!.. Мечта поэта!

Зеленые глаза Льва горели, а Сергей гладил гитару. Получалось у него, честное слово, эротично. Я замерла, поймав ревнивый взгляд Артура. И рассмеялась. Он тут все рвался Владлену лицо подправить. Меня это веселило. Потому что эта была игра в ревность — для остроты. Легкая, без трагедийного надрыва. Без недоверия. Просто кое-кто почувствовал себя настоящим артистом и наслаждался новыми ощущениями на полную катушку.

Мне тоже понравились новые ощущения. И корзины цветов на премьере «Кошки» — ровно пятнадцать корзин белых роз, по числу прожитых вместе лет, и в каждой карточка со стихами. На пятнадцати языках. Вот выпендрожник, а?! И то, как Артур выпроводил из моей примерки рассыпающегося в поздравлениях Владлена (руки прочь от моей жены, мизерабль!) и сам помог мне снять грим и костюм... Честное слово, почти не пострадавший в процессе!

Катя тоже пришла посмотреть, что там мама играет. Посмотрела. Слиняла сразу после поклонов, а уже дома за завтраком буркнула: «Музон — отстой, но ты, матушка, хороша». И на том спасибо. Потому как они с Машей были заняты более чем. Их клип, сделанный на коленке умельцами из Питера, бывший одноклассник Маши и его старший брат постарались, произвел на ю-тубе эффект разорвавшейся бомбы.

Хрупкие, отчаянные девочки-припевочки — и брутальные байкеры, мрачные стены, надрыв, протест и угрожающая морда агента Смита, как воплощения Злобной Системы... Это было классно. Даже меня проняло. Девчонки запустили еще и версию на английском языке.

Лева только крикнул, когда увидел количество просмотров, комментариев и подписавшихся на канал. Будем считать, что от восторга.

Как Маша успевала рекламировать «Крещендо», записывать с Катей еще один клип и бодро посещать десять часов херографии — я не знаю. Наверное, чудо природы.

Так что девчонки — молодцы.

Но мы с Артуром все думали, как поступить. Удачу надо ловить за хвост. То, что талант пробьется когда угодно — сказки. Судьба не разбрасывается шансами. Но с другой стороны... Успех с первой песни это риск. Зазвездиться и слиться, оставшись авторами единственного хита-однодневки легче легкого. Да и школу надо как-то закончить. Хотя вот это, в отличие от Олеси, меня волновало в последнюю очередь.

А вот то, куда эти дурищи влезут снова, чтобы отснять материал... Это хорошо, что байкеры. А если бы золотая молодежь какая-нибудь? Или совсем криминал? С наших красоток станется влезть на зону и заснять погоню за ними ВОХРовцев с собаками.

Так. Ладно. Не будем впадать в мрачность. У нашего друга день рождения. А я тут думаю невесть о чем.

Я сделала глоток шампанского, поймала взгляд Артура. Многообещающий. Улыбнулась ему — не менее обещающе.

И прислушалась к разговорам

— Ну, Сережа-а. Ну, пожа-алуйста, — уже ныла Маша, выпрашивая что-то наверняка ужасно креативное и просто необходимое для успешного пиара.

— Вот уж нет! — отвечал бас девчонке, которая умильно изображала котеночка. — Я у твоей мамы научился не вестись на такие взгляды. Прости, Маш.

— Мама! На помощь!

— Сере-еженька, — еще умильнее пропела Олеся, подплывая к басу со стаканчиком в одной руке и бутербродом в другой, — ну пожа-алуйста.

Все заготовали.

— Олеся! Как ты можешь! — с театральным страданием отозвался Сергей и тоже заржал.

Под шумок Артур придвинулся ко мне поближе, обнял покрепче

— А что тут происходит? — пришлось спросить мне, пока бессовестный гасконец гладил мои плечи, напрочь позабыв об окружающей нас толпе народа.

— А что-то происходит? — интимным шепотом переспросили меня.

А глаза-то какие! Шальные совершенно. Гаско-онец...

— О чем это они?

Артур помотал головой, мотнулась длинная челка, мазнула меня по носу. Вот он ни стричься, ни наращивать волосы не стал. И поэтому мучился в парике.

— А... — он с явным трудом оторвал ладонь от моей талии, то есть того что несколько пониже, и вернулся в реальность. — А, это у Серого дом сделали. Ему перед спектаклем сообщили, что можно смотреть. Машка пронюхала. Ее осенила гениальная идея. Вот теперь уламывает Серого делать фотосессию в новом доме.

Я с новым интересом прислушалась:

— Ты представляешь, какая будет красота, а? — продолжала петь Машка. — Настоящий Портос на современной улице. И новый мотоцикл! Офигенно же выйдет. Ну, Сере-е-ежа!.. Ты же обещал сфоткаться с байком! Он же круто-ой!

— Байк? — переспросила я.

— Ага, ему Говарды подарили. Такой же, как у Бонни, чтобы не дрались, — усмехнулся Артур.

Видимо, новый мотоцикл оказался весомым аргументом, потому что Сергей сдался.

— Ну ладно, делай свои снимки. Пошли на улицу.

— Сережа-а-а! Я тебя люблю! — радостно заверещала Машка, быстро обняла Сергея, потом схватила за руку и затараторила: — Ты прикинь, какие просмотры будут! Какая реклам! Если мы скажем еще, что это твой дом...

— Ага, — каким-то чудом устоял Сергей. — И адрес дадим. Со схемой проезда!

— Ну Сере-ежа...

В глазах юной циничной пиарщицы блеснули самые настоящие слезы. Луковицу она прячет где-то? Так переходить от радостного визга к горестным стенаниям — это не просто талант, это талантище нужен!

— Маш, ну о чем ты! Поздно уже! — начал оправдываться Сергей.

— Клиент готов, — шепотом прокомментировал Артур, не выпускающий меня из объятий.

— Ну и что! Зато освещение! Антураж! — намертво вцепилась в него Машка, намеренная костями лечь, но баса дожать.

— Дизайнер не нанималась тащиться за город ночью. Маш, завтра.

— А ты ей позвони и спроси, — включился в дожим клиента Томбасов. Как обычно, с грацией носорога. — А то хочешь, я.

— Да вот что вы пристали, а! — у Серого сделались несчастные глаза.

— Сережа, — попросил и Томбасов.

Бас только обреченно вздохнул.

— Ладно. Поехали. Вы же все равно не отвяжетесь.

— Ни в коем случае, — ослепительно улыбнулся Лев. — Ты не представляешь, как нам интересно! Какой он — дом твоей мечты?

Лицо баса посветлело:

— Вокруг — лес. Внутри — камень, дерево, стекло. И ничего лишнего.

— Представляешь, — тихо на ухо сказал мне Артур. — Сергей откопал кубышку и оплатил работу какой-то неприлично дорогой дизайнерской конторы. «Барвиха-стайл» или что-то в этом роде. Где-то мамонт сдох!

Я засмеялась. Сергей был... нет. Не жмотом. Просто он не тратил лишнего. Например, в отличие от Льва или того же Артура, квартиру он купил практически в спальном районе, то ли Давыдково, то ли вообще Южное Бутово. Самая обычная двушка. А деньги он вкладывал, я так понимаю, в проекты Томбасова, и накопил весьма и весьма достойно.

Нам бы тоже не помешало, кстати.

— А будете глумиться, господа безнравственно неженатые, я у вас на свадьбе свидетелем не буду! — пробасил обладатель бессовестно тонкого слуха.

— Вот что сразу угрожать! — Артур вскинул руки. — Мы ж... любя.

— Любя они, — хмыкнул Сергей и скомандовал: — Поехали.

Ровно через три шага раздался заполошный вопль костюмерши Лидочки:

— Куда-а? Костюмы снимите, варвары! С ума сошли!

— Ничего им не будет, — величественно отмахнулся Томбасов, опережая Машу.

Квартет переглянулся. И счастливо заржал наивности олигарха. Им-то с этими костюмами уже не одну плешь проели.

— А если будет?! — не сдавалась Лидочка. — Вы хоть представляете, что это такое — пошить новые костюмы?! Да они стоят, как космолет!

Снова барственный взмах ручкой:

— Ерунда! Пришлете мне счет.

— Ах, счет! — задохнулась от возмущения костюмерша. — Варвары! Сами будете объясняться с Марией Абрамовной, если хоть что-то порвете или запачкаете!

— Лида, миа белла, — вмешался Бонни, собаку съевший на общении с костюмерами, и вручил ей полный стаканчик чего-то покрепче шампанского. — Вы есть пить, танцевать и не думать о ерунда. Си?

— Си, си, — растаяла Лидочка от томного сицилийского взгляда нашего козлогения.

И мы смотались. Всей дружной толпой: квартет с супругами — шесть штук, Томбасовы — две штуки, Говарды — две штуки, гениальный режиссер — одна штука, гениальная пиарщица — одна штука, люди в черном — без счета, но не отсвечивая.

Ехали долго. Потому как на Машу напал творческий порыв, неожиданно поддержанный заскучавшим Бонни. А мы позировали. Везде, где душенькам гениальным (две штуки, но казалось, что минимум десять) было угодно. При этом ворча, страдая и фыркая. Но не сильно, ведь все — на благо проекта.

— У меня еще никогда такого дня рождения, — вздохнул Сергей, когда мы вывалились из пяти машин и одного байка перед воротами его дома.

Которые тут же открылись, пропуская весь гомонящий табор.

Сам дом приветственно горел огнями в глубине огромного мрачного участка: сосны, ели, липы, едва освещенный прудик, каменные дорожки.

Мы шагнули вперед. По сторонам дорожки вспыхнули фонари. А нам наперерез шагнула стройная платиновая блондинка. Высоченные каблуки, укладка, идеальный офисный костюм, макияж под Мерилин Монро. Папка под мышкой. Словно на дворе рабочий полдень, а не глухая полночь.

— Добрый вечер! Сергей Юрьевич.

Она протянула руку басу, ничуть не удивляясь ни толпе рядом, ни костюмам а la семнадцатый век.

Только радость и стремление угодить обожаемому заказчику. Какая прелесть.

— Снимаем, Сережа, это — снимаем! — тут же вклинилась Маша. — Встаньте сюда, под фонарь.

Дизайнер послушалась беспрекословно, встала куда ее поставила Маша и подала Сергею ключи.

— Добро пожаловать, Сергей Юрьевич.

Мы аплодировали, Маша снимала. Мы шли к дому — Маша снова снимала. Все подряд, как военную хронику.

— М-да. Странное у тебя понимание о лишнем, — сверкнул глазами Лева, стоило нам войти в дом.

А вот когда мы добрались до гостиной — даже я присвистнула, не говоря уж о восторженных комментариях квартета.

Бело-золотые завитушки. Толстопопые амурчики на потолке. Розовые в голубом, как зефир. Посреди всего этого великолепия — обеденный стол на двадцать персон и во главе его кресло, изумительно похожее на трон. С французскими лилиями на обивке.

— О! — в благоговении сложила ручки Маша. — О!!! Это же место для фотосессии моей мечты. Сережа, ты — лучший. Спасибо!!!

Бас стоял молча. И особого счастья в выражении его лица я не замечала. Хотя... вот ни за что бы не сказала, что Сергею может все это понравиться... Ну, чужая душа, как говорится...

— Идите сюда! — раздался голос Бонни. — О, Серж! Ты... star! Superstar! Bravo! Grandioso!

И довольное глумливое ржание.

Понятно, мы ломанули всей толпой на такой призыв. Еще спустя мгновение мы выяснили, что исходил он из санузла размером с футбольное поле. Ванна на широких лапах. Кран в виде гривастой львиной головы — Бонни как раз мыл руки. И... на постаменте — золотой унитаз. С лилией на бачке!

— Слушай, Британия, — обратился Бонни к застывшему от восторга лорду Говарду. — А почему у тебя такого нет? Я чувствую какой-то комплекс неполноценности. У Портоса — есть. А у тебя — нет.

— И у меня нет, — вырвалось у Томбасова. И он внимательно посмотрел на белого Сергея.

— Пошли спальню заценим. Спорим, и там будет что-то такое... — и Бонни довольно показал на золотой унитаз

Бам!

Клянусь, это услышали все. Хотя Сергей не стал хлопать дверью в собственный туалет в собственном доме, на который он потратил тучу денег. Он просто развернулся. И вышел.

— Что это он? — спросил Бонни у Олеси, которая смотрела на гениального итальянца с

таким видом, словно собиралась утопить его в золотом унитазе. Или же в ванне со львиной головой, предварительно попинав как следует. — Нет, ну а я тут при чем?

Гениальный режиссер торопливо отступил за спину лорда Говарда. И оттуда протянул, делая большие испуганные глаза:

— Колючка...

— Что это все значит? — раздалось издалека тихое-тихое.

— Вперед, — скомандовал Лева. — Пора спасать.

— Кого? — удивилась (или сделал вид, что удивилась) Роза. — Что может угрожать Сергею в его собственном доме?

— Да дуру эту. — Иван обвел взглядом все великолепие, что нас окружало, и пояснил с великолепной издевкой: — Дизайнера.

И трое из квартета исчезли. Да-да. И Артур тоже. Вот что значит — трудовая дисциплина, она же круговая порука. Один за всех. И все на одного!

— Не справятся, у него ж ружжо, — вздохнул Томбасов. — Надо бы помочь парням.

И мы дружно ломанулись обратно, в гостиную. Там блондинка тыкала пальчиком с алым маникюром в папочку.

— Вот ваш договор. Отсканированный. Вот ваша подпись. Смотрите. Мы все сделали в точности по проекту!

Сергей зверел.

— Это не мой дом!

— Послушайте, Сергей Юрьевич! Наша фирма строго придерживается...

— Нет, это вы послушайте! — рявкнул Сергей так, что стекла задрожали. И не только в этом, испорченном чьей-то глупостью доме.

Да. Похоже, этот день рождения бас реально не забудет.

— Ань, — обнял меня д'Артаньян. — А давай сбежим. Ну их всех. Я домой хочу.

— А помочь другу? — Ну вот не могла я не поддеть.

— Все-таки надо Владлену намекнуть: пусть тебе в новом мюзикле роль змеи выдадут. Это будет божественно. И костюмчик наверняка...

— Тебе кошачий хвостик уже не нравится? — подняла я глазки на бесстыжего, невозможного... любимого мужчину, который пробрался ко мне в примерку после премьеры «Кошки...» И не просто прокрался. А выкрал костюм. Домой. И гордо сообщил мне: «А тут мы ЭТИМ заниматься не будем». И глазами черными этак: «Бу-у». И ресницами так взмахнул, что я... Просто... Но он бесстрашно отбивался от меня до самого дома.

Катя сказала нам тем утром: «Мда». Мы переглянулись. И покраснели. Похоже, не ту комнату в доме мы звукоизолированной сделали, ой, не ту. Дочь расхохоталась, довольная как слон. И удрала на следующую ночь к Машке. Нет, этот убогий реально не понимает, что моя месть будет страшна. Но пока я просто смотрела...

— Аня-а, — простонал Артур. — Может, правда, пока они здесь заняты, спальню найдем? Проверим, есть ли там балдахин.

— Тебя Сергей задушит, — покачала головой я. — В порыве. А ты не Дездемона. Тебе петь еще.

Мы сбежали под звуки замечательнейшего скандала.

— И все будет дома! И только дома, — добравшись до машины, сообщила я мужу. Непререкаемо и жестко. Мстить — так мстить.

— Ага, — тряхнул он челкой и сделал такие невинные глаза, что у меня внутри все

замерло. От предвкушения.

Доехали мы до выезда из коттеджного поселка. Ну, может, еще метров сто после того, как за нами закрылся шлагбаум. А костюмы... Ну, надеюсь, Лидочка нас не убьет... Или Томбасов выручит. Или... Ведь это совсем неважно, когда мы — вместе. Снова. Всегда.

Конец